

Илья Деревянко

Жестокая реальность (сборник)

«СИЛК-ПРЕСС»

2017

Дервянко И.

Жестокая реальность (сборник) / И. Дервянко — «СИЛК-ПРЕСС», 2017

ISBN 978-5-6040076-3-1

Бандиты и коммерсанты. Киллеры и их заказчики. Менты и «красная масть в криминале». Добропорядочные обыватели и... запредельная жестокость! Кто эти люди?! Почему они стали теми, кем стали!? Ответы на эти вопросы (а также многое другое) вы найдёте в нашем сборнике. Далеко не все любят вспоминать 90-е годы. Но... без знания реалий того времени не поймёшь настоящего и не увидишь будущего...

ISBN 978-5-6040076-3-1

© Дервянко И., 2017
© СИЛК-ПРЕСС, 2017

Содержание

Отбойщик	5
Глава 1. Олег Селезнев	6
Глава 2. Рафик Балаян	10
Глава 3. Олег Селезнев	15
Глава 4. Олег Селезнев	20
Глава 5. Олег Селезнев	26
Глава 6. Олег Селезнев	31
Глава 7. Леонид Ермолаев по кличке Принц	36
Глава 8. Севастьян Серебряков по кличке Сева	39
Глава 9. Олег Селезнев	41
Подельники	45
Глава 1	45
Глава 2	48
Глава 3	51
Глава 4	54
Глава 5	58
Глава 6	61
Глава 7	64
Глава 8	68
Глава 9	73
Глава 10	76
Глава 11	80
Эпилог	84
Братва	85
Глава 1	85
Глава 2	87
Глава 3	90
Глава 4	93
Глава 5	96
Глава 6	99
Глава 7	102
Глава 8	105
Глава 9	108
Эпилог	111
Замусоренные	113
Пролог	113
Глава 1	115
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Илья Деревянко

Жестокая реальность (сборник)

Отбойщик

Я стою перед вратами вечности. Все позади. Я вижу свет. Его оттенок меняется от благостного до зловещего. Господи, прости, что я в Тебя плохо верил! Прости, что жил не так, как Ты завещал! Перед взором моим мелькают, как в калейдоскопе, события минувшей жизни. Будет суд. Мне страшно. С пальцев капает кровь. Много крови. Имел ли я право проливать ее? Пусть судит Бог, ибо сам я не знаю этого...

Глава 1. Олег Селезнев

Пыльный июльский день медленно приближался к концу. В спертom воздухе моей комнатки, площадью шестнадцать квадратных метров, ощутимо пахло свежей краской и сырыми обоями. Вот уже третий день, как я пытался привести свою холостяцкую берлогу в приличный вид. Сейчас работа близилась к завершению. Опустившись на стул, я уныло огляделся. Видавшая виды мебель выглядела на фоне новеньких обоев виновато и униженно. «Вот вышвырну тебя на помойку», – злорадно сказал я старому дивану с потертой обивкой и скрипучими пружинами. Я блефовал. Зарплата молодого специалиста, ожидавшая меня после окончания института, не давала никаких оснований для столь решительного поступка. Я вновь остро ощутил свою неполноценность. Чувство это появилось у меня две недели назад, после знакомства с Инной Владимировной. До сих пор я был о своей персоне довольно высокого мнения. Как же, бугай, ростом метр восемьдесят, пятьдесят шестой размер плеч. Неплохо владеет приемами карате. Что там еще? Институтские преподаватели, прочащие блестящую научную карьеру, приглашение в аспирантуру... Но Инна Владимировна дала мне понять, что все это ерунда. Нет, прямо она ничего не говорила. Вопрос о будущей зарплате, оценивающий взгляд, в котором сквозило пренебрежение, затем обстоятельный рассказ, как удачно вышла замуж дочь ее подруги: у мужа машина, дача, трехкомнатная квартира. Так сказать, честный труженик автосервиса. Я не дурак и сразу все понял. Инна Владимировна – это Светкина мать, моя будущая теща. Светка – очаровательное существо: хорошенькая мордочка, густые каштановые волосы, огромные зеленые глаза и фигура фотомодели. Я познакомился с ней пять месяцев назад, вовсе не собираясь жениться. То, что я влип, выяснилось в июне, когда Света на две недели уехала в санаторий. В ее отсутствие я не находил себе места и чувствовал, что жизнь потеряла всякий смысл. Когда же она наконец вернулась, я так обрадовался, что сразу предложил выйти за меня замуж. Через неделю мы подали заявление, а еще через три – Светка забеременела. Свадьба была назначена на четырнадцатое августа, поэтому я спешно приводил в порядок свою берлогу. Но мое счастливое настроение отравляли мысли о зарплате в сто тридцать рублей, особенно после знакомства с Инной Владимировной. Вот и сейчас, угрюмо созерцая старую мебель, я ломал голову: как прожить с молодой женой на такую сумму? Мои размышления прервал резкий звонок в дверь. От неожиданности я вздрогнул и, чертыхнувшись, отправился открывать. На пороге стоял Руслан.

– Здорово, дружище, – весело сказал он, протягивая руку. – Куда пропал? Никак жениться надумал?

– Ты что, ясновидящий?

– Да нет, просто видел тебя на днях с очень симпатичной девчонкой. Ты смотрел на нее телячьими глазами и, как лунатик, не замечал ничего вокруг.

– Полегче на поворотах! – огрызнулся я.

Руслан тем временем снял у порога кроссовки и прошел в комнату.

– Да, – вздохнул он, оглядываясь. – На такой подвиг тебя могли толкнуть лишь чрезвычайные обстоятельства! Еще мебель заменить – и совсем будет хорошо!

Не целясь, он угодил в самое больное место.

– Ну, а ты как живешь? – попытался я сменить тему. – В армию не надумал возвращаться?

Вплоть до недавнего времени Руслан служил прапорщиком в войсках МВД, где мы с ним и познакомились, когда я был на действительной службе. Своим местом Руслан был недоволен, жаловался на низкую зарплату, придирки начальства и козни сослуживцев. Год назад демобилизовался, но приличную работу найти не смог, поскольку не имел никакой специальности. Некоторое время перебивался случайными заработками, пытался спекулировать, однако все коммерческие начинания заканчивались неудачей. Не имея никаких способностей к бизнесу,

он постоянно оказывался в дураках. Последняя афера с жемчугом закончилась для Руслана столь сокрушительным провалом, что, если бы не обеспеченные родственники жены, ему бы по гроб жизни не вылезти из долгов.

Сейчас, впрочем, Руслан выглядел неплохо. Дорогая импортная рубашка, фирменные «варенки» и явно не отечественного производства «дипломат» не оставляли никаких сомнений в том, что он процветает. Мое предположение, что он решится вновь служить за нищенскую зарплату, выглядело наивно.

– Нет, старик, какая там армия! – отмахнулся он. – Я теперь работаю в кооперативе, имею неплохие бабки. А ты закончил институт?

Я кивнул.

– Куда распределили? Сколько будут платить?

Услышав ответ, он покачал головой.

– Плохи твои дела, дружище!

– А вот это не твое собачье дело! – вдруг взорвался я. Мне до смерти надоели все эти сочувствующие взгляды, лишний раз подчеркивающие мое незавидное положение. В то же время я понимал, что он прав, и это бесило меня еще больше.

– Может, и мое. Откуда ты знаешь? – загадочно улыбнулся Руслан, внимательно глядя на меня.

– Выпить хочешь? – предложил он и, не дожидаясь моего согласия, достал из «дипломата» бутылку дорогого коньяка.

После нескольких хороших глотков обстановка в комнате разрядилась.

– Как карате, не все еще забыл? – снова спросил Руслан, закуривая сигарету.

– Да нет, кое-что помню, могу на тебе продемонстрировать, – пошутил я. После стакана коньяка настроение у меня заметно улучшилось.

– Тут вот какое дело, – потушив сигарету, Руслан повернулся ко мне, – я недаром спросил про твою зарплату и, поверь, вовсе не хотел тебя обидеть. Нам нужен такой парень, как ты, не трусливый, умеющий драться, а главное – надежный!

– Если ты имеешь в виду рэкет... – насторожился я.

– Да нет, не перебивай, лучше послушай, что я скажу.

Суть его предложения сводилась к следующему: кооператив, где работал Руслан, занимался строительством. Доход это давало неплохой, но председатель кооператива Рафик Балаян хотел большего. Недавно он решил расширить сферу деятельности и заняться торговлей импортными компьютерами. Их в большом количестве провозили через границу иностранные студенты. Государственные организации, предприятия, НИИ, не располагающие наличными средствами, сами не могли их приобрести. Поэтому они обращались в посреднические кооперативы, которые, получив по безналичному расчету деньги, снимали их со своего банковского счета, покупали компьютеры и доставляли заказчику, оставляя себе хорошие комиссионные. Однако кооператоры, не имевшие надежной охраны, становились легкой добычей грабителей, не говоря уже о профессиональных рэкетирах. Особенно опасным был момент, когда они, имея на руках огромные суммы денег, ехали за товаром. Одного из знакомых Рафика уже ограбили во время такой поездки. Теперь на нем висел долг в 200 тысяч, и он кусал локти, не зная, куда деваться. Сам Рафик, всегда отличавшийся предусмотрительностью, не желал попадать в подобную ситуацию. За охрану мне предлагали долю в прибылях. По моим понятиям, сумма была астрономическая.

– Это, конечно, хорошо, – неуверенно начал я, – но если за твоего шефа возьмется мафия? С ней мне связываться не хочется.

– Ты не понял. Охранять Рафика нужно только от случайных налетчиков и «диких» рэкетиров. С мафией он договорится сам.

Под «дикими» Руслан подразумевал банды вымогателей, действующие самостоятельно и не контролируемые мафией. Судя по слухам, они составляли около шестидесяти процентов всего рэкета в Москве.

– С мафией тебе не придется иметь дело! – еще раз повторил Руслан, разливая по стаканам остатки коньяка.

Мы выпили.

– Ты не торопись, подумай. Время терпит.

Руслан поднялся с дивана.

– Не выпить ли нам еще? – вдруг предложил он. – Пойдем, где-нибудь посидим. Ладно, ладно, – заметив мое несколько растерянное выражение, сделал он протестующий жест рукой, – какие счета между друзьями, – отдашь потом, когда разбогатеешь!

На улице стало заметно прохладнее. Косые лучи заходящего солнца золотили пыльный асфальт и отражались в стеклах домов радужными зайчиками. Во дворе нашего дома громко визжали ребятишки, лаяла бродячая собака, резались в домино пенсионеры. Небрежным жестом Руслан остановил такси и взгромоздился рядом со мной на мягкое сиденье.

Из окна машины я наблюдал за шумной суетой на московских улицах. Закончившие работу люди вламывались в переполненные автобусы, штурмовали магазины и давились в длинных очередях за чем придется. Над этим содомом величаво плыл колокольный звон, доносившийся из ближайшей церкви. Наконец-то хоть верить в бога разрешили.

Я размышлял над предложением Руслана. Оно казалось заманчивым, но мне было страшновато. Жизнь – не кино, где один супермен расправляется с множеством врагов, а мне вовсе не хотелось в двадцать шесть лет получить пулю в лоб. В то же время перспектива существовать на нищенскую зарплату, особенно в условиях бешеного роста цен, пугала еще больше. Я так и не пришел к определенному решению, а мы уже прибыли к цели нашего путешествия. На стеклянных дверях ресторана висела табличка «мест нет». Толстый швейцар виднелся в глубине за ними. Он всем своим видом давал понять, что внутрь можно попасть только через его труп. Однако купюра, которую Руслан показал «церберу» через стекло, оказала магическое воздействие. Двери распахнулись. Жирная морда расплылась в приветливой улыбке, и мы беспрепятственно вошли в зал. Он, вопреки утверждению таблички, оказался наполовину пуст. Играла негромкая музыка, на зеленых скатертях ослепительно белели салфетки в вазах, и здоровенный азербайджанец, сидевший с худосочным приятелем за одним из столов, масляно поглядывал на всех женщин подряд.

Руслан заказал коньяк, шампанское, цыплят и жаркое. Ближайшие к нам столики были пусты. Лишь за одним из них сидела девушка – как видно, кого-то ждала. Я невольно залюбовался ею. Роскошные белокурые волосы спадали густыми волнами на легкую изящную кофточку, туго облежавшую упругую грудь. Ярко-серые глаза, окруженные густыми черными ресницами, смотрели загадочно и вместе с тем как-то мило и беспомощно.

Зал постепенно заполнялся. На небольшой эстраде появился ансамбль, настроил инструменты и довольно фальшиво заиграл медленный танец. Несколько пар поднялись из-за столиков и затоптались в центре зала. Гул голосов становился все оживленнее, хлопали пробки из-под шампанского, сигаретный дым призрачными клубами поднимался к потолку.

«...А ты, противенький, в наш садик не ходи! Тузик, напугай его!..» – преувеличенно тоненьким голосом рассказывал Руслан анекдот про «голубых», когда слева от нас послышался шум. Здоровенный азербайджанец что-то втолковывал той самой девушке, на которую я с самого начала обратил внимание. Он был изрядно пьян. Толстые губы слюняво обвисли, потное лицо лоснилось, а расстегнувшаяся рубашка обнажала мускулистую грудь, поросшую густой черной шерстью. Девушка что-то ответила, отрицательно покачав головой. Глаза амбала налились кровью. Он грубо рванул девушку за руку. Потеряв равновесие, она чуть не упала со стула.

– Эй ты, ублюдок, оставь ее в покое! – Руслан всегда был джентльменом. – Я что сказал!

Он, пошатываясь, поднялся из-за стола и сделал шаг в сторону скандалиста. Азербайджанец злобно уставился на Руслана, затем схватил его за грудки и с силой швырнул на соседний столик. Раздался звон бьющейся посуды. Громко завизжали женщины. Я быстро вскочил на ноги и, легко блокировав размашистый удар азербайджанца, правым боковым врезал ему по челюсти. Не удержавшись на ногах, он тяжело рухнул на пол. В это время его худосочный приятель с неожиданной силой ухватил меня сзади за горло. Не без труда разжав его руки, я рванул их вниз до уровня груди и, резко нагнувшись, перебросил тощего через себя. Он с воплем врезался головой в пол и потерял сознание. Амбал уже немного очухался, попытался встать, но ударом ноги в лицо я уложил его на прежнее место.

– Ну ты даешь! Прямо Рэмбо, – восхищенно произнес Руслан. Он стоял в двух шагах от меня, потирая ушибленное при падении плечо.

Я собирался ответить, но не успел. В нашу сторону, что-то крича, бежал разгневанный метрдотель.

– Не волнуйся, – сказал Руслан и, нащупывая в кармане деньги, пошел объясняться. Он что-то долго втолковывал метрдотелю и под конец сунул ему в руку несколько крупных купюр.

Избитые азербайджанцы не были здесь постоянными клиентами. Поэтому метрдотель благосклонно внял увещаниям. Разбитую посуду быстро убрали, наш столик застелили свежей скатертью, принесли еще шампанского. Амбал наконец пришел в себя и удивленно озираясь вокруг. Несколько дюжих официантов подхватили его вместе с товарищем под руки и вывели восвояси. Мы разлили вино по бокалам, собираясь продолжить прерванную беседу, как вдруг Руслан дернул меня за рукав.

– Так вот кого она ждала, – растерянно проговорил он, указывая глазами на девушку.

Она теперь была не одна. Рядом находился старый негр с золотыми зубами, одетый в шикарный вечерний костюм.

– Теперь понятно, почему тот парень привязался к ней, но она, видно, только за валюту. Да, брат, погорячились мы с тобой!

Красотка, весело смеясь, что-то говорила своему спутнику, указывая рукой в нашу сторону. Он величественно усмехнулся и снисходительно потрепал ее по щеке. На коротких, толстых, как сосиски, пальцах сверкнули бриллианты. Мне стало противно.

Есть у тети Мани, Мани, Мани, Мани,
Есть у тети Мани средство от беды.
Есть у тети Мани – мани, мани, мани,
И она всегда сухой выходит из воды, – неожиданно заорал осипший солист ансамбля, и мы с Русланом принялись молча допивать вино.

Было уже поздно. Накапывал мелкий дождь, и огни фонарей тускло отражались на мокром асфальте. Из ресторана доносились приглушенные звуки музыки: там продолжалось веселье. Руслан курил, высматривая глазами такси.

– Слышишь, Руслан, – я тронул его за плечо, – я согласен!

– Ты о чем?

– На твоё предложение согласен, можешь передать Рафику.

– Правильно, я знал, что ты не откажешься, – удовлетворенно ответил он и замахал рукой, заметив вынырнувшего из-за поворота частника.

Глава 2. Рафик Балаян

Рафик припарковал машину у подъезда и, поднявшись лифтом на третий этаж, открыл дверь своей квартиры. Жена с дочкой уже спали. Сняв обувь, Рафик на цыпочках прошел в свою комнату. Зажег торшер, включил телевизор и устало опустился в низкое кресло, вытянув перед собой ноги. Передавали последние новости. Диктор что-то монотонно бубнил, но от усталости Рафик плохо понимал, о чем идет речь. Весь день он мотался на машине по городу, улаживая дела своего кооператива.

Самое обидное, что приходилось делать много лишней работы и постоянно трепать нервы, преодолевая бесчисленные бюрократические рогатки. Около месяца Рафик обивал пороги исполкома, чтобы внести в Устав кооператива необходимое дополнение, дающее возможность заниматься посреднической деятельностью. Ничего противозаконного здесь не было, таких кооперативов в Москве насчитывалось несколько десятков, однако откормленные слуги народа смотрели на Рафика прокурорским взглядом, отвечали загадочно, неопределенно, подобно древнегреческим пифиям, и предлагали зайти завтра. Завтра все никак не наступало, и лишь сегодня Рафику прямо сказали, что от него требуется. Чтобы удовлетворили его ходатайство, нужно было поставить стройматериалы на дачу зам. председателя, а также за счет кооператива провести в районе работы по благоустройству общей стоимостью в двадцать тысяч рублей. Кооператив только вставал на ноги, и эти непредвиденные расходы делали ощутимую брешь в бюджете, но деваться было некуда.

Рафик тяжело вздохнул, встал с кресла и прошел в другой конец комнаты, где на вбитом в стену крюке висели рыцарские доспехи. Доспехи были подделкой под старину, причем не очень удачной, но Рафик об этом не знал и весьма гордился своим приобретением. В шлеме рыцаря под забралом находился тайник, откуда Рафик достал спрятанную от жены бутылку коньяка. Последнее время он пристрастился к выпивке, хоть пить ему было нельзя. Пошаливало сердце, подорванное годами лагеря строгого режима, где Рафик побывал в конце 70-х годов за незаконные валютные операции. Сейчас валютой торговали все подряд, в первую очередь само государство, но тогда на это смотрели по-другому, и Рафик получил на полную катушку. Выручил отец, подмазавший кого следует, чтобы сына отпустили досрочно...

Некоторое время Рафик боролся с собой, затем откупорил бутылку и сделал несколько больших глотков прямо из горлышка. Коньяк огнем пробежал по жилам, разжались свинцовые обручи, весь день сжимавшие голову, и он почувствовал себя значительно лучше. «Да черт с ними, – мысленно сказал себе Рафик, – пусть подавятся. Главное, чтобы дали начать, а там мы наверстаем упущенное». Для начала работы было все готово: и поставщик, и потенциальные клиенты, и даже охрана.

Вчера, уловив момент, Рафик встретился с тем парнем, которого рекомендовал Руслан. Олег Селезнев произвел на него хорошее впечатление. Высокий, широкоплечий, с развитой мускулатурой и крепкими кулаками, он огромной глыбой нависал над окружающими. Тяжелая нижняя челюсть, перебитый нос и холодные серые глаза делали его похожим на гангстера из импортного боевика. Но именно такой человек нужен, чтобы спокойно заниматься бизнесом. По словам Руслана, а ему Рафик имел основание доверять, Олег был парень честный, и ему можно доверять в серьезном деле. Правда, если верить тому же Руслану, он обладал тяжелым характером, был вспыльчив, строптив и, по совокупности этих качеств, во время службы в армии чуть не угодил под трибунал. Впрочем, в смысле характера Рафик был сам не подарок, поэтому к подобным слабостям у других относился снисходительно.

Он сделал еще глоток, закупорил бутылку и спрятал ее на прежнее место. Затем закурил сигарету, снова сел в кресло и полужакрыл глаза. В животе разгорался приятный огонек, а сига-

рета после хорошей выпивки доставляла особенное удовольствие. «Парень что надо, Руслан был прав», – подумал Рафик, вспоминая вчерашнюю встречу с Олегом.

Они встретились в два часа дня у метро «Бауманская» и поехали в пивбар «Фазан», чтобы, выпив по паре кружек, без помех поговорить о деле. Рафик лихо затормозил машину у самых дверей и, кивнув знакомому швейцару, вместе с Олегом прощались, ругались, мирились, поглощая в огромных количествах разбавленное пиво. Рафику, у которого тут было все «схвачено», пиво принесли настоящее, в бутылках. О деле договорились быстро, однако «парой кружек» ограничиться не сумели.

Они приканчивали уже пятнадцатую бутылку, когда шум за соседним столиком привлек их внимание. Там веселилась большая компания ребят лет по двадцать с небольшим. Весь стол был заставлен кружками с пивом и завален огрызками воблы. Кроме того, под ним виднелось несколько водочных бутылок. Ребята пришли давно и сперва сидели вполне мирно. Однако по мере того, как пустела посуда, отношения между ними обострялись. Сейчас они говорили на повышенных тонах, обвиняя друг друга в «западле». «Ладно, кончай базар, – вдруг рявкнул один из них, с виду самый здоровый. – Серега, я тебе говорю! Заткнись или в лоб получишь!» Видимо, он был в этой компании авторитетом, потому что остальные мгновенно притихли. Парень выглядел внушительно. Летняя рубашка едва не трескалась на могучих плечах, а видневшаяся из-под нее тельняшка и татуировка на левой руке наводили на мысль, что это недавно демобилизованный моряк или десантник. «Ну вот, так-то лучше, – сказал он и налитыми кровью глазами обвел зал. – А если хотите подраться, здесь много всякого дерьма».

Взгляд его остановился на Рафике. «Ты чего уставился?! Очень интересно?» Рафик не хотел связываться с сопляками и, ничего не ответив, отвел глаза в сторону. Однако парень был не прочь покуражиться. «Давай, черномазый, вали отсюда, мне твоя рожа не нравится!» Это было уже слишком. Рафик зашипел от ярости, кровь ударила ему в голову. Несмотря на малый рост и хрупкое телосложение, он никогда не был трусом, поэтому даже в зоне пользовался уважением у блатных авторитетов. Он хотел ответить должным образом, но не успел. Олег поднялся из-за стола, мягкой кошачьей походкой, странно не вязавшейся с его массивной фигурой, подошел к говорившему и ребром ладони ударил его в основание черепа. Одновременно он вышиб ногой стул, и парень свалился на пол. Потеряв сознание, тот лежал неподвижно. Также молча Олег наклонился, пощупал пульс и, довольно хмыкнув, вернулся на свое место. «Живой, – сообщил он Рафику, – сердце бьется, а я уж боялся, что не рассчитал удар!» Произнеся эти слова, Олег откупорил бутылку о край стола, наполнил свою кружку и пододвинул поближе тарелку с креветками.

Все произошло настолько быстро, что народ в зале ничего не заметил. Ребята за соседним столом в это время поднимали с пола своего главаря, он с трудом приходил в себя и выглядел на редкость непрезентабельно: глаза закатились, изо рта стекала на подбородок струйка слюны, а из груди вырывалось тяжелое дыхание, больше напоминавшее хрипение. Друзья под руки потащили его к выходу.

«Ладно, пора ехать, – примерно через час заявил Рафик, тяжело поднимаясь из-за стола. – Давай прихватим с собой несколько штук, в машине раздавим».

У выхода из бара их ждали. Ребят стало значительно больше. Вероятно, они были местные и успели вызвать подмогу. Главарь, уже полностью придя в себя, жаждал реванша. На правую его руку была надета велосипедная цепь. «Прикрой мне спину, – шепнул Олег, – нужно пробиться к машине». Рафик кивнул. Противники между тем осторожно, как волчья стая, окружали их, пытаясь отрезать путь к отступлению. «Бей их!» – крикнул один из нападавших, рыжий парень в черной футболке, но тут же рухнул на землю, сбитый с ног кулаком Олега. Второй попытался наскочить сбоку, но, получив удар ногой в грудь, отлетел к стене. Остальные отступили. «Ну иди сюда, каратист! – От толпы ребят отделился высокий стройный парень в кожаной куртке. – Посмотрим, что ты умеешь! А вы пока подождите», – небрежно

бросил он остальным. Олег, нехорошо улыбаясь, шагнул навстречу. Парень вдруг резко выбросил вперед левую ногу, целясь в живот. Олег жестко блокировал удар, но противник второй ногой сбоку ударил его в голову. Олег успел отклониться, однако удар все же достиг цели. Олег пошатнулся. Из рассеченного уха показалась кровь. Ответным ударом он попытался достать противника, но тот легко отскочил назад. «Что, салага, не нравится? – усмехнулся «кожаная куртка». – Сейчас я тебя сделаю!» С гортанным криком он высоко подпрыгнул, пытаясь нанести удар ногой в лицо. Этому ему делать не следовало. Мягким блоком, переходящим в захват, Олег увел его ногу вниз по часу на ноги. Однако Олег сбил ему дыхание. Лицо у парня побелело, ему было трудно дышать. Стремясь использовать это преимущество, Олег ринулся вперед. «Кожаная куртка» держался превосходно. Он легко отразил атаку и ребром кулака врезал Олегу по ребрам. Согнувшись и схватившись руками за живот, Олег отскочил в сторону. Забыв о защите, противник бросился за ним, и в этот момент Олег, перенеся вес тела на левую ногу, пяткой правой всадил ему страшный «уширо»¹ в солнечное сплетение. Парень согнулся, и второй удар, разбив лицо, швырнул его на землю. В этот момент Рафик обратил внимание на главаря в тельняшке. Размотав цепь, тот осторожно двинулся к стоявшему спиной Олегу. Не растерявшись, Рафик изо всех сил треснул его бутылкой по затылку. Главарь споткнулся и упал на колени, обхватив голову обеими руками. «Пойдем, Рафик! – обернулся Олег. – А вы прочь с дороги, шакалы!» Минувя расступившихся ребят, они прошли к своей машине. Внутри было прохладно. Вынув чистый платок, Олег вытер сочащуюся из уха кровь. «На, прижги!» – Рафик достал из аптечки зеленку. «Техника у того парня классная, у меня до сих пор голова гудит, – сказал вдруг Олег и рассмеялся. – Это я так, на нервной почве, – объяснил он свой смех удивленному товарищу. – Ну да хрен с ним, давай пива выпьем». Допив по дороге оставшиеся бутылки, они пришли к выводу, что такое событие нужно отметить более основательно. Победу отмечали прямо в машине, купив водку у таксиста, а закуску в ближайшем кооперативном кафе. Захмелевший Олег оказался приятным собеседником. Расстались они поздно, весьма довольные друг другом.

Телефонный звонок заставил Рафика вздрогнуть и прервать свои размышления. Недовольно поморщившись, он снял трубку.

– Привет, браток, не узнаешь? – раздался в трубке негромкий хриловатый голос, и Рафик сразу узнал говорившего.

– Здравствуй, Сева, что-то случилось?

– Нет, ничего особенного, – игриво хохотнул голос, – повидаться с тобой хочу!

– Прямо сейчас?

– Почему нет, время детское!

– У меня машина барахлит, – попытался отвертеться Рафик.

– Ничего, я пришлю за тобой своих ребят. Встречай у подъезда через десять минут. – Сева повесил трубку.

Посидев некоторое время, Рафик поглядел на часы, затушил в пепельнице сигарету и, раздраженно чертыхнувшись, пошел к двери. Севиным приглашением пренебрегать не следовало. Они были знакомы давно, со времен Рафиковой отсидки. Рафик никогда не испытывал симпатии к уркам, но на зоне выбирать компанию не приходилось, и одно время они даже подружились. Тем более что Севу нельзя было назвать подонком. Несмотря на жестокость, алчность и коварство, являвшиеся неизбежными спутниками Севиной «профессии», он сохранил в глубине души немало хороших качеств. Сева любил детей, был по-своему честен и предпочитал не злоупотреблять насилием, если не было на то крайней надобности. В лагере Рафик однажды выручил Севу деньгами, когда тот здорово проигрался в карты. Сева никогда этого

¹ «Уширо-гере» – один из ударов карате. Наносится пяткой ноги назад или вбок.

не забывал и, хотя деньги давно отдал, не упускал случая напомнить, что считает себя должником Рафика.

За последние годы он сделал своего рода карьеру и сейчас возглавлял крупную группировку рэкетиров, державшую под контролем тот район, где проживал Балаян.

Рафик за день здорово устал, ехать к Севе не хотелось, но он понимал, что надо, потому что просто так Сева не вытащит его из дома поздно вечером. По-прежнему не зажигая света, он обулся и, стараясь не разбудить жену, закрыл за собой дверь.

У подъезда стояли новенькие «Жигули» последней модели. В темном салоне виднелся смутный силуэт водителя. Рядом с машиной, облокотясь на нее, стоял широкоплечий парень и внимательно наблюдал за входными дверями. Увидев Рафика, он приветливо замахал рукой, услужливо распахнул дверцу...

Сева сидел один за столом, уставленном всяческой снедью. Он был одет в домашний халат и шлепанцы на босу ногу. В комнате, обставленной элегантной финской мебелью, было полутемно. Мягкий рассеянный свет выхватывал из полумрака стоявшие на столе бутылки французского коньяка и шотландского виски, серебряное ведерко с икрой и фарфоровое блюдо, заваленное разнообразной закуской. Ноги утопали в пушистом ковре. В углу на низком диване сидели две длинноногие девицы в коротких юбках и увлеченно смотрели по «видику» какую-то ерунду.

– Да, да, конечно. – Сева сразу посерьезнел. – Сядь к столу, поговорим. А вы, девочки, погуляйте пока, мы вас позже позовем... Да, Рафик, давно мы с тобой не виделись, – сказал Сева, когда девушки вышли в другую комнату, закрыв за собой дверь. – Дома тебя застать невозможно. Ты, я слышал, компьютерами занялся? – Сева сладко зажмурился и сделался удивительно похожим на огромного толстого кота. – Дело прибыльное. Компьютерщиков этих стригут как овец. Я сам нескольких держу под крылышком.

– Хочешь меня к ним присоединить? – криво усмехнулся Рафик.

– Нет, конечно, мы же друзья. Мои ребята тебя не тронут.

Он разлил виски по рюмкам.

– Давай выпьем!

Некоторое время оба молчали.

– Отбойщика² ты себе неплохого завел, – вдруг нарушил молчание Сева и налил еще по одной. – Я слышал о ваших похождениях.

– Да, но каким образом? – Рафик был по-настоящему удивлен. Подобная осведомленность его ошарашила.

– Знаешь, кого он вчера уделал в «Фазане»? Жору Китайца. Парень твой действительно здоров, ведь у Китайца черный пояс!

Рафик уже кое-что слышал про Китайца. Это был жестокий и опасный бандит с «мокрым» стажем. К группировке Севы он не имел никакого отношения, поэтому Рафик не мог понять, к чему этот разговор.

– Китаец – любимчик Принца, – пояснил Сева, – я тебе рассказывал про этого козла.

Принц возглавлял соседнюю группировку рэкетиров и был одним из самых опасных конкурентов Севы. Для достижения своих целей он не гнушался самыми грязными методами: похищал детей кооператоров, пытал их жен и насобирав в свою команду таких подонков, что даже матерый бандит Сева был по сравнению с ними невинен, как новорожденный младенец. Сева и Принц постоянно враждовали, так как последний время от времени пытался прибрать к рукам Севину территорию. После последней разборки, где оба потеряли по несколько бойцов, между ними установился вооруженный нейтралитет.

² Отбойщик на блатном жаргоне означает «телохранитель».

– Вчера мне позвонил Принц, – продолжал Сева, – он визжал, как свинья, которую кастрируют. После драки Китаец узнал у халдеев, кто ты такой. Принц требовал твоей головы и головы твоего парня... Гы-гы-гы, – вдруг рассмеялся он, – я сказал, что пусть сперва пососет у дохлой обезьяны!

Сева не на шутку развеселился.

– В моем районе вздумал распоряжаться, сямка³! Но ты будь поосторожнее, – он опять стал серьезен, – от этой скотины можно ожидать любой пакости!.. Боец у тебя то что надо! – осушив одним глотком свою рюмку, сказал Сева. – От «дикарей» он тебя защитит, а пока Сева жив, других можешь не бояться. Пока Сева жив, – медленно повторил он и, неожиданно нахмурившись, о чем-то задумался. – Пока... К черту, Рафик, давай пить. – Сева стряхнул с себя задумчивость и потянулся за бутылкой. – Эй, телки, сюда!..

В три часа ночи веселье было в полном разгаре. На ковре валялись пустые бутылки, а некогда роскошный стол теперь напоминал свинарник после землетрясения. По «видику» крутили порнуху, но на экран никто не смотрел.

Там на каждой площадке конвой,
Три доски вместо мягкой постели,
А на крыше сидит часовой,
Положив автомат на колени, – фальшиво завывал Сева, неумело
аккомпанируя себе на гитаре.

Не печалься, любимая.

За разлуку прости меня... – подпевали девицы, стряхивая пепел на ковер. Одна из них, с которой Сева успел побаловаться, была совсем голая. Другая, предназначенная для Рафика, еще сохраняла на теле остатки одежды, а именно трусики и лифчик. Она – ее звали Леной – была симпатичной, крепко сбитой блондинкой с короткой стрижкой. Кокетливо хихикая, девица прижималась к Рафику полной грудью, гладила его по животу. Рафик был в стельку пьян. Комната плыла и качалась перед глазами, а Севины вокальные потуги доносились до слуха приглушенно, как бы издалека.

– Я поехал! – Ухватившись за плечо девицы, он с трудом поднялся на ноги.

– Куда ты в таком виде! Оставайся у меня. Ленка, проводи гостя в спальню. А мы с тобой еще споем. – Сева схватил свою даму за талию и, запрокинув ей голову, стал жадно целовать в шею.

В спальне Лена помогла Рафику раздеться и, быстро сняв трусики и лифчик, легла рядом. В свете ночника ее кожа отливала перламутром. Рафик прижал к себе упругое послушное тело, чувствуя, как закипает в нем кровь. В комнате установилась тишина, нарушаемая только стонами, вздохами и скрипом кровати.

³ Мелкий воришка, не пользующийся уважением.

Глава 3. Олег Селезнев

– Явился наконец, – недовольно сказала Светка, открывая дверь, – я же тебе говорила, что, если приезжаешь так поздно, ночуй у своих родителей!

В квартире, как всегда, было грязно. В спертom воздухе ощутимо пахло использованными пеленками, которые Инна Владимировна имела обыкновение разбрасывать по комнате, вместо того чтобы отнести в ванную. Она ушла с работы и сидела дома вместе с моей женой, потому что Светка одна не справлялась с ребенком. Инна Владимировна, как любящая мать, не могла оставить дочь без помощи. Теперь они не справлялись вдвоем. Споткнувшись о ведро с грязной водой, которое Инна Владимировна, вымыв пол, а вернее, развезя по нему грязь, почему-то оставляла в самых неожиданных местах, я в очередной раз мысленно проклял себя за то, что согласился переехать к теще.

– Опять пил, да? – продолжала изобличать меня Светка. Она была не в духе и нарывалась на скандал. – Сколько это может продолжаться? О господи, за что мне такие мучения?!

подавив всколыхнувшееся внутри глухое раздражение, я молча протянул ей толстую пачку денег, полученную сегодня от Рафика, и собрался проскользнуть в ванную. Однако отделаться от жены было не так просто. Распаясь от ощущения своей безнаказанности, она продолжала перемалывать мои косточки.

– Где ты шляешься, с любовницей небось развлекался?

Тема «любовницы», которой у меня не было, неизбежно ставилась на повестку дня во время семейных ссор. Инна Владимировна, неизвестно почему считавшая меня бабником, постоянно нашептывала Светке всякие гадости. По ее представлениям, я был сексуальным маньяком, бегущим по жизни со спущенными штанами. Возможно, именно по этой причине она иногда, вроде как случайно, появлялась передо мной в столь откровенном неглиже, что у меня скулы сводило от отвращения.

– Что молчишь, скажи уж прямо, кто она?

– Да, у любовницы, где же еще! – взорвался я, отодвигая Светку в сторону. – А это она мне гонорар выплатила, за постель.

В коридоре я еще раз споткнулся о ведро и, чертыхнувшись, чуть не сбил с ног неизвестно откуда вынырнувшую тещу.

– Здравствуйте, здравствуйте! – ехидно пропела она, и я с трудом удержался от искушения свернуть ей шею.

В ванной я, быстро раздевшись, встал под душ и только тогда по-настоящему понял, как измотался за день. Даже под горячей струей воды меня знобило, и все тело сотрясала нервная дрожь. Сильно болела голова. Вновь и вновь я вспоминал события сегодняшнего дня...

Рано утром мы поехали с Рафиком в банк за деньгами, которые пришли на наш счет от клиента из Тюмени. С каждым днем банки работали все хуже, и этот перевод шел почти два месяца. Клиент нервничал, терроризируя Рафика телефонными звонками.

– Сейчас прокатимся в банк, потом быстренько за товаром, – весело говорил Рафик, небрежно держа руль одной рукой.

Мы остановились у светофора.

– Ну куда ты прешься, слепой, что ли? – закричал Рафик, высовываясь из машины и обращаясь к водителю красного «Москвича», который ехал за нами и, не вовремя затормозив, чуть не смял Рафику заднее крыло. Водитель, на которого я тоже обратил внимание, ничего не ответил. С каменным лицом он смотрел в одну точку, крепко сжимая баранку. Такую неприятную физиономию мне не часто приходилось видеть. Землистая кожа, кривой рот и острый кадык на тонкой шее делали его похожим на вампира из фильма ужасов, который я недавно смотрел по видео. Большую часть его лица скрывали огромные солнцезащитные очки. В глу-

бине салона виднелись двое других, которых мне не удалось рассмотреть, потому что загорелся зеленый свет и машина тронулась с места.

– Руки обломать таким водителям, – проворчал Рафик. – Смотри, опять за нами едут!

Я обернулся. Красный «Москвич», держась на почтительном расстоянии, продолжал следовать позади.

В банке было на удивление мало народа.

– Ну на редкость удачный день, – обрадовался Рафик и побежал выписывать чек.

Дожидаясь его, я вышел на улицу покурить. Раскаленный августовский воздух пах бензиновым угаром. Было душно, пыльно. Расстегнув ворот рубашки, я прислонился к стене, закурил сигарету и лениво обвел глазами окрестности. Все было, как и пять минут назад: поседевшие от пыли деревья, поток машин, нервная толпа на тротуарах, наша старенькая «Волга», притулившаяся около бордюра. И... Тут я вздрогнул от неожиданности: метрах в двадцати от нее стоял знакомый мне красный «Москвич». Пассажиры и водитель находились на своих местах и, казалось, о чем-то совещались. Мне это не понравилось. «Похоже на слежку, – подумал я, – дождались наконец».

Вот уже год, как я работал у Рафика, и до сих и в материальном отношении нам со Светой жилось совсем неплохо. Я, конечно, понимал, что вечно везти не будет, но отсутствие реальной опасности расслабляло, с каждым днем возможность нападения казалась все менее реальной. Рафик тоже расслабился и по этой причине посоветовал при вербовке группы охраны ограничиться двумя ребятами. Одним из них стал мой старый друг Андрей Семенов, в прошлом чемпион Московской области по боксу. С другим, Колей Григорьевым, я раньше учился вместе в институте. Дрался он не особенно грамотно, но это обстоятельство компенсировалось огромной физической силой: Коля увлекался тяжелой атлетикой, разрывал руками подковы и обладал столь внушительной комплекцией, что даже я по сравнению с ним казался недомерком. Они бездельничали еще больше меня, так как в банк почти не ездили.

– Олег, ты заснул? – Из дверей выскочил Рафик с чеком в руках. – Пойдем быстрее, наша очередь подходит!

– Подожди, видишь, он опять здесь!

– Кто он?

– Тот «Москвич», который тебя чуть не помял. Похоже, они нас пасут.

– А-а, – отмахнулся Рафик, – вечно тебе налетчики мерещатся.

С этими словами он прошел внутрь здания. Последовав за ним, я обернулся через плечо. Водитель в черных очках, высунувшись из машины, внимательно наблюдал за нами.

– Слушай, Рафик, давай сегодня Андрюху с собой прихватим.

Мы получили в банке деньги и ехали за Женей, нашим специалистом по компьютерам. Он должен был присутствовать при покупке, чтобы не подсунули какое-нибудь барахло.

– Что ты говоришь? – Рафик слушал невнимательно, занятый маневрированием в потоке машин.

– Андрюху.

– Зачем?

– Мне кажется, ребята из красного «Москвича» собираются нас грабануть.

– Не выдумывай. В машине мало места, а нужно еще погрузить компьютеры. Да и вообще, это все твои фантазии. Никогда не думал, что ты такой паникер!

– Ах, так! – окрысился я. – Потом не говори, что я тебя не предупреждал.

Легкомыслие Рафика, его обидные слова вывели меня из себя. Я отвернулся к окну. Неожиданно среди машин мелькнул знакомый силуэт.

– Пушку хотя бы дай!

– На, возьми.

Рафик протянул мне «вальтер».

– Не сердись, я не хотел тебя обидеть! – немного помолчав, добавил он.

К поставщику поехали только вечером. Оказалось, что Женя утром встретился с ним и договорился на девять часов. Поставщик божился, что раньше никак не успеет. Компьютеров нужной заказчику марки сейчас на рынке было мало, и приходилось идти на все условия этого довольно неприятного взбалмошного студента из Лаоса. Дерганые, ломаные телодвижения и суженные зрачки выдавали в нем наркомана. Я подозревал, что сейчас он рыщет в поисках любимого зелья, поэтому и отложил встречу.

Весь день мы просидели на квартире у Жени. Они с Рафиком увлеченно сражались в нарды. Я пытался читать, но красный «Москвич» не шел из головы, а строчки прыгали перед глазами. Я предполагал, что это скорее всего обыкновенные налетчики, действующие на свой страх и риск. Кто-то навел их на Рафика, и сегодня они следили за нами с целью убедиться, что деньги получены. Когда мы подъезжали к Жениному дому, я заметил, что красный «Москвич» исчез. Тут напрашивались два вывода: или я действительно паникер, или... Внезапно я понял, в чем дело: они знали, куда именно и когда мы поедем. Поэтому навести их мог только один человек.

– Олег, очнись, ехать пора! – Рафик был оживлен и весел.

«Наверное, выиграл», – подумал я и тут же убедился в своей правоте.

– Смотри, я Женю на два коньяка нагрел! Как работу закончим, расслабимся слегка. Лаосец этот хренов все конспирируется, – продолжал Рафик, спускаясь за мной по лестнице, – встречу назначили на квартире у какой-то шлюхи, а она живет у черта на куличках. Нужно выехать пораньше. Я плохо знаю тот район.

В ответ я лишь криво усмехнулся. Все мои предположения пока полностью оправдывались.

На улице было еще светло, но стало заметно свежее. Легкий приятный ветерок ласкал лицо. В небе собирались тучи, но первые капли еще не упали на землю, и мне почему-то ужасно захотелось, чтобы пошел дождь. Голова у меня была горячая, сухая. Похоже, поднялась температура. Выплюнув окурок, я устроился рядом с Женей на заднем сиденье, и машина резко рванулась вперед...

– Кажется, здесь, – Рафик неуверенно затормозил около старого деревянного дома на окраине города, – теперь в подворотню и налево. Да, здесь, – прибавил он, когда мы заехали в большой пустынный двор, заваленный мусором. – Все точно, как он описывал.

– Тебе не кажется странным, что его подруга живет в доме, который выселен?

Мрачная тишина и запустение вокруг подтверждали мои слова. Рафик удивленно осмотрелся. Ветхий дом угрюмо глядел выбитыми окнами. Из него не доносилось ни звука, лишь где-то в глубине двора подвывал бездомный кот. Пахло сыростью и нечистотами.

– Да что же это... – начал было Рафик, но не успел договорить: во двор медленно въехал красный «Москвич». Из него выскочили два мордovorота с охотничьими ружьями в руках.

– Выходи из машины, – крикнул один из них, – на счет пять стреляю! Раз, два...

Я почувствовал, как липкий омерзительный страх, зародившись внизу живота, холодной волной распространяется по телу. «Вот и все, – мелькнуло в голове, – говорил же я этому идиоту!...» В этот момент я обнаружил, что мое тело, повинувшись какому-то сигналу из глубины подсознания, начало действовать: правая рука нащупала в кармане «вальтер» и, резким движением вытащив пистолет наружу, сделала несколько выстрелов в направлении налетчиков. Один из них закричал, схватившись за простреленное плечо. Ружье второго громынуло в ответ, и мне показалось, что кто-то дернул меня за волосы.

– Гони! – истошным голосом завопил Женя, и Рафик изо всей силы нажал на газ. Тут я впервые оценил его как водителя. С ловкостью опытного каскадера Рафик проскочил захлапленный двор и, почти не сбавляя скорости, плавно вписался в поворот. Мы оказались в длинном безлюдном переулке, по обе стороны которого тянулся высокий деревянный забор. –

Рафик, гони! – еще раз пискнул Женя. Сзади прогремел выстрел. Обернувшись, я увидел красный «Москвич», который на огромной скорости гнался за нами. Один из налетчиков с ружьем в руках почти по пояс вылез из бокового окна. Не раздумывая, я открыл дверь, высунулся наружу и, прицелившись, выстрелил. Водитель-«вурдалак» обмяк, выпустил руль, и «Москвич» на полном ходу врезался в забор...

– Ну, Олег, ты молодец! – сказал Рафик, когда мы остановились передохнуть в какой-то подворотне. – А я идиот, что сразу тебя не послушался!

– Достань лучше коньяк, – сказал я, тщетно пытаюсь унять дрожь в руках. Меня знобило.

– Жень, ты как? Наверное, сиденье под тобой отмывать нужно?

– Не трогай его. У Жени свои обязанности, – заступился я. – Не тяни, давай бутылку!..

Горячая струя воды не согревала. Я поежился и увеличил напор. Кожа, покрытая мелкими пупырышками озноба, казалось, совсем не впитывала тепло. Лоб и левый висок разламывались от боли. Тогда, в машине, пуля прошла совсем рядом с моей головой. Я предполагал, что получил легкую контузию, хотя не знал толком, что это такое. Так или иначе, голова болела, и я пожалел, что выпил слишком мало Рафикова коньяка...

– Подожди, – сказал я, когда он собирался налить по второй. – Не спеши напиваться. Нам нужно еще кое-куда съездить.

– Ты о чем? – Поставив бутылку на пол, Рафик удивленно повернулся ко мне.

Я кратко объяснил, и на этот раз он понял с полуслова...

К студенческому общежитию мы подъехали около десяти часов. Заспанная вахтерша пыталась нас не пустить, и, поднимаясь бегом по лестнице, мы слышали внизу ее негодующие крики. «Здесь, – остановившись в конце коридора, Рафик толкнул ногой дверь, обитую черной кожей. – Ты гляди, как дома себя чувствует, козел, не заперся даже!»

Несмотря на царивший в комнате бардак, было заметно, что здесь живет не наш, российский студент. Более всего в этом убеждали импортная мебель, цветной японский телевизор и видеомэгафон, по которому в данный момент крутили порнографические ролики. Единственное, что здесь было отечественного происхождения, – полуголая шалава, лежащая на кровати вместе с хозяином. Ужас, отразившийся на лице лаосца, лучше всего убеждал в его виновности. Меня захлестнула волна ненависти к этому мерзавцу, который хладнокровно отдал нас на растерзание бандитам, а сам в этот момент развлекался с какой-то полуголой девочкой, польстившейся на импортные тряпки. Со слов Рафика, я знал, что лаосец скупится на проституток и вербует себе любовниц в ближайшей «лимитной» общаге.

– Ну здравствуй, дорогой. Ах ты падаль! – От злости я забыл заготовленную по дороге обвинительную речь. Схватив лаосца за волосы, я выволок его на середину комнаты. Девица было завизжала, но, встретив бешеный взгляд Рафика, забилась в угол, глядя оттуда большими испуганными глазами. Вид ее худого, плохо кормленного тела довел мою ненависть к лаосцу до предела, и, испытывая почти садистское наслаждение, я жестоким ударом сломал ему ребра. Согнувшись, студент захрипел.

Он что-то еще бормотал о ломке, о нехватке денег, когда мы с Рафиком, повернувшись, вышли вон из комнаты, оставив за собой открытую дверь...

– Ну долго ты там будешь возиться? – На пороге ванной появилась разгневанная Светка. – Время двенадцать часов!

– Закрой дверь, – я с трудом сдерживался, – что ты от меня хочешь?

– Ему, наверное, после любовницы подмыться надо, – раздался из кухни голос Инны Владимировны. Я вздрогнул как от пощечины. Эта гнусная реплика истощила мое терпение.

– О господи, до чего все это надоело! – Дрожа в ознобе, я с трудом натягивал одежду. Перед глазамиплыли оранжевые круги.

– Надоело, говоришь? Так здесь тебя никто не держит!.. Стой, ты куда?!

С силой оттолкнув Светку, я вышел из квартиры и, не дожидаясь лифта, сбежал вниз по лестнице.

Глава 4. Олег Селезнев

Голова раскалывалась с похмелья. С трудом поднявшись с постели, я посмотрел в зеркало и сморщился от отвращения. На меня смотрела помятая, заросшая физиономия с мешками под глазами. Вчера, возвращаясь от Светки, я купил у таксиста бутылку водки и выпил ее в одиночку без закуски. Затем обнаружил в шкафу две бутылки сухого вина, которые валялись здесь уже около года, и, не раздумывая, употребил по назначению. Сейчас, утром, я чувствовал себя отвратительно и, хотя температура вроде спала, решил, что к Рафику не поеду. Пусть Коля прокатится, хватит бездельничать.

Позвонив ему, я потащился в ванную и долго стоял под горячим душем, пытаюсь смыть с себя похмелье. Затем, выпив кофе и закулив сигарету, снова прилег на диван, думая о ссоре с женой. Я любил Светку по-прежнему, но совместная жизнь в тещиной квартире оказалась настоящим кошмаром. Раньше милая и кроткая, Светка под влиянием Инны Владимировны портилась на глазах. Чувствуя поддержку тещи, которая была готова потакать дочери в чем угодно, она становилась грубой, нахальной и изводила меня бесчисленными придирками. Инна Владимировна, начисто забыв то, о чем говорила год назад, теперь утверждала, что деньги – не главное, главное – чтобы человек был хороший. При этом она многозначительно поглядывала в мою сторону, давая понять, что зятя к таковым не относит. Вдобавок ко всему, Инна Владимировна постоянно разжигала Светкину ревность, толкуя о мифической любовнице. «Любовница – значит, будет вам любовница!» – со злостью подумал я и, поднявшись с дивана, начал рыться в ящиках письменного стола, разыскивая старую записную книжку.

До сих пор я не изменял жене, но не потому, что отличался высокой нравственностью, просто не хотел другой женщины. Теперь я решил положить этому конец.

Книжку, в которой были записаны телефоны знакомых девушек, найти не удалось. Вероятно, Светка выбросила из ревности. Я уже собирался вернуться на прежнее место, когда случайно наткнулся на полупустую пачку «Монте-Кристо». Эту гадость я курил только на турбазе «Озерная» позапрошлой зимой, когда кончились привезенные из Москвы сигареты, а в местном магазине не оказалось ничего другого. С внезапно пробудившимся интересом я поднес пачку к глазам. Так и есть, на обратной стороне был написан номер телефона и две буквы – М.Я.

М.Я., то есть Марина Ямщикова, была стройной зеленоглазой шатенкой с упругой грудью. Мы познакомились на дискотеке турбазы и уже через несколько часов лежали в моем двухместном номере, сжимая друг друга в объятиях. Нам никто не мешал, потому что сосед в первый же день по приезде переселился к какой-то девице, и с тех пор о нем не было ни слуху ни духу. Мы хорошо подходили друг другу в постели, и только любовь к Светке заставила меня прервать связь с Мариной. Неожиданно я вспомнил Светку такой, какой она была в первый день нашего знакомства, и на мгновение устыдился своих мыслей. Но тут... «Ему, наверное, после любовницы подмыться надо», – прозвучал в ушах ехидный голос Инны Владимировны. Больше не раздумывая, я направился к телефону...

Через два часа в дверь позвонили.

– Привет, привет! – На пороге, улыбаясь, стояла Марина, окидывая меня оценивающим взглядом. – Здорово ты изменился, – задумчиво сказала она, проходя в комнату. К ее приходу я успел навести порядок, принес из ближайшего кафе цыплят-гриль, апельсины, а также бутылку шампанского. Кроме того, я помылся, побрился и стал отчасти похож на человека. Думая, что Марилина реплика относится к моему похмельному виду, я насупил: «Ты о чем?»

– Постарел, морщины на лбу, взгляд какой-то затравленный.

– Старость не радость, – отшутился я и, усевшись напротив нее, придвинул поближе журнальный столик с закуской.

День клонился к вечеру. За окном, вперемишку с руганью соседки с четвертого этажа, слышались звонкие голоса играющих детей. Она костерила на чем свет стоит непутевого мужа, напившегося по случаю субботы до положения риз.

– ...Ты знаешь, Олег, я часто тебя вспоминала, почему ты так долго не звонил? – Прижавшись обнаженной грудью, Марина поцеловала меня в губы.

Я погладил ее по голове. Со времени нашей последней встречи Марина стала еще более страстной, и я чувствовал себя совершенно опустошенным.

– Мне пора ехать, – поднявшись с дивана, Марина подошла к креслу, где была сложена ее одежда, – поздно уже.

Я невольно залюбовался ее обнаженным телом. Стройная, загорелая, с округлыми бедрами и длинными ногами, она напоминала древнегреческую богиню. Я почувствовал, как во мне вновь пробуждается желание. «Подожди!» – подойдя сзади, я обнял Марину за плечи.

Она обернулась, отстранила мои руки, пристально посмотрела в глаза, затем неожиданно обхватила меня руками за шею и, застонав, прижалась всем телом.

Подняв на руки, я понес ее обратно к дивану...

Было восемь часов вечера, когда, проводив Марину до станции, я возвращался домой, с трудом передвигая ноги от усталости. Вопреки ожиданиям, встреча с Мариной нисколько не изменила мое настроение к лучшему. Даже в самом разгаре любовных утех я не переставал думать о Светке. Сейчас я чувствовал себя одиноким, несчастным, и мне вдруг захотелось напиться в стельку.

– Эй, Олег, ты оглох, что ли, я кричу, кричу, а ты хоть бы что! – Возбужденно размахивая руками, меня догонял старый школьный приятель Витька Мелентьев. Приятель был так себе: болтун, дурак, но в данный момент я обрадовался и такой компании.

– Здорово! – пожал я ему руку. – Куда направляешься?

– Хочу в гриль-бар заглянуть, коньячку выпить!

Судя по тому, что я слышал от общих знакомых, Витя медленно, но верно спивался. Работая зубным техником, он имел пока достаточно средств для удовлетворения своей страсти и постепенно превращался в алкоголика. Вот и сейчас при слове «коньяк» он машинально сделал горлом глотательное движение. Смотреть на него было неприятно. Тем не менее я подумал, что будет лучше составить Вите компанию, чем сидеть дома наедине со своими мыслями.

– Ладно, пошли вместе, – буркнул я, и мы двинулись по направлению к ярко размалеванной вывеске гриль-бара.

Он был полон. Взяв у бармена Эдика коньяк, мы с трудом нашли свободное место и, не чокаясь, выпили по первой. Слушая вполуха Витину болтовню, я лениво разглядывал окружающих.

Публика в зале собралась разношерстная. Слева от нас сидела компания девиц, оживленно беседовавших о тряпках и косметике. Две из них были ни то ни се, на троечку, но третья – худощавая блондинка с карими глазами, почти не принимавшая участия в разговоре, мне понравилась. Недалеко от них разместились пытавшиеся казаться взрослыми юнцы. Они преувеличенно громко смеялись, бросая на девиц жадные взгляды. Чуть поодаль мрачно напивался в одиночку угрюмый небритый мужик. Справа почти все пространство занимала большая компания ребят лет по восемнадцать-двадцать. Они сдвинули вместе три стола и, ввиду своей многочисленности, глядели дерзко и вызывающе. За главного у них был какой-то тип лет тридцати, судя по наколкам и фикса, урка со стажем. Физиономия урки показалась мне смутно знакомой. Развалившись на стуле и жуя в углу рта папиросу, он что-то цедил сквозь зубы, а остальные подобострастно внимали. Из магнитофона, стоявшего за стойкой у Эдика, неслись звуки музыки.

Тем временем Витя, не забывая регулярно прикладываться к бутылке, рассказывал свои сексуальные похождения, которые, как я подозревал, на девяносто процентов были чистой-

шим вымыслом. Со школьной скамьи он отличался безудержной болтливостью, сочетавшейся с богатой фантазией, и теперь, изрядно выпив, Мелентьев дал полный простор своим талантам. Витя чем-то напоминал деда Щукаря, и его болтовня меня раздражала. Впрочем, как я убедился, не только меня.

– Эй, ты, козел, на полтона ниже! – распорядился урка и выплюнул окурочек, норовя попасть Вите в голову.

– Ты что, озверел? – Мелентьев, подавившись очередной байкой, удивленно вытаращился в его сторону.

– Ни хрена себе, это чмо что-то вякает! – Урка повернулся к своим холуям, и те почтительно засмеялись. Наглая рожа урки выражала такое превосходство над окружающими, что мне захотелось дать ему по зубам.

Больше урка не успел ничего сделать, потому что я вскочил на ноги и врезал ему прямым справа в подбородок. Урка, как мячик, отлетел в сторону, с размаху врезавшись в стойку, с которой со звоном посыпалась посуда. Он потерял сознание и, закатив глаза, медленно сполз на пол. Его подданные в удивлении замерли, но затем двое самых храбрых сорвались с места выручать хозяина. Первого я встретил двумя правыми ударами в живот и в голову, а второго пнул ногой в пах, после чего оба свалились рядом с уркой. Один без сознания, а другой – корчась и скуля от боли.

– Ну, кто еще хочет? – Вопрос мой остался без ответа. Остальные восемь парней скромно потупили глаза, не выказывая ни малейшего желания вмешаться. – В таком случае забирайте эту падаль, и чтобы я вас здесь не видел!

Меня раздражали эти шакалы, готовые разорвать на куски любого, кто их боится, и мгновенно поджимавшие хвост, почувствовав над собой силу.

– Ну, живо! А ты, Эдик, – я повернулся к бармену, – дай нам еще бутылку. Да, сколько там с меня за разбитую посуду?

Когда парни ушли, волоча на себе пострадавших и бросая в мою сторону злобно-трусливые взгляды, я снова сел за стол и, не обращая внимания на присмирившего Витю, принялся молча накачиваться коньяком. Мысли опять вернулись к жене, но под влиянием больших доз спиртного боль в душе несколько притупилась. Проглотив очередную порцию, я полез в карман за сигаретами.

– Можно вас на минутку?

Я поднял голову.

Это была та девушка, которая с самого начала привлекла мое внимание. Сейчас она казалась еще симпатичнее. Черная футболка выгодно контрастировала со светлыми волосами, а из-под короткой юбки виднелись стройные ноги, покрытые легким золотистым загаром.

– Садись.

Я пододвинул к ней свободный стул и, вытащив наконец сигарету, чиркнул спичкой.

– Что случилось?

– Ты хорошо дерешься, но не надо было с ними связываться.

Коньяк наконец-то начал действовать. Я ощутил приятную расслабленность, легкий гул в голове. Поэтому слова блондинки не произвели на меня впечатления.

– Возьми у Эдика еще по двести грамм. – Я протянул Вите деньги, глубоко затянулся сигаретой и, улыбнувшись, посмотрел на девушку. «Ничего киска», – подумал я.

– Почему нельзя с ними связываться?

– Тот здоровый, с наколками, – Сережка Монах. Ты избил его на глазах у всех, он отомстит.

Теперь я понял, почему рожа урки показалась столь знакомой. Сергей Сафронов, по кличке Монах, был довольно известной личностью в нашем районе.

Монаху было тридцать три или тридцать четыре года, значительная часть которых прошла в лагерях и тюрьмах. Он корчил из себя блатного авторитета и имел значительное влияние на местную шпану. Судя по слухам, Монах в настоящее время сколотил банду из молодых ребят, которая промышляла угоном машин. Никаким авторитетом он, конечно, не был, и серьезные урки считали западло поддерживать с ним отношения. В то же время охмуренные Монахом пацаны постепенно подрастали, набирали силу и уже сейчас доставляли окружающим массу неприятностей. Молодежь нашего района боялась Монаха как огня, поэтому я не удивился, что девчонка, которой вряд ли было больше семнадцати, говорила об этом ублюдке с таким страхом.

– Спасибо за заботу, но для меня у него руки коротки.

– Ты многого не знаешь! – Девочка вдруг всхлипнула, закрыв лицо руками. – Он, он... – Рыдания заглушили конец фразы.

– Давай успокойся, расскажи по порядку. – Я положил руку на плечо девушки и почувствовал, как дрожит ее тело. Она плакала все сильнее. Подойдя к стойке, я взял у Эдика чашку крепкого кофе, стакан сока и поставил все это перед ней на стол.

– Выпей сперва, потом поговорим.

Девочка, послушно кивнув, поднесла стакан с соком к губам. Рука ее дрожала.

– Я пойду, по-пожалуй. – В стельку пьяный Витя, пошатываясь, побрел к выходу.

Кивнув на прощание, я снова повернулся к своей новой знакомой, которая постепенно приходила в себя. Допив кофе, девушка окончательно успокоилась, и я наконец узнал, в чем дело.

Ее звали Наташа, и она, оказывается, жила совсем недалеко от меня, через два дома. У Наташи была сестра Надя, на год ее моложе. Как-то раз Надя возвращалась вечером домой. Недалеко от дома она натолкнулась на Монаха, с которым было еще несколько ребят. Они затащили Надю в подвал, где по очереди изнасиловали, причем сам Монах сделал это каким-то особым, на редкость гнусным способом. Каким именно, Наташа объяснять не захотела и чуть снова не разревелась. В милицию Надя заявить побоялась, потому что Монах пригрозил резать. Дома, кроме сестры, никто не узнал о случившемся, поскольку мать у них умерла два года назад, а вечно пьяному отцу было до лампочки. Однако Надя рассказала все своему парню, который был немногим ее старше, и он при свидетелях громогласно обещал проломить Монаху голову. На другой день его сбила машина. Парень чудом остался жив. Сейчас он лежал в больнице с многочисленными переломами. Водителя, совершившего наезд, не нашли, но Наташа считала, что здесь не обошлось без Монаха.

Сегодня в баре к Наташе подошел один из Монаховых «шестерок» и передал, чтобы она не смела никуда уходить, пока Монах с ней не поговорит. Девочка подозревала, что ее тоже изнасилуют, и, дрожа от страха, ожидала своей участи. Однако дальнейшие события в корне изменили ситуацию.

Слушая эту историю, я на время позабыл о своих горестях, глубоко раскаиваясь, что врезал Монаху лишь один раз, в то время как следовало переломать ему все кости, дабы раз и навсегда отбить охоту к подобным художествам. Мысленно я дал себе слово, что при случае посчитаюсь с мерзавцем.

– За меня ты можешь не беспокоиться, глупышка, но все равно спасибо. – Я был по-настоящему растроган. – Монах свое получит! Теперь пойдем, я тебя провожу, нам по пути.

На улице стемнело. Ветер шелестел листвой деревьев, приятная прохлада освежала лицо. Машин на улице почти не было, а одинокие прохожие шли быстро, торопливо, как будто чего-то опасались. Надо сказать, что для этого у них были основания, так как наш район издавна пользовался дурной репутацией. Я полной грудью вдыхал свежий воздух, невнимательно слушая щебетание Наташи, которая уже совершенно успокоилась и шла рядом, доверчиво держа меня за руку. Сокращая дорогу, мы свернули в переулок, единственный фонарь в котором

был давно разбит малолетними хулиганами. Бледный свет луны с трудом рассеивал окружающую темноту. По обе стороны дороги высились мрачные громады старых домов. Было совсем поздно, и лишь в некоторых окнах горел свет. «Как здесь страшно», – прошептала Наташа и, задрожав, прижалась ко мне. Справа от нее послышался легкий шорох.

– Там кто-то есть, я боюсь. Олег, пойдем отсюда.

– Это кошка, – рассмеялся я, – успокойся.

– У меня такое чувство, что что-то случится!

В ее голосе слышался неподдельный страх. Невольно поддаваясь ее настроению, я прибавил шагу. Нельзя сказать, что я боялся, но в этом глухом местечке действительно можно было нарваться на приключения, которых после бурно проведенного дня мне совсем не хотелось.

– Ничего, малышка, скоро придем... А, черт! Подожди минутку. – Осторожно высвободив руку, я наклонился, завязывая на кроссовке развязавшийся шнурок. Неожиданно раздался рев мотора. Наташа дико закричала. Обернувшись, я увидел машину с погашенными фарами, которая неслась прямо на нас. Расстояние оставалось минимальное, и в какую-то долю секунды я осознал, что шансов спастись почти нет. Схватив Наташу за плечи, я изо всех сил швырнул ее в сторону и кинулся следом, в последний момент пытаясь увернуться от неминуемой смерти. Машина все-таки слегка задела меня. Почувствовав острую боль в ребрах, я отлетел к стене и, ударившись головой о что-то твердое, потерял сознание...

... – Ну, как он там?

– Отрубился, падла! – Кто-то сильно пнул меня ногой в бок.

– Тащи сюда телку. Сейчас этому козлу кости переломаем, а потом с ней займемся.

Я услышал сдавленный крик Наташи, тут же прервавшийся. Осторожно приоткрыв глаза, я увидел неподалеку от себя Монаха с сигаретой в зубах. Рядом стоял один из его «шестерок», тот, кто меня ударил. Остальные толпились поодаль. Белобрысый парень в светлой ветровке крепко держал Наташу, зажимая ей рот рукой.

– Ничего, телочка, ничего, сейчас мы тебя растянем! – Гнусно ухмыляясь, Монах подошел к Наташе и запустил ей руку под юбку.

Она забилась, безуспешно пытаясь вырваться. Все вокруг весело заржали.

– Норовистая кобылка, гладкая. Посмотрим, какая к утру станет! – Из груди Монаха вырвалось хриплое кудахтанье, которое должно было обозначать смех. – Каждый по палке бросит, а потом ты нам станцуешь. Гы-гы-гы!.. – Монах разве что не подпрыгивал от радости. – Твой защитничек не поможет, он как мешок с дерьмом валяется, а как очнется, так у него ручки с ножками переломаны будут. С Монахом ссориться не надо!

Я уже полностью пришел в себя и, с трудом сдерживаясь, выжидал удобного момента. Голова прояснилась. Несмотря на боль в боку и затылке, я почувствовал, что еще могу за себя постоять. Рядом с собой я ощутил какую-то длинную железяку и осторожно, чтобы никто не заметил, положил на нее руку. Тем временем Монах вспомнил о моей персоне.

– Слышь, Лешка, возьми арматуру, посчитай ему косточки. Давай живее, не телись.

Приземистый коренастый парень с наголо выбритой головой, отделившись от своих товарищей, неуверенно двинулся в мою сторону.

– Живее, тебе говорят! – рявкнул Монах.

Поняв, что тянуть дальше нельзя, я изо всех сил ударил стоявшего рядом парня пяткой в пах и тут же вскочил на ноги, вертя над головой железяку. Первый удар пришелся в ключицу бритоголовому Леше, который, завизжав, выронил арматуру и завертелся юлой на месте. Остальные в испуге отпрянули. Тут я заметил, как Монах, подавшись назад, с хищной улыбкой заносит руку для броска. В последний момент я резко отпрянул в сторону, и брошенный нож лишь слегка задел плечо. Вниз по руке поползла теплая струйка крови. Взвыв от ярости, я врзался в толпу, нанося вокруг себя сокрушительные удары железякой. Мои противники опешили и с воплями стали разбегаться.

– Бей его! Он же на ногах едва стоит! – заорал Монах, благоразумно стоявший в отдалении. – Кто убежит, кишки выпущу!

Он был прав, я действительно чувствовал себя отвратительно. Голова кружилась. Из разбитого затылка и распоротого плеча текла кровь, а ребра при каждом резком движении пронзала острая боль.

Приободрившись, шакалы начали осторожно приближаться ко мне. Перехватив поудобнее железяку, я приготовился дорого продать свою шкуру. В этот момент невдалеке от нас послышался вой милицейской сирены.

– Шухер, менты! – закричал Монах и первым бросился наутек. Его подручные не заставили себя долго просить, и спустя несколько мгновений переулочек опустел.

– Олег, ты жив! – Ко мне со всех ног бежала Наташа.

Я выронил из рук дубину и из-за внезапного приступа головокружения едва удержался на ногах.

– Спасибо, я... я... – Не договорив, она спрятала лицо у меня на груди.

– Не надо, в крови измажешься, – слабо воспротивился я, из последних сил удерживая остатки сознания.

Вой сирены затих в отдалении. Оказывается, Монах поднял ложную тревогу.

– Пойдем, поздно уже! – Мне не терпелось добраться до кровати, но сперва нужно было отвести девочку домой.

Несколько десятков метров, отделявшие нас от Наташиного дома, растянулись в моем сознании на целую вечность. Увидев ее подъезд, я вздохнул с облегчением, пошатнулся и тяжело рухнул на землю, сильно ударившись разбитым затылком. В голове взорвался ослепительно желтый шар, все вокруг потемнело и исчезло.

Глава 5. Олег Селезнев

Когда я пришел в себя, было утро. Я обнаружил, что лежу на кровати в маленькой чисто убранной комнатухе со светлыми обоями, а моя одежда, аккуратно выстиранная и выглаженная, сложена рядом на стуле. Слева я увидел стол, застеленный белой скатертью, на котором стояла простая глиняная ваза с букетом цветов. Чуть поодаль высился старенький секретер, посреди которого гордо восседал пушистый кот непонятной масти. Заметив мой взгляд, кот лениво зевнул и отвернулся. Вероятно, по его мнению, я не заслуживал особого внимания. Прямо напротив виднелось полуоткрытое окно с кружевными занавесками.

В первый момент я никак не мог сообразить, как сюда попал. Отбросив одеяло, я сел на кровати и спустил ноги на пол. Только сейчас я заметил, что левое плечо и голова у меня забинтованы, а на правом боку расплылся огромный кровоподтек. События вчерашнего вечера стали постепенно оживать в памяти. Я осторожно пощупал больной бок и с удовлетворением отметил, что ребра целы. Тут я мысленно благословил своего тренера, заставлявшего нас в свое время делать «железную рубашку». Это довольно нелепое на вид упражнение предназначалось для укрепления костей туловища. Сняв пояса и куртки, мы под ритмичный счет сэмпая, подобно орангутангам, били себя кулаками в грудь и по ребрам, чтобы закалить их, сделать менее восприимчивыми к ударам в спаррингах. Я всегда относился к «железной рубашке» скептически, но вот вчера она сослужила мне хорошую службу. Впрочем, я не исключал возможности, что это могло быть простое везение.

Со скрипом отворилась дверь. На пороге стояла Наташа, встревоженно глядя на меня. Она была одета так же, как вчера в баре: в черную футболку и короткую юбку. Глаза ее покраснели, из чего я заключил, что Наташа не ложилась.

– Как ты себя чувствуешь? – Она робко шагнула в комнату. Увидев хозяйку, кот тяжело прыгнул на пол и принялся, мурлыча, тереться о ее ноги. – Подожди, Кеша, – отстранив кота, девушка присела на стул.

– Отлично чувствую!

Вспомнив, как свалился без сознания около подъезда, я подивился, как смогла эта хрупкая пичуга втащить по лестнице стокилограммового бугая, раздеть, перевязать и уложить в постель. Глядя на это слабое, беззащитное и такое мужественное существо, я испытывал к ней почти отеческие чувства.

В комнату вошла другая девушка, на вид лет шестнадцати, одетая в скромное ситцевое платье.

– Это Надя. – Наташа улыбнулась сестре. Надя тихо поздоровалась.

У меня сжалось сердце при виде ее худенького бледного личика со следами слез и бессонных ночей. В больших синих глазах девочки пряталась затаенная боль. Неожиданно вспомнилась наглая рожа Монаха, и в глазах потемнело от ненависти. Должно быть, я сильно изменился в лице, потому что Наташа, испуганно вскрикнув, схватила меня за руку.

– Тебе нужно лежать, Олег! Ляг, пожалуйста! Ну я прошу тебя!

– Ничего, малышка, все в порядке, – деланно засмеялся я, осторожно высвобождая руку. Ледяная ненависть переполняла все мое существо. Голова стала ясной, легкой, а боль, казалось, полностью исчезла. В считанные секунды в мозгу сложился дьявольски коварный и жестокий план устранения Монаха. Простым мордобитием тут было не обойтись, да и не заслужил этот подонок столь легкой участи. Его нужно вывести из строя всерьез, надолго, и я знал, как это сделать. Я опустил глаза, стараясь скрыть от девушек горевшую в них лютую злобу, но Кеша, с присущей животным чувствительностью, все понял и, попятившись, негромко зашипел.

– Вы бы заварили чаю, девочки, – справившись наконец с собой, я криво улыбнулся. – Залеживаться некогда, сегодня уйма дел.

Оставшись один, я торопливо оделся и, высунувшись в окно, закурил сигарету. На улице моросил мелкий дождь, и несколько капель попало мне в лицо. В воздухе пахло сыростью. Посмотрев на часы, которые чудом уцелели во время вчерашних приключений, я обнаружил, что уже около одиннадцати. Чтобы повернуть за сегодня задуманное мероприятие, нужно было поторапливаться. Сделав несколько глубоких затяжек, я выбросил сигарету и уселся на стул, дожидаясь чая. В глубине квартиры хлопнула дверь.

– А где Надя? – спросил я, когда Наташа появилась на пороге, держа в руках поднос.

Узнав, что Надя уехала в больницу к своему парню, я несколько опешил, так как рассчитывал получить от нее информацию, которая была необходима для осуществления моего плана. Поглощенный своими кровожадными замыслами, я как-то не сообразил тогда, что выяснять у бедной девочки, где ее насиловали, было бы крайне жестоко. Прихлебывая из чашки ароматный горячий напиток, я напряженно размышлял. Наташа что-то говорила, но ее слова почти не доходили до моего сознания.

– Слушай, гриль сегодня работает? – невпопад брякнул я, чтобы как-то поддержать разговор.

– Не ходи туда! – В голосе девушки послышался страх. – Монах с Эдиком большие друзья. Он наверняка скажет, что тебя видел!

– Большие друзья, значит, прекрасно! – Я понял, что нашел выход. – Ты у меня просто умница! – От избытка чувств я чмокнул Наташу в щеку. Не понимая, в чем дело, она застенчиво улыбнулась и густо покраснела.

– Ты мне веришь?! – Я крепко взял девочку за руку, заглядывая в глаза. – Ну так вот, я даю слово, что Монах больше ничего и никому не сможет сделать! Никогда!

Наташа, ничего не понимая, удивленно и робко смотрела на меня...

Спустя двадцать минут я пинком отворил дверь бара, на которой висела табличка «санитарный час». По дороге я успел заскочить домой. Еще сидя у Наташи, я вспомнил, что позавчера забыл отдать Рафику пистолет, и сейчас он тяжело оттягивал карман моей ветровки. Посетителей внутри, естественно, не было, однако уборкой не пахло. Толстый Эдик, облокотившись на стойку, лениво тарачился в телевизор, настроенный на коммерческий канал. «Растут лимоны на высоких горах, на крутых берегах, короче, ты не достанешь!..» – тряс телесами на экране Витя Рыбин, солист популярной группы «Дюна». В душном, плохо проветренном помещении пахло какой-то кислятиной и непромытыми пепельницами. Свет, пробивавшийся сквозь разноцветные окна, падал пятнами на лицо Эдика, делая его похожим на жирного клоуна. На звук открывшейся двери Эдик медленно обернулся и, ехидно улыбаясь, воззрился на мою забинтованную голову.

– Ба, кого я вижу, наш герой пришел! Никак упал где?

По его хитрой гримасе я понял, что Эдик прекрасно знает, как я «упал», и спрашивает, чтобы поиздеваться.

– Осторожнее надо быть, осторожнее, – продолжал он, расплываясь все шире и показывая гнилые, покрытые никотиновым налетом зубы.

В дверь робко просунулся помятый пьянчуга, с надеждой глядя на бармена.

– Закрыто, не видишь, что ли! – рявкнул Эдик, и пьянчуга сконфуженно испарился. – Ну а тебе, так и быть, налью, – барственным жестом он плеснул в стакан коньяк. – Лечись!

«Страна Лимония – страна без забот. В страну Лимонию прорыт подземный ход. Найди попробуй сам...» – вопил телевизор.

Взглянув на довольную откормленную ряху бармена, я подумал, что уж он-то этот ход давно нашел.

– Вот что, родной, – сказал я, отодвигая от себя стакан, – скажи мне лучше, где твоего друга Монаха найти можно? Взаймы я у него взял, вернуть надо!

– Монаха? – Эдик изобразил удивление. – Кто это такой?

– Сейчас объясню. – Схватив бармена правой рукой за горло, я с силой ударил его головой об стену.

Эдик захрипел, из носа потекла струйка крови и испачкала мне руку.

– Говори, сволочь! – прошипел я, чувствуя, что теряю над собой контроль. – Иначе башку расшибу. К таким подонкам у меня жалости нет!

Лицо полузадушенного бармена налилось синевой. Он молча разевал рот, как вытасченная из воды рыба. В уголках рта появилась пена. С отвращением оттолкнув Эдика, я правым «ураканом»⁴ ударил его по печени. Издав хриплый вопль, он рухнул на пол, корчась от боли. На мгновение я ужаснулся своей жестокости. В детстве, класса до шестого, я не мог ударить человека по лицу. Не потому, что боялся, просто не мог! Постоянные обиды со стороны одноклассников все-таки заставили меня давать сдачи, но я делал это с трудом, каждый раз переступая через себя. Занятия карате и служба во внутренних войсках избавили меня от этой слабости. Я научился быть жестоким к противнику в драке. Но вот сейчас я просто допрашивал с пристрастием человека, в лучших традициях НКВД и гестапо!

– Я скажу, – просипел бармен, – я все скажу, не бей, пожалуйста!

– Ну вот и чудненько, – вздохнул я с облегчением. – Я всегда знал, что ты умный мальчик. Только смотри, карапуз, не обманывай дядю!

– Андрей еще спит. – Наталья Николаевна, его мать, посторонилась, пропуская меня в квартиру. – Никак не хочет подниматься!

– Ничего, сейчас разбудим. – Я вежливо улыбнулся. – Вы извините, но он мне позарез нужен.

– Опять тренироваться пойдете? – Она понимающе поджала губы и с чисто женской логикой прошептала: – Ты знаешь, он, кажется, жениться собрался!

Я остолбенело уставился на нее. Это была новость поистине неожиданная. В свои двадцать восемь лет Андрей считал себя закоренелым холостяком, менял женщин как перчатки, гордился своей свободой и на «женатиков» смотрел с легкой жалостью, как на неполноценных. А теперь на тебе, сломался стойкий оловянный солдатик! Пока я переваривал это потрясающее известие, позади хлопнула дверь – Наталья Николаевна ушла гулять с собакой. «Ну и ну!» – пробормотал я про себя, заходя в комнату.

Андрюха, сбросив во сне одеяло, вольготно раскинулся на кровати. Он громко сопел и чмокал губами – видимо, смотрел приятный сон.

– Эй, старик, вставай! – Я тронул его за мускулистое плечо с вытатуированной голубой русалкой. Никакой реакции! – Вставай, тебе говорят! – Я потрянул сильнее.

Андрей что-то бормотнул спросонок и перевернулся на другой бок.

– Рота, сорок пять секунд подъем! – завопил я изо всех сил, сложив руки рупором и приставив их к его уху.

– А?.. Что?.. Где?.. – Андрей как подброшенный пружиной вскочил на кровати, ошалело тряс головой. – Тьфу, придурок! – выругался он, узнав меня. – Так и зайкой остаться можно!

– Хватит дрыхнуть, дело есть. – Сунув в рот сигарету, я чиркнул зажигалкой. – Споласкивай морду, ставь чайник, поговорим.

– Что-нибудь серьезное?

– Да, сейчас Коля подъедет.

Послышался звонок в дверь.

– А вот и он, иди умывайся, я открою.

⁴ Один из ударов карате. Наносится от себя наружной стороной кулака.

* * *

Заброшенное бомбоубежище, в котором собиралась шайка Монаха, располагалось в подвале старого трехэтажного дома неподалеку от гриль-бара. Обычно они приходили туда по вечерам, но сегодня было воскресенье, и, если верить Эдику, они должны были появиться там в середине дня. В воскресенье банда решала организационные вопросы, намечала план действий на следующую неделю и пьянствовала в интимном кругу.

В подъезде ветхого, построенного еще при Сталине дома пахло сыростью и кошачьей мочой.

– Вы все запомнили?

Андрей молча кивнул.

– Конечно, – расплылся в улыбке Коля, – что, ты нас за дураков считаешь?

Я с удовольствием и некоторой завистью оглядел его могучую фигуру. Великолепно развитые мышцы до предела растягивали ткань старенькой черной футболки. Ему было жарко, на лбу блестели капли пота. «Прямо Шварценеггер, – подумал я, – только лицо очень добродушное».

– Ну, если так, пойдем. – Я двинулся вниз по ступенькам. – Да, Коля, сверток не потеряй!

Резиденция Монаховой шпаны находилась в самом дальнем помещении бомбоубежища и представляла собой некий гибрид «качалки» с воровской малиной. В углу висела боксерская груша, рядом с ней были сложены две штанги и несколько гирь. Судя по покрывавшему их толстому слою пыли, наши друзья спортом не злоупотребляли. У противоположной стены виднелась ржавая пружинная кровать с грязным матрасом. Видимо, на ней тогда и насильничали Надю. Сейчас, к счастью, кровать была пуста. Под потолком горела лампочка в проволочном абажуре. В ее свете были видны развешанные по стенам кооперативные плакаты с изображением культуристов, Брюса Ли и голых баб. Посреди помещения стоял деревянный стол, вокруг которого сидели на перевернутых ящиках Монаховы шакалы во главе с шефом. Все пили водку и чем-то закусывали. На скрип открываемой двери они обернулись, удивленно уставившись на нас.

– Привет, козлы! – Я шагнул вперед, держа пистолет на уровне груди. – Встать, руки за голову!

Толкаясь и толпясь, как бараны, они поспешно повскакивали на ноги, заворуженно глядя в дуло моего «вальтера». Один из них случайно столкнул бутылку, раздался звук бьющегося стекла.

– Руки не опускать! Стоять смирно! Андрей, обыщи гадов!

Все вели себя как паиньки, пока Андрей шарил у них по карманам. Лишь один, белобрысый, который вчера держал Наташу, попробовал сопротивляться, но, получив короткий хук⁵ в челюсть, без сознания рухнул на пол. Через несколько минут обыск подошел к концу. На столе высилась груда кастетов, велосипедных цепей и несколько ножей.

– Коля, собери эту дрянь, на обратном пути выбросим.

Я слегка поморщился. Сильно разболелась голова, и я понял, что нужно закругляться.

– Всем встать к стене, руки не опускать. А ты, Монах, иди сюда.

На Монаха жалко было смотреть. Весь его апломб бесследно исчез, губы дрожали, лицо покрылось каплями пота, а глаза затравленно бегали из стороны в сторону. Хрипло дыша, он неуверенно сделал маленький шаг вперед.

– Давай-давай, топай ножками, – подбодрил его я, – ближе, еще ближе!

Боль в голове неожиданно утихла. Холодная ненависть переполняла душу. Я не чувствовал ни капли жалости к этому подонку. Перед глазами встало бледное измученное личико

⁵ Короткий удар в боксе.

Нади, и я с трудом удержался, чтобы не нажать спуск. Монах остановился на расстоянии двух шагов.

– Что ты хочешь со мной сделать? – Его голос напоминал скулеж побитой шавки.

– Сейчас узнаешь! – Я резко выбросил вперед правую ногу, и Монах, согнувшись пополам, свалился на бетонный пол.

– Коля, приготовь угощение!

– Смотрите внимательно, щенки, – обратился я к остальным, которые, не опуская рук, смиренно стояли вдоль стены. – Вы думаете, что эта скотина – супермен, этакий Робин Гуд районного масштаба? Впрочем, вряд ли вы можете думать, ведь у вас нет мозгов, да и, кто такой Робин Гуд, наверняка не знаете. Черт с вами, дело не в этом. Сейчас вы увидите, что ваш шеф – чмо, петух⁶, которому место под нарами и с которым ни один уважающий себя блатной за стол не сядет, даже если очень захочет есть.

Коля тем временем брезгливо развернул принесенный сверток, положив его на пол перед лицом Монаха. Тот пришел в себя и уже не лежал, а стоял на четвереньках. В свертке находился кусок собачьего кала.

– Ты хочешь жить?! – обратился я к Монаху, наведя ему в лицо дуло пистолета.

Он беззвучно разевал рот, с ужасом глядя на меня.

– Говори, сволочь! – Я пнул его ногой в лицо.

– Да... – прошептал он разбитыми губами.

– Тогда ешь!

– Что это, что это?.. – бормотал Монах, с отвращением и страхом глядя на «угощение».

– Это говно, – терпеливо объяснил я, – и ты, сука, будешь сейчас его жрать!

– Нет! – В голосе Монаха появились решительные нотки. – Нет, нет, нет! – завопил он в истерике, распаяя себя и черпая в крике мужество.

Я молча ждал, пока он успокоится. Наконец вопли стали стихать.

– Это твое последнее слово? Ну что ж, тогда ты сдохнешь!

Медленно подняв руку, я тщательно прицелился чуть левее его головы и плавно нажал спуск. Оглушительно грохнул выстрел. Пуля ударила в бетонный пол и срикошетила, к счастью, никого не задев. Монах тряс головой. Взгляд его сделался совершенно безумен.

– Жри, – повторил я. – В следующий раз не промахнись.

Ничего не соображая от страха, он взял с газеты кусок и медленно поднес ко рту. Я почувствовал острый приступ тошноты.

⁶ Пассивный гомосексуалист, которого уголовники на зоне используют вместо женщины. Самая низшая каста в лагерной иерархии.

Глава 6. Олег Селезнев

Солнечным утром мы с Андреем сидели на квартире у Рафика, изнывая от скуки. Рафик нервно листал иллюстрированный журнал. Андрей молча курил, задумчиво глядя в потолок, а я тискал Марианну, кошку Рафика. Она появилась здесь полтора года назад, еще до нашего знакомства. Рано утром, услышав на лестнице душераздирающее мяуканье, Рафик открыл дверь и не успел опомниться, как истощенный лишайный котенок, проскочив между ног, забился под шкаф. Как рассказывал Рафик, у него не хватило духу выбросить назад несчастное существо. Он вылечил котенка от стригущего лишая, откормил, и сейчас кошка выглядела вполне прилично. Рафик назвал ее Марианной в честь своей первой школьной любви. На это имя она, правда, не реагировала, но охотно отзывалась на Кису. Сейчас кошка, возмущенная фамильярным обращением, кусала меня за палец, однако когти не выпускала.

Играя с кошкой, я вспоминал недавнее прошлое. За месяц, прошедший со дня расправы над Монахом, произошло немало событий. Во-первых, я помирился со Светкой. Она позволила мне домой и, плача, призналась, что была не права. Я собирался ответить гордым отказом, но неожиданно сам чуть не разревелся. В тот же день она вместе с ребенком переехала ко мне.

Банда Монаха, как я и предвидел, распалась после дискредитации шефа, а сам он был заглавлен вчерашними холуями и в отчаянии повесился. Я не жалел подонка, но последнее время он повадился являться ко мне во сне, мерзко хихикал и манил за собой. Я просыпался в холодном поту, курил, пил воду, снова курил, и так до самого утра, пока не наваливалось тяжелое забытие.

Андрей со своей девчонкой подали заявление в загс. На следующий день он заявил, что не хочет больше с нами работать. Таня, дескать, запрещает, говорит, что они и без этого проживут. Тогда я жестоко высмеял Андрея, обозвав трусом и подкаблучником. Я знал, куда нанести удар. Андрей был болезненно самолюбив и, даже проигрывая в шахматы, приходил в ярость. На этот раз он чуть было не кинулся на меня с кулаками, но в конце концов остался. К настоящему времени мы помирились, но иногда в наших отношениях ощущалась некоторая натянутость.

Кроме того, у Коли тяжело заболела мать, и именно поэтому его не было сейчас с нами. А жаль, Коля бы пригодился. Дело в том, что мы ожидали гостей. Позавчера кто-то позвонил Рафику, требуя тридцать тысяч. В противном случае он обещал прислать по почте уши его дочери. Девочка, к счастью, оказалась в это время дома, иначе бы Рафика мог хватить инфаркт. «Да, да, ребята, конечно, заплачу, приезжайте в среду», – сказал им Рафик. В тот же день он посадил жену с дочерью в самолет и отправил к родственникам в Армению, куда, кстати сказать, они давно собирались.

Сегодня с раннего утра мы поджидали рэкетиров. Время тянулось медленно. Рафик попытался выпить, но я отнял у него бутылку и спрятал в «дипломат». Я знал, что если он выпьет хотя бы стакан, то уже не остановится. Последнее время Рафик все чаще уходил в запой, длившиеся по неделе и больше. Начиная пьянствовать, он забрасывал все дела, что существенно отражалось на доходах кооператива, а следовательно, на моих тоже. Кроме того, я понимал, что если так дальше будет продолжаться, то в скором времени он сохнет. Мне было жаль Рафика, потому что за минувший год я успел к нему привязаться.

– У, проклятые, где их черти носят! – Отшвырнув в сторону журнал, Рафик нервно заходил по комнате. Андрей, покосившись в его сторону, закурил еще одну сигарету.

– Давай, что ли, чаю выпьем, – предложил я.

Большие настенные часы начали бить одиннадцать. Обрадовавшись, что можно хоть чем-то заняться, Рафик отправился на кухню. Я опустил на пол кошку и откинулся на спинку дивана. Этим летом мне так и не удалось съездить на море. Работа у Рафика, семейные неурядицы и т. д. и т. п. Все это превратилось в какую-то трясину, из которой я никак не мог выка-

рабкаться. Глядя на падающие из окна лучи, я с грустью вспоминал залитые солнечным светом белые пляжи Юрмалы. Хорошо бы сейчас лежать на горячем песке, слушать шум прибоя и ни о чем не думать. Поглощенный этими мыслями, я задремал. Меня разбудил резкий звонок в дверь.

– Проходите, ребята, проходите, – слышался из прихожей приторно-вежливый голос Рафика, – вот в эту комнату, сейчас я достану деньги.

Я сделал Андрею знак рукой. Сжав в руке резиновую дубинку, он встал около двери с таким расчетом, чтобы входящие его сразу не заметили.

В комнату ввалились три мордovorота. По пятам, фальшиво улыбаясь, следовал Рафик. «Здоровые, но пропитые. С этими несложно будет справиться», – отметил я про себя.

Первый из громил, рыжеволосый, плохо выбритый, мусолящий в углу рта сигарету, с удивлением уставился на меня. Мне показалось, что я слышу, как с натугой и скрежетом шевелятся его мозги. Наконец он, кажется, сообразил, в чем дело. «Ах ты, падла!» – прохрипел мордovorот и, выплюнув на пол окурок, кинулся ко мне. Увернувшись от тяжелого размашистого удара, я прямым слева врезал ему по печени. Скорчившись от боли, он свалился на пол. Второй молниеносно выхватил тускло блеснувший нож, но Андрей ударил его дубинкой по затылку. Ноги у бандита подкосились, глаза закатились под лоб, и следующий удар Андрей наносил уже по падающему телу. Третий, сообразив, в чем дело, отшвырнул в сторону Рафика и бросился к входной двери. Я настиг его на лестнице, сбил с ног подсечкой и болевым приемом заломил руки за спину. Когда я приволок его обратно в комнату, то увидел, что «гости» лежат рядом в углу, а Андрей связывает им руки заранее запасенными веревками.

– Вот еще клиент, – сказал я Андрею и ударил бандита ребром ладони по шее. Потеряв сознание, он тихо сполз на пол. Андрей, ни секунды не медля, завел ему руки за спину и начал связывать морским узлом.

Рафик тем временем завладел бутылкой, спрятанной у меня в «дипломате», и уже принял первую дозу. Его черные глаза замаслились, на лице появилось блаженное выражение. «У, проклятый алкоголик, – выругался я про себя. – Теперь как пить дать неделю не остановится».

Часы показывали тридцать семь минут двенадцатого. Оказывается, вся операция заняла не более трех минут. Я тоже налил себе стакан. Мне можно. Я в запой не уйду!

– Спокойно, не дергаться, – послышался за спиной тихий хрипловатый голос.

Обернувшись, я увидел у двери невысокого коренастого парня в кожаной куртке. Такую неприятную физиономию мне редко когда приходилось видеть. Толстые вывернутые губы, расплющенный нос, тяжелые надбровные дуги напоминали орангутанга, а безумные глаза с сужеными зрачками изобличали наркомана. В руке он держал пистолет «макаров», нервно подрагивая пальцем на спусковом крючке.

– Я кому сказал, не дергаться! – прошипел он, заметив мое движение.

«Сейчас выстрелит, – мелькнуло в голове. – Такому человека убить – раз плюнуть».

Дуло пистолета смотрело прямо мне в грудь.

– Сеня, – прохрипел один из связанных, – развяжи нас.

– Подождешь, – ухмыльнулся «орангутанг», – сперва с этими разобраться надо. Ну-ка ты, иди сюда! – обратился он к Рафику.

Рафик медленно шагнул в его сторону. Он сильно побледнел, но был спокоен, только левая бровь слегка подергивалась.

«Нервный тик», – подумал я.

Мне было по-настоящему страшно. В глазах этого дегенерата с пистолетом затаилась смерть, и я понимал, что они вряд ли оставят нас в живых. Вот что значит недооценить противника. Не такие уж они дураки, оставили одного для подстраховки и сейчас возьмут нас голыми руками. Попробовать выбить пистолет, но ведь далеко, не успею! С такого расстояния только слепой промахнется!

– А теперь попрыгай, может, я тебя пожалею! – Пистолет качнулся в сторону Рафика. Произнося эти слова, бандит ухмыльнулся, показав желтые лошадиные зубы.

– Пошел ты, козел! Пососи сначала у пидора! – От волнения в голосе Рафика появился давно забытый им кавказский акцент.

Размахнувшись свободной рукой, «орангутанг» ударил Рафика по лицу, и он легко, словно пушинка, отлетел в сторону. В этот момент я прыгнул вперед. Грохнул выстрел, что-то обожгло плечо, но я уже захватил руку с пистолетом, выкручивая кисть. Пистолет с глухим стуком упал на ковер. Зарывав от ярости, бандит другой рукой ухватил меня за волосы. Морщась от боли и запаха потного немытого тела, я подсек его ноги, и мы, сцепившись, покатались на пол. Он был явно сильнее, и я чувствовал, как хрустят мои кости. Грязная пятерня схватила за лицо, норовя выдавить глаза. Неожиданно он разжал хват, дернулся и обмяк. Я не видел, как Андрей, широко размахнувшись сцепленными в замок руками, ударил «орангутанга» в основание черепа.

– Надо их допросить. – Вытерев лицо, Рафик отшвырнул в сторону испачканный платок. Разбитая губа продолжала кровоточить, и он время от времени облизывал ее языком. – Нужно узнать, на кого они работают. Судя по всему, «дикари», но этот красавчик кого-то мне напоминает, не помню только, кого именно!

«Красавчик орангутанг», уже крепко связанный, все еще не приходил в себя. Временами он начинал хрипеть, конвульсивно вздрагивая.

– Как бы не сдох, – задумчиво произнес Андрей. Он стоял около окна, дымя очередной сигаретой. Луч солнца освещал его лицо, и было видно, как на скулах двигались желваки.

– Ничего, он живучий! – прошипел Рафик, пнув «орангутанга» ногой.

Тот дернулся, застонал.

– Приходит в себя. – Рафик занес ногу для следующего удара.

– Перестань, он же связанный! – неожиданно заступился я. Рафик удивленно обернулся.

– Что?!

– Я сказал – перестань!

– Какие мы гуманные, – презрительно скривился он, однако отошел в сторону.

Некоторое время все молчали.

– Что у тебя с плечом? – спросил Андрей и, не дожидаясь ответа, подошел ко мне. – Дай посмотрю!

Окровавленная рубашка неприятно липла к телу. Двигать рукой было, впрочем, почти не больно.

– Ерунда, лишь слегка задело, но нужно перевязать, – выдал он наконец заключение. – Есть бинт?

– Сейчас принесу. – Рафик вышел из комнаты.

Я чувствовал, что весь дрожу. Кожа покрылась пупырышками озноба. Ноги были тяжелыми, словно налились свинцом.

«Не получается из тебя супермена, – с горечью подумал я, – чуть-чуть задели, а уже трясешься, как мокрая мышь».

Подойдя к столу, я налил себе коньяка и залпом выпил полный стакан. Коньяк попал не в то горло, но когда я откашлялся и перевел дыхание, то почувствовал, что озноб прошел. Вернулся Рафик с бинтом, пузырьком йода и чистой рубашкой.

– Тестевская, – объяснил он, – мои-то тебе малы, но эта, может, налезет.

– И давайте быстрее, ребята, нужно закругляться!

Через десять минут я, перевязанный и переодетый, сидел в кресле, прихлебывая коньяк и наблюдал за событиями, разворачивающимися в комнате.

– Бери вот этого! – Рафик указал Андрею на одного из рэкетилов.

Парень, тот самый, которого я догнал на лестнице, казался сильно испуганным. Губы у него дрожали, а глаза, в которых застыло умоляющее выражение, перебежали с Рафика на Андрея и обратно. Рафик стоял посреди комнаты, широко расставив ноги и поигрывая конфискованным «макаровым».

– Ты, Андрюха, сними рубашку, в крови запачкаешься!

– Слушай, может, его лучше утюгом? Оно быстрее, надежнее.

Я понимал, что ребята блефуют, но мне все равно стало не по себе. К тому же раненое плечо болело все сильнее и меня мутило от смешанного запаха пота, крови и порохового дыма, которым была пропитана вся комната.

– Мужики, да вы чего?! Не надо! Вы чего, мужики?! – заикаясь, забормотал рэкетир, пытаясь отползти в угол.

– Молчи, сука! – бросил ему Рафик и снова обратился к Андрею: – Тащи его в ванную, а то здесь и так все загадили.

– Нет! – завизжал парень, дергая связанными руками в безуспешной попытке высвободиться, но Андрей схватил его за шиворот и рывком поставил на ноги.

– Иди, милый, иди! – подбодрил он бандита. – Будь умницей!

Андрей, бандит и следом за ними Рафик вышли из комнаты. Некоторое время я напряженно вслушивался в тишину, но ничего не было слышно. Остальные бандиты, избегая встречаться со мной глазами, тихо лежали вдоль стены.

– Ребята, вы, конечно, крутые, но вам это так не пройдет, – неожиданно послышался знакомый хриплый голос, и, подняв глаза, я встретился взглядом с «орангутангом». Он полностью пришел в себя и пристально смотрел на меня своими безумными глазами. Что-то в его голосе заставило меня насторожиться.

– Кидаешь понт, сявка! – Я заставил себя презрительно усмехнуться. Нужно было разозлить громилу, авось сболтнет лишнее. Результат превзошел все ожидания. Глаза «орангутанга» налились кровью, и он разразился изощренной руганью. Отборный мат перемешивался с угрозами, голос срывался на крик, но я посмеивался и подбадривал, чем довел его до белого каления.

– На Севу надеетесь, козлы, так Севе вашему скоро крышка! А-о-у, падлы, пидоры, вместе с ним сгниете!

– Севу? – Я насторожился, поскольку слышал как-то это имя от пьяного Рафика. – Ну-ка, продолжай!

Но «орангутанг», сообразив, что сказал лишнее, замолчал, пожирая меня налитыми мутью, ненавидящими глазами.

Дверь отворилась, и Андрей втолкнул в комнату бледного перепуганного бандита. Руки у него были по-прежнему связаны за спиной.

– Садись в угол и не дергайся. – Андрей, казалось, был чем-то встревожен. – Олег, выйди на минуту.

Воздух в коридоре казался чище, чем в комнате, и я, облегченно вздохнув, прислонился к стене.

– Ну?

– Расколосся как миленький, даже пальцем до него не дотронулись! Они действительно «дикие», вот только с тем, который тебя подстрелил, не все в порядке.

Андрей оглянулся, словно кто-нибудь мог нас услышать.

– Тот парень, с которым мы говорили, выложил все как на духу. Их трое, вместе сидели и сейчас трясут потихоньку кооператоров. А вот четвертый, страшила этот, у них в компании новый. Наш парень сам толком ничего не знает, он там за «шестерку». Но краем уха слышал, что эта обезьяна связана с мафией, с каким-то Принцем. Обезьяна появляется и исчезает, когда

захочет, иногда о чем-то беседует с остальными двумя, так, чтобы «шестерка» не слышал. На «работу» он раньше с ними не ходил, но на этот раз, узнав, к кому идут, вызвался сам.

– А где Рафик?

– Он, как услышал про Принца, переменялся в лице и побежал кому-то звонить. Олег, я не понимаю, в чем дело, но все это мне не нравится!

– Вы что тут делаете? – Голос Рафика звучал непривычно резко.

Он был сильно бледен, а в глазах появилось жесткое, неприятное выражение.

– Рафик, может, ты объяснишь...

– Потом, ребята, потом я все объясню. – Рафик отвел глаза в сторону.

– Потом так потом. – Прикурив сигарету, я глубоко затянулся. – А с нашими гостями что будем делать?

– Об этом не беспокойся, за ними сейчас приедут.

– Милиция? – В голосе Андрея слышалось изумление. – Но ведь...

– Да какая там милиция!

Неожиданно я понял, в чем дело. Вопли бандита, слова Андрея и странное поведение Рафика сложились в единое целое. Мне стало ясно, кто сейчас приедет и зачем. «О господи! В какое же дерьмо я вляпался!» – мелькнула отчаянная мысль. Мне захотелось бежать отсюда со всех ног, но, сдержавшись, я молча прошел в комнату.

Через полчаса в дверь позвонили...

Глава 7. Леонид Ермолаев по кличке Принц

В предбаннике пахло мятой и березовыми вениками. Вывалившись из парилки, Принц подошел к бассейну, потрогал пальцем воду и тихонько взвизгнул. Потрогал еще, некоторое время постоял в задумчивости, но вода была холодная, и окунуться он не решился. Подрагивая дряблым бабьим телом, Принц сполз по ступенькам вниз и отправился под душ. Когда год назад он строил этот дом, Жора Китаец посоветовал пристроить баньку.

– Классная вещь, шеф, незаменимая, – ласково улыбаясь, доказывал он. Сам Принц баню никогда не любил и понимал, что Китаец старается для себя, однако не смог ему отказать. Он вообще не мог ни в чем отказать Жоре, особенно когда тот улыбался, как тогда: вкрадчиво, нежно.

– Эй, Сашка! – визгливо крикнул Принц, повернув голову к выходу. – Сюда, живо.

Послышался топот, и в предбанник вбежал волосатый, покрытый наколками мордорот с мочалкой в руке. На роже у него застыло угодливо-подхалимское выражение. Брезгливо сощурившись, Принц оглядел его грубую плебейскую фигуру. Громила лучился заискивающей улыбкой, показывая железные фиксы.

«Тьфу, дерьмо! – выругался про себя Принц. – Урка гребаный. Поклонник блатных законов».

Вот из-за таких придурков им с Жорой приходится скрывать свои отношения. Принц представил себе, как перекосятся бы его громилы, если б узнали, что шеф – пассивный «голубой», и заскрипел от злости зубами. Наверняка бы переметнулись к скоту Сева лишь потому, что тот спит с бабами. Не стали бы служить у педераста, а может, стали бы? Ведь люди уважают силу и деньги, а этого у Принца в избытке, особенно силы, поскольку он, в отличие от некоторых, никогда не поддавался дурацким сантиментам. Не далее как месяц назад один из его людей решил отойти от дела. Сева, тот дурак, хам, тот бы обматерил да отпустил. А Принц не стал материться, он вообще не выносит грубых выражений.

«Понимаете, Леонид Сергеевич, устал я, нервы ни к черту! На меня можете положиться! Слова никому не скажу и уеду из Москвы завтра же!» Принц не стал спорить. Он согласно кивал, вежливо улыбаясь. Да, да, конечно, он не возражает, уезжай, раз так решил, вот только подожди до завтра здесь, на даче, подарок на память нужно приготовить. Потрепав по плечу рассыпающегося в благодарностях парня, Принц велел ему идти отдыхать, а сам дал Жоре соответствующие инструкции. На другой день, когда дурак пришел за подарком, Принц вручил ему красивую спортивную сумку, внутри которой находились головы его жены и сына. Самого парня пришлось тоже убрать, а на остальных это хорошо подействовало. Теперь ходят как шелковые, об уходе никто не заикается. Так-то вот, мальчики!

– Спинку потереть? – робко спросил Сашка, но Принц уже передумал.

– Иди, скажи там, чтоб пиво приготовили, я сейчас приду.

Он встал под душ, сделав воду погорячее. И чего хорошего люди находят в бане?! Сидят по полчаса в парилке (сам он не мог выдержать более минуты), затем в холодную воду прыгают – бр-р-р-р, гадость. Но раз построил – не пропадать же добру!

Принц закрыл кран и, переваливаясь как утка, направился в соседнее помещение. В комнате, отделанной дубом, было прохладно. Из разноцветных окон лился мягкий рассеянный свет. На столе стояли бутылки с темным немецким пивом, а также огромное блюдо с вареными раками. Раки были любимым лакомством Принца, и он почувствовал, что рот его наполняется слюной. Завернувшись в простыню, он плюхнулся в мягкое кожаное кресло, отхлебнул пива и жадно запустил руку в середину красной кучи. Когда блюдо опустело, Принц сытно рыгнул, ласково погладил вздувшийся живот и отвалился на спинку кресла, лениво прихлебывая из

кружки. Жаль, что он Жору отослал, сейчас бы его сюда в самый раз, но что поделать, дело есть дело!

Остались последние штрихи, и план, над осуществлением которого Принц бился многие месяцы, будет наконец претворен в жизнь. Тогда все, Сева, конец тебе, мой мальчик!

План уничтожения Севиного удела был предельно прост. Его команда, так же как и у Принца, делилась на отдельные группы во главе с доверенными людьми. Они были как бы нервными центрами организации, и только через них Сева мог управлять своими боевиками. Так вот, если собрать ко времени нужную информацию и уничтожить разом этих людей, то армия Севы окажется парализованной и его можно будет взять голыми руками. А уж тогда... Принц зажмурился от наслаждения... Уж тогда Сева свое получит, Принц не даст ему просто умереть, отведет душу, слишком много неоплаченных долгов накопилось.

Потом можно будет прибрать к рукам и Севины владения. Жирный кусок, ой жирный! Сева – дурак, не умеет им как следует пользоваться, но он, Принц, высосет из Севиных подопечных все соки. А то ишь разъелись, сволочи! Особенно этот армяшка, как его, Рафик Балаян, кажется? Впрочем, нет, армяшка так дешево не отделается, ему придется головой ответить. Ему и его охраннику. Этот грубый скот разбил тогда Жоре все лицо. Вспомнив об этом, Принц задрожал от ненависти. Жора, он ведь такой романтик! Армяшка со своим гориллой поцапались в дешевом пивняке с какими-то щенками, с которыми Жора иногда поддерживал отношения. Не просто так, конечно, а присматривался к ним на предмет вербовки в команду. Горилла нагнал на щенков страху, и те «сделали ноги». На улице они случайно встретили Жору, и тот решил заступиться, да и поднатаскать ребят заодно. А этот здоровенный скот...

Принц тогда чуть не заплакал, когда увидел, как вздулись у Жоры разбитые губы. А ведь Жора такой сильный! Ничего, горилла тоже заплатит. Принц отдаст его Жоре, пусть мальчик позабавится.

Сейчас Жора обхаживает Хасана. Его район граничит с Севиным, и кто знает, не вмешался бы в самый неподходящий момент! Вряд ли, конечно, они с Севой никогда друзьями не были, но предосторожность не помешает. А потом, после Севы, можно будет и Хасаном заняться.

Жорин брат, Сеня, сейчас присматривает новых бойцов среди «дикарей». Нужно срочно расширяться. Своих ресурсов только на Севу хватит.

Принц тяжело вздохнул.

Не нравится ему этот Сеня, ох не нравится. Психованный он и наркоман. Нельзя на такого положиться, а ведь у Жоры от него, похоже, нет секретов. Он души в брате не чаёт! Придется от Сени избавиться, но осторожно, чтобы Жора не догадался.

Послышался стук в дверь. Принц недовольно поднял голову.

– Леонид Сергеевич, вас Равиль Максудович спрашивает. – Сашка с лакейской улыбкой изогнулся у порога.

– Давай его сюда, – небрежно махнул рукой Принц.

На коротких ножках в комнату вкатился Равиль и выжидающе замер возле стола. Его узкоглазое, лоснящееся от жира лицо было, как всегда, непроницаемо.

– Садись. – Принц сделал приглашающий жест, и толстяк все так же молча опустился в соседнее кресло.

– Ну что там?

– Неприятности, – коротко бросил толстяк. Голос его звучал глухо и абсолютно равнодушно.

Принц почувствовал, как внутри у него закипает раздражение. Равиль цедил слова в час по чайной ложке. Нетерпеливого и неуравновешенного Принца это всегда бесило. Вот и сейчас он с трудом удерживался, чтобы не обругать Равиля. Однако ссориться с толстяком не следовало. Отвечая одновременно за службу безопасности, разведку и детальную разработку планов

операций, он был незаменимым человеком. Принц подавал лишь общие идеи, а толстяк методично и упорно проводил их в жизнь. Без него в организации все пойдет наперекосяк. Поэтому Принц заставил себя улыбнуться.

– Какие неприятности?

– Брата твоего Жоры сцапали люди Сева. Только что наш человек сообщил.

– Что?! – От неожиданности Принц едва не свалился на пол вместе с креслом. – Не может быть!

Вместо ответа толстяк криво усмехнулся. Принц почувствовал, что его захватывает волна панического ужаса. Это конец. Наркоман слишком много знает, а уж Сева, будьте спокойны, вытянет из него все. Тщательно разработанный план полетит коту под хвост. Да что там план! Разгневанный Сева достанет Принца из-под земли и тогда...

– П-п-продолжай. – Принц тщетно попытался придать голосу спокойную интонацию.

– Его повезли на дачу к Севе. По дороге он попытался бежать, и один Севин парень, из новеньких, по глупости пристрелил его.

– Ну, слава богу! – Принц облегченно вздохнул. – Как ты думаешь, он не успел чего-нибудь лишнего ляпнуть?

Равиль неопределенно пожал плечами.

– Трудно сказать, но подстраховаться не помешает.

Принц на некоторое время задумался. Это хорошо, что его не довезли, но Сева так не станет хватать людей Принца. Стало быть, что-то пронюхал. Рисковать не стоит. Взвесив все «за» и «против», он принял решение.

– У тебя все готово?

– Да.

– Мы собирались начать через неделю, но раз такие дела пошли... Короче, приступай завтра. Всех, кто в списке!

Ни слова не говоря, Равиль направился к выходу.

– Да, – вспомнил Принц, когда Равиль был уже у самого порога, – когда того... как всех сделаешь, не забудь про армяшку!

Толстяк, молча кивнув, аккуратно прикрыл за собой дверь.

Глава 8. Севастьян Серебряков по кличке Сева

...Он бежал по бесконечному темному коридору, слыша за спиной наступающий топот и хриплое дыхание преследователей. По стенам метались причудливые красноватые блики, а под ногами чавкала какая-то слякоть. Сева чувствовал, что его захлестывают волны животного страха и бессильной ярости. Он попытался прибавить скорости, но ноги сделались как ватные. Преследователи глумливо хохотали. Раскаты дьявольского смеха метались между стен, больно ударяя по барабанным перепонкам. Коридор внезапно кончился, и Сева оказался в огромной комнате, дальний конец которой терялся в туманной мгле. Сделав еще несколько шагов, он почувствовал, что погружается в теплую липкую жижу. Она затекала в глаза, заливала рот, и Сева понял, что барахтается в крови. Отплевываясь и задыхаясь, он вынырнул на поверхность и ясно увидел своих преследователей. Те стояли неподалеку, молча глядя на него. Они были одеты во все черное, а вместо лиц – туманные пятна без глаз, без носов, без ртов. «Кто вы, что вам надо?» – отчаянно крикнул Сева, но голос по-прежнему не слушался. Один из преследователей протянул руку в черной перчатке. Рука стала удлиняться, и Сева почувствовал, что волосы у него на голове встали дыбом. Он попытался отплыть подальше, но тело не слушалось. Черная пятерня холодными тисками вцепилась в горло. Сева захрипел от удушья, забился в агонии и... проснулся.

Некоторое время он неподвижно лежал, глядя остекленевшими глазами в потолок и пытаясь унять мелкую дрожь, сотрясавшую тело. Влажная простыня противно липла к потной спине. Наконец он тяжело вздохнул и нетвердой рукой нашарил на журнальном столике пачку «Мальборо». Сигарета немного успокоила: дрожь утихла, расслабились напряженные мышцы, только сердце билось все так же судорожно и неровно. Загушив в пепельнице окурков, Сева устало откинулся на подушку. Надо же, присниться такая гадость! Он попытался снова уснуть, но ничего не получилось. Тогда Сева сел на кровати, свесив ноги на пол, и закурил новую сигарету. Скосив глаза на часы, он увидел, что уже половина второго ночи. В доме, который стоял на самом краю дачного поселка, было тихо. Из приоткрытой форточки тянуло запахом хвойного леса. Слышался голос какой-то ночной птицы. Бледный лунный луч, падавший через незаперенное окно, освещал комнату призрачным светом. Благодаря ему все предметы вокруг казались зыбкими и нереальными. Севе стало страшно. Ему показалось, что где-то здесь, в углу, прячется что-то непонятное и ужасное. Так иногда чувствуют смерть животные. Сева зябко поежился. За окном послышался звук подъехавшей машины, но он не обратил на это внимания. Дикая тоска сдавила горло.

«Господи! Как же надоело все! Кровь, мерзость, страх. Зачем? Ради денег? Их ведь уже девать некуда. Да и не принесли эти деньги счастья. Бросить бы все да уехать куда глаза глядят!»

Во дворе раздался негромкий звук, похожий на стон, но тут же затих. Сева было насторожился, но затем махнул рукой. Опять померещилось. Последнее время нервы совсем никуда. Волком он стал, бешеным волком! А поделиться не с кем. Друзья не поймут, мать умерла. Жена? Эта пустоголовая кукла только о тряпках думает. Что-то упало, но Сева, поглощенный своими мыслями, ничего не слышал.

Когда-то в детстве он был добрым мальчиком с невинными голубыми глазами. «Мой маленький принц», – называла его бабушка. Принц, а ведь Ермолаев тоже Принц. У, подонок! Эта гнусная тварь опять что-то задумала. Нет, рано уходить на покой. Нужно сперва покончить с ублюдком. Хватит, натерпелся! Неспроста наркоман ляпнул Рафику про конец Севы. Знать бы точно, что они задумали. Но ведь не довели живьем, кретины! Этот мудак – новенький начал палить с перепугу. Нужно с него шкуру спустить, чтоб другим неповадно было. А с

Принцем... Сева представил, как завизжит Ермолаев под дулом пистолета, и зажмурился от удовольствия.

Грохот выстрела подбросил его на месте.

– Шеф, бе... – услышал он голос Коли, доверенного телохранителя. Крик тут же прервался. Треск, звон, топот бегущих вверх по лестнице ног. Сбросив оцепенение, Сева выхватил из-под подушки свой «вальтер». Дверь распахнулась. На пороге возникла темная широкая фигура, закрывавшая весь проем. Вскинув руку, Сева нажал спуск, но выстрела не последовало, только щелчок. Пистолет был разряжен.

«Продали, гады», – мелькнула отчаянная мысль. Фигура захохотала.

– Поднимай лапки, Сева, п...ец тебе!

Вместо ответа Сева швырнул ему в лицо ставший бесполезным пистолет и, выставив перед собой руки, с разбегу кинулся в окно. Приземлившись, он, не чувствуя боли в изрезанных стеклами руках, бросился бежать по направлению к лесу. Когда Сева перепрыгивал через невысокий штакетник, что-то обожгло бок. Звук выстрела он не слышал, лишь негромкий хлопок – видимо, стреляли с глушителем. Еще хлопок, пуля взвизгнула над ухом, но Сева уже достиг спасительных зарослей. Колючие ветки хлестали по щекам, но он не обращал на это внимания. Прорываясь сквозь чащу, Сева слышал позади голоса преследователей: они отдалялись, уходили куда-то в сторону.

«Неужели смылся?!» – мелькнула радостная мысль. В этот момент он обо что-то споткнулся и с размаху ударился головой о ствол поваленного дерева. Из глаз посыпались искры, сознание затуманилось. Полежав с минуту, Сева с трудом поднялся и, шатаясь, побрел вперед, не разбирая дороги. Деревья кончились, впереди была широкая просека, которая, как он смутно помнил, вела к реке.

«Дойти до реки, переплыть на тот берег, а там пусть ищут», – вяло подумал Сева, тяжело переступая ватными ногами. Вместе с тем он понимал, что на этот раз уйти не сможет. Смерть где-то рядом, она уже подползает к нему, гремя костями и корча мерзкие рожи. Сева почти физически ощущал ее тлетворное дыхание.

– Эй, стой, куда разбежался? – послышался сзади негромкий насмешливый голос.

Он медленно обернулся. На тропе, широко расставив ноги и криво улыбаясь, стоял Жора Китаец. В призрачном свете луны его лицо казалось синеватым, как у покойника.

– Не торопись, – повторил Китаец, делая шаг вперед.

Удара Сева не увидел, но острая боль пронзила тело, и навалилась темнота.

Глава 9. Олег Селезнев

– Куда подевался Рафик? – Нервно смяв в руке незажженную сигарету, Андрей швырнул ее на пол.

Я неопределенно пожал плечами и отвернулся. Вот уже два дня мы сидели в доме на окраине города, где располагался «офис» Балаяна, охраняя большую партию компьютеров. Заказчики должны были приехать еще вчера вместе с Рафиком, но до сих пор никто не появился. Неужели про нас забыли, ведь здесь товара на два миллиона! Я посмотрел на часы. Было около девяти вечера. За окном монотонно барабанил дождь. Резкие порывы ветра раскачивали чахлый тополь, росший рядом с домом, и ветви его иногда задевали по стеклу. Тогда слышался противный скрежет.

В слабой надежде я в который раз поднял телефонную трубку, но она молчала. Телефон отключился еще вчера днем, поэтому мы не могли связаться с Рафиком и узнать, что случилось. Можно, конечно, позвонить из автомата, но это был новый район, и в ближайших окрестностях не было ничего, кроме коробок недостроенных домов, грязи, мусора.

Дом, в котором располагалась наша «резиденция», был маленький, одноэтажный. Когда-то здесь находился деревянный магазин, и почему его до сих пор не снесли, оставалось лишь гадать. Так или иначе, дом сохранился, год назад Рафик взял его в аренду у местных властей, немножко подремонтировал изнутри и устроил тут свою контору. Домик состоял из двух комнат, в одной из которых раньше находилось торговое помещение, в другой – подсобное. Комнаты Рафик обставил мягкой мебелью, приволок цветной телевизор, но все равно здесь было неуютно, даже в самый жаркий день пахло сыростью, а когда телевизор был выключен, мы ясно слышали, как под полом скребутся мыши.

– Наверное, что-то случилось, – пробормотал Коля, скользнув по мне мутным взглядом.

Я вздрогнул. Такую же безысходность и тоску я видел в глазах Сережки Воронова семь лет назад, когда мы, поднятые по тревоге, получив оружие и боекомплект, бежали к машинам. Наша рота получила приказ окружить и взять живьем четверых дезертиров из конвойного полка, которые, по поступившим сведениям, остановились на ночевку в деревне, расположенной в десяти километрах от нашей части. В перестрелке очередь из «калашникова» Сереге разнесло голову. Сейчас Коля смотрел точно так же, как Сергей тогда. Усилием воли я заставил себя успокоиться. «Что за чушь в голову лезет, совсем неврастеником стал!»

– Ладно, ребята, пойду поищу телефон-автомат. – Я решительно поднялся на ноги и двинулся к двери.

У порога я вдруг остановился, как будто споткнулся обо что-то. Медленно обернувшись, посмотрел на ребят. Андрей чиркал зажигалкой, пытаясь прикурить сигарету, Коля неподвижно сидел в кресле, уставившись тяжелым взглядом в темный экран телевизора. Нехорошее предчувствие вновь кольнуло сердце. Мне почему-то показалось, что я вижу их в последний раз.

– Ну, что стоишь, иди, – промолвил Андрей, не оборачиваясь. – Только постарайся побыстрее...

На улице холодный ветер окатил меня с головы до ног брызгами дождя, а ноги по колено утонули в грязи. Чертыхаясь и матерясь, я двинулся вперед по изуродованному строителями пустырю, позабыв на время и ребят, и все дурные предчувствия...

«Что за чертовщина, может, у него телефон испорчен?» – в раздражении я швырнул трубку на рычаг. Прошло не менее часа, пока я сумел найти в этом чертовом захолустье исправный автомат, и еще полчаса безуспешно названивал Рафику, но из трубки все время слышались короткие гудки. Я знал, что его жена с дочерью сейчас в Армении, а сам он никогда так долго не треплется, в крайнем случае минут пять-шесть! Стоять здесь дальше смысла не было,

но вернуться к ребятам несолоно хлебавши я тоже не мог. «Нужно ехать к Рафику. Туда на такси не больше получаса, а оттуда на его машине еще быстрее, ведь меньше чем под сотню шеф не ездит!» – прикинул я про себя и, быстро миновав пустынный двор, вышел на шоссе.

К дому Рафика я добрался только через полтора часа. Мокрый, злой и грязный. Частник, в конце концов «сжалившийся» надо мной, запросил неслыханную цену, и я, не торгуясь, отдал, хотя больше всего в этот момент мне хотелось двинуть ему по зубам. Было уже за полночь. Дождь наконец прекратился и ветер утих, но меня колотил озноб, а промокшая одежда противно липла к телу. В окнах Рафика горел свет. «Процветаешь, значит, сволочь! – взбесился я. – А мы должны стеречь твои поганые компьютеры! Ну погоди, сейчас я тебе все выскажу! И завтра же уволюсь из твоей шараги!»

Забыв про лифт, я пулей взлетел на третий этаж и с силой прижал палец к кнопке звонка. Внутри никто не отозвался. Я позвонил еще – все та же гробовая тишина. «Все ясно, пьяный и дрыхнет. Ну ничего, сейчас проснешься!» – в бешенстве я ударил в дверь ногой, что-то треснуло, и я ввалился в квартиру. В прихожей горел свет. На светлом паласе виднелись грязные следы, а около двери в комнату валялся перевернутый телефон, попискивая короткими гудками. В воздухе ощущался странный, неприятный запах. Сердце сжалось в предчувствии беды.

– Рафик, ты где? – негромко позвал я осевшим голосом. Никто не отозвался.

Осторожно ступая, я прошел на кухню, затем осмотрел две ближайшие комнаты. Там никого не было. И наконец в третьей, самой дальней, я обнаружил Рафика. Судя по запаху и пятнам на лице, он висел здесь не менее суток. Шею его стягивал тонкий кожаный ремень, привязанный к железному крюку, на котором раньше крепились поддельные рыцарские доспехи. Теперь они бесформенной грудой валялись в углу. Лицо Рафика, почерневшее, искаженное гримасой удушья, покрывали синяки и ссадины. На подбородке запеклась кровь.

Видимо, перед смертью он отчаянно сопротивлялся. Я споткнулся обо что-то мягкое и, опустив глаза, увидел кошку Марианну со сломанным хребтом. «Господи! А ее-то за что?! Какие же все-таки сволочи! Это, наверное, тот самый Принц, – мелькнула мысль, – правду говорил «орангутанг»!»

От отчаяния и бессильной ярости я заплакал. Комната поплыла перед глазами.

Я не заметил, сколько прошло времени, но ясная, пронзительная мысль вернула меня к ребятам. «Если убили Рафика, то... ведь недаром там отключился телефон. Может, еще успею!» На столе я заметил ключи от машины и положил в карман.

«Рафик, – обратился я к мертвецу, – ты был хорошим шефом, и извини, что я плохо подумал о тебе! Прощай, друг! Мне пора!»

Машина, как обычно, стояла внизу у подъезда. Прав у меня не было, и водитель я был никудышный, но теперь это не имело значения. Несясь по пустынным улицам, я думал только об одном – лишь бы успеть. Господи, лишь бы успеть!..

В двух километрах от конторы я едва не врезался в крытый фургон, с бешеной скоростью ехавший по ночному шоссе. За ним впритирку следовал «жигуленок» с выключенным светом в салоне. Тогда я почти не обратил на них внимания и лишь через километр что-то смутно заподозрил.

Не доезжая двухсот метров до конторы, я заглушил мотор. У дверей стояла серая «Волга» с погашенными фарами. Подозрение превратилось в уверенность. Все встало на свои места. Это они меня ждут. Не успел!

В бардачке машины я нащупал финку, которой Рафик обычно открывал бутылки с пивом. Сжимая в руке нож, я осторожно двинулся к дому. Подойдя вплотную, я прислушался. За дверью слышались голоса. Похоже, их там только двое. «Храбрые же вы, однако!» – подумал я, осторожно заглянув в окно. Моих ребят нигде не было видно. Посреди комнаты ползал здоровенный бугай и что-то вытирал с пола, наверное, кровь. Другой стоял несколько поодаль, покуривая длинную дамскую сигарету. Я его сразу узнал. Это был тот самый хлыщ, с которым

мы подрались год назад возле «Фазана». Теперь я знал, кто это такой. Рафик недавно мне все рассказал.

– Давай закругляйся, – буркнул Китаец, обращаясь к амбалу, – он может скоро появиться! Нужно, чтобы в первый момент он ничего не заметил. Мы должны взять его живьем!

– Зачем? – осклабился бандит, подняв голову от пола. – Он и мертвый будет хорош!

– Не твое дело, скотина, сказали, значит, делай, – процедил Китаец, брезгливо сплюнув на пол. – Знать бы, куда он делся!

– Зато куда подевается, я знаю точно, – сострил бугай и заржал, – в бочку с цементом, к своим дружкам! Слушай, Жора, – вдруг посерьезнел он, – почему армяшку мы висеть оставили? Ведь это след!

– Дурак, какой след! У Балаяна две судимости. Мало ли кто его пришил! Менты особо копать не станут. К тому же шеф велел оставить его для примера другим, он хочет дань с района повысить! А вот его «шестерок» нужно спрятать получше, тут вони может быть много. Да и ментов это запутает, если все же решат копать – на этих ребят подумают.

«А ты не дурак, – подумал я про себя. – Ох не дурак, только мозги тебе больше не понадобятся, мертвецам они ни к чему!»

Бугай тем временем, закончив вытирать кровь, выжал тряпку в ведро.

– Выплесни воду и погляди, что там в окрестностях. Да машину отгони подальше, а то за этой суматохой совсем забыли, – приказал Китаец и выбросил окурки в ведро. – А я схожу отолью, – продолжал он, направляясь в сторону туалета.

Видимо, они совсем недавно здесь, а в том фургоне увезли компьютеры и трупы моих ребят. О, если бы я успел на полчаса раньше! Если бы успел!

Бугай прошел в дальний конец комнаты и что-то взял со стола. Присмотревшись, я понял, что это автомат «узи» с глушителем. Медленно он направился к двери. Затаив дыхание, я прижался к стене. Скрипнула дверь. В проем высунулась башка бандита и осмотрела окрестности. Меня он не заметил и, чуть помедлив, направился к машине. Подкравшись сзади, я обрушил ему на шею страшный удар ребром ладони. Не пикнув, бандит мешком свалился на землю. Для верности я ударил еще раз ногой в висок, однако не в полную силу: пока он нужен был живой.

Оставив бугая валяться в грязи, я прокрался в дом и замер возле порога. Про автомат я в этот момент не вспомнил. Из туалета послышался шум спускаемой воды, затем шаги по коридору, и в комнате появился Жора Китаец собственной персоной. Увидев меня, он на мгновение остолбенел и тем лишил себя последнего шанса на жизнь. Прежде чем он успел прочухаться и выхватить пушку, я метнул нож. Клинок вонзился ему в горло. Китаец как-то странно замахал руками, ударился спиной о стену и начал медленно сползать на пол, беззвучно разевая рот.

– Подыхай, гад, – бросил я, направляясь к двери. Пришла пора заняться его дружкой. Бугай по-прежнему валялся в грязи: отключил я его капитально. Подобрал выпавший автомат и обругав себя за то, что не сообразил сделать это раньше, я схватил бугая за руку и волоком потащил в дом. В комнате я швырнул его на пол и начал ждать. Прошло минуты три, но он, кажется, не собирался приходить в себя. Тогда я набрал в умывальнике полведра воды и с размаху плеснул ему в рожу. Бугай застонал, с трудом разлепляя мутные глаза.

– Привет, земляк, – как ни в чем не бывало поздоровался я, – сейчас ты расскажешь, как найти Принца.

Бандит молчал, с ненавистью глядя на меня. Тогда я подтащил его к стене, рывком поставил на ноги и начал бить, зверски, как никого и никогда раньше. Через минуту-другую визжащий кусок мяса, икая и захлебываясь кровью, рассказал все. Я оттолкнул его от себя, и он с грохотом обрушился на пол. То, что я узнал, подтверждало мое убеждение, что путь у меня теперь только один: убить Принца. И не только для того, чтобы отомстить за ребят. На меня объявлена охота. Если я вдруг сумею скрыться, Принц схватит жену и ребенка. А что может сделать с ними этот монстр – даже подумать страшно. Дача Принца, где он сейчас находился,

была нашпигована охранниками, шансов уйти оттуда живым практически не было, но это меня уже не волновало.

В этот момент бугай застонал, пытаясь подняться, чем напомнил мне о своем существовании. Он принимал участие в убийстве Рафика и ребят, поэтому я не собирался оставлять его в живых. Увидев перед собой ствол автомата, бандит побелел как полотно.

– Догони моих друзей, ублюдок, и передай, что Олег о них не забыл, – с усмешкой проговорил я, нажимая на спуск.

* * *

Было около трех часов ночи, но на даче Принца светились огни: наверное, отмечали победу. Дача Принца представляла собой каменный двухэтажный дом, обнесенный забором. В глубине двора виднелись другие постройки: похоже, баня и гараж. Ухоженный сад благоухал запахом цветов. Рядом с забором росло высокое старое дерево, в ветвях которого я и затаился, выжидая удобного момента. Я знал, что приговорен, и потому не испытывал страха: чего бояться мертвецу?

По саду прогуливался охранник. Он был бдителен и осматривал каждый куст, но меня этот лопух не замечал. Наконец он сделал то, чего я давно дожидался: остановился прямо под мной и чиркнул зажигалкой, прикуривая. Тогда я обрушился сверху и, не давая крикнуть, заученным приемом свернул ему шею. Оставив труп валяться около забора, я осторожно подкрался к дому. Одно из окон было открыто, и в него я заглянул в первую очередь. В завешенной коврами комнате сидели за столом трое мужчин и играли в карты. Перед ними стояла бутылка виски, к которой они периодически прикладывались. Один, рыхлый, похожий на бабу, держался на редкость вальяжно, и по тому почтению, с которым к нему обращались остальные, я догадался, что это сам Принц. Второй – сальный толстяк с неподвижным татарским лицом. Третий – заурядный мордovorот, лучащийся заискивающей улыбкой.

– Что-то давно нет вестей от Жоры, – вздохнул Принц и налил себе в рюмку.

– Значит, скоро объявится, – бормотнул толстяк, принимаясь тасовать карты.

Подтянувшись на карнизе, я прыгнул в комнату. Увидев меня, все трое замерли в шоке.

– Здравствуй, Принц, привет тебе от Рафика, – тихо сказал я, с удовлетворением отметив, как посерело его лицо.

Принц открыл рот, собираясь что-то сказать или крикнуть, но автоматная очередь прошила его насквозь и отбросила к стене. Та же участь постигла сального толстяка, который, визжа от страха, пытался забиться под стол. Мордovorот дернулся за пистолетом, но я успел на секунду раньше, и он с раздробленной головой свалился рядом со своим хозяином. Скрип открываемой двери я услышал слишком поздно. Мы выстрелили одновременно, и страшный удар в грудь швырнул меня на пол.

Комната наполнялась багровым туманом. Из раны пульсирующими толчками била кровь, а вместе с ней вытекала жизнь.

Неожиданно я увидел перед собой Андрея. Он улыбался, делая приглашающие жесты рукой. Ничто больше меня здесь не удерживало, и я пошел за ним в темноту, туда, где ждали Коля и Рафик.

Подельники

Глава 1

И я взглянул, и вот конь бледный, и на нем всадник, имя которому смерть, и ад следовал за ним.

Откровение Святого Иоанна Богослова, 6,8

Конец марта 1998 года, Москва

Офис фирмы «Анжелика»⁷ располагался в престижном районе, неподалеку от центра города, занимая все три этажа бывшего купеческого особняка, свеженького, нарядного, хотя и несколько аляповатого. Обветшавшее за сто с лишним лет здание год назад капитально отреставрировали. По сути, от прежнего строения остались лишь стены. Все остальное (включая перекрытия между этажами, внутренние перегородки и т. д.) было новым, добротным. Плюс евроремонт, современная мебель, в каждой комнате – компьютеры, учтивые, с иголки оде-тые служащие. У входа – вооруженная охрана. В общем – солидное заведение. Просто так не сунешься! «Анжелика» принадлежала двум друзьям-компаньонам: Леониду Александровичу Овечкину и Вадиму Робертовичу Хлыстову. Опытнейшим бизнесменам, с дореформенным стажем. В годы советской власти они занимались, выражаясь языком тогдашнего Уголовного кодекса, «хищением государственной собственности в особо крупных размерах»⁸, рискуя в буквальном смысле слова головами, а ныне уже безбоязненно перепродавали за границу сырье по демпинговым ценам. Львиную долю прибыли компаньоны оставляли на зарубежных счетах, остаток вкладывали в дело или тратили на собственные нужды.

«Анжелика» процветала, деньги текли рекой, и до поры до времени ничто не омрачало жизнь «новых русских». Однако сегодня с утра пораньше Овечкин с Хлыстовым, сильно взволнованные, заперлись в кабинете, дав секретарше Оле строгий наказ: «Никого не впускать! По телефону ни с кем не соединять!» К полудню воздух в кабинете загустел от сигаретного дыма, хоть топор вешай, оконные стекла запотели, сизоватые струйки просачивались даже в приемную. Оба коммерсанта находились на грани истерики. Обсуждался вопрос необычайной важности, а именно: как решить проблему, связанную с хозяином фирмы «Цезарь» Романом Петровичем Гавриловым. Вплоть до недавнего времени «Анжелика» и «Цезарь» работали в тесном контакте, но последние месяцы «Анжелика» регулярно нарушала партнерские обязательства и наконец дошла до того, что единолично распорядилась прибылью от крупной сделки на пять миллионов долларов. Гаврилов пришел в бешенство.

– Либо, сукины дети, выкладывайте мою долю с процентами за моральный ущерб, либо ждите неприятностей! Со мной шутки плохи! – прямым текстом заявил он.

– Вложенные «Цезарем» деньги отражены в консолидированном балансе, подтверждены документами, а также непосредственными поставщиками товара. Черт бы их побрал! – возбужденно говорил Хлыстов, приземистый пятидесятилетний мужчина с яйцевидным животиком и блестящей лысиной.

Овечкин, худой высокий господин года на два постарше, угрюмо слушал.

– У гада Ромки мощные связи! – размахивая пухлыми, короткопалыми ручками, горячился Хлыстов. – Прижмет, падла, мало не покажется!

⁷ Названия фирм и имена действующих лиц вымышлены. Любые совпадения случайны. Здесь и далее прим. авт.)

⁸ Статья 93 /прим/ УК РСФСР предусматривала очень суровое наказание. Вплоть до расстрела.

– Это я слышу сотый раз, – хмуро заметил Овечкин. – Может, хватит переливать из пустого в порожнее? У тебя, Вадик, есть конкретные предложения?

Вадим Робертович сник, замолчал.

– Нет, – после длительной паузы уныло молвил он. – А у тебя, Леня?

Леонид Александрович, не отвечая, поднялся с кресла, подошел к окну и посмотрел на улицу. Зима умерла, а весна еще не родилась. Повсюду прошлогодний сор, слякотные лужи, грязноватые остатки снега... Мокрые черные деревья коряво растопырили безлистные ветви, словно собираясь кого-то схватить. Посреди дороги – измочаленное тельце сбитой машиной кошки.

– Сдохла, паскуда! – злорадно пробормотал сызмальства не любивший животных Овечкин. – Теперь небось не поцарапаешься!

– Ты о ком? – удивленно спросил Хлыстов.

– Да вот, пойди сюда. Сам увидишь!

– Ну и?.. – взглянув на кошку, вопросительно повернулся к компаньону Вадим Робертович.

– Кошара, говорю, того, отбегалась! – ухмыльнулся Леонид Александрович. – Бац, хрусь, мяу – и усе!

– А-а-а, – разочарованно протянул Хлыстов. – Я-то думал... – и замер, пораженный внезапной мыслью. – Бац... и отбегалась! – хрипло повторил он. – Хорошо б на ее месте Гаврилов оказался!!!

Овечкин встрепенулся. В бесцветных глазах коммерсанта на долю секунды вспыхнули дьявольские огоньки.

– Великолепная идея! – тихо сказал он. – Просто замечательная!

– Ты имеешь в виду... – начал Хлыстов.

– Т-с-с! – зашипел Леонид Александрович, прижав палец к губам и многозначительным жестом обводя рукой стены. – «Жучки»⁹, – еле слышно шепнул он на ухо партнеру и громко добавил: – Давай, Вадик, прогуляемся. Подышим свежим воздухом. От духоты голова раскалывается!

Заговорщицки перемигнувшись, компаньоны покинули прокуренный кабинет и спустились вниз по широкой, отделанной мрамором лестнице. Здоровенный охранник на выходе, завидев хозяев, приосанился, демонстрируя боевую готовность.

– Скажешь Кольке, шоферу, пусть сегодня отдыхает, – небрежно бросил Овечкин. Торопливо кивнув, охранник услужливо распахнул тяжелую, бронированную дверь...

– Стало быть, наш офис прослушивается?! – нервно обратился Хлыстов к сидевшему за рулем Овечкину, едва машина отъехала от особняка.

– Без понятия, – пожал тот плечами.

– Тогда почему...

– Потому что «потому» заканчивается на «у»! – зло перебил Леонид Александрович и, помедлив, более мягким тоном пояснил: – В нынешние времена «жучки» – не проблема. На базарах продаются. А вмонтировать... Гм, вот ты, допустим, можешь гарантировать преданность наших сотрудников?! Той же Ольги, например?

– Нет, конечно! – отрицательно покачал головой Вадим Робертович. Приоткрыв боковое окошко, он жадно хватал ртом влажный мартовский воздух. – Продадут, сволочи, глазом не моргнув! Мать их за ногу!.. И так – заказное убийство! Я правильно понял?

– Ага! – подтвердил Овечкин. – Оно самое!

⁹ Подслушивающие устройства.

Вадим Робертович вдруг вспомнил, как в детстве отравил соседского терьера Бима, порвавшего ему штаны. Пес умирал долго, мучительно, а десятилетний Вадим украдкой хихикал и при встрече выражал соседям лицемерное сочувствие, неизменно слыша в ответ: «Спасибо, ты хороший, добрый мальчик!» Сладостное ощущение безнаказанной мести сохранилось в душе коммерсанта на всю жизнь. Господин Хлыстов довольно улыбнулся, однако улыбка тут же сменилась гримасой сомнения.

– А где мы возьмем киллера-профессионала? – спросил он. – На наших «быков» из службы безопасности рассчитывать, естественно, не приходится. Не объявление же в газету давать?

– Да уж понятно! – фыркнул Овечкин. – Но ты не беспокойся. Есть у меня на примете один субъект.

– Кто такой? – живо заинтересовался Вадим Робертович.

– Ковальский Сережка.

– Журналист который? – уточнил Хлыстов.

– Верно!

– Ну ты, брат, сказанул! – разочарованно поморщился Вадим Робертович. – Это гундосое очкастое ничтожество – киллер?! Не смехи!

– Не киллер, а как бы менеджер убийцы, – невозмутимо поправил Овечкин. – Настоящие профессионалы никогда не связываются с заказчиками напрямую, а действуют исключительно через посредников. В интересах собственной же безопасности¹⁰. Вот Ковальский и является таким посредником.

– Откуда ты знаешь? – скептически осведомился Хлыстов.

– От верблюда! – огрызнулся Леонид Александрович и примирительно добавил: – Поверь, Вадим, сведения абсолютно достоверные... Тьфу, блин, гаишник!

Повинуясь взмаху полосатого жезла, машина затормозила. К ней вразвалочку приблизился усатый, щекастый, откормленный тип в милицейской форме.

– Превышение скорости! – торжественно объявил он, получил причитающуюся мзду и с достоинством удалился.

– Хапуги проклятые! – трогая с места, вознегодовал скуповатый Овечкин. – Проходу, козлы, не дают! Никак не нажрут! Там плати, здесь плати! Чтоб им треснуть... Чтоб им...

– Не отвлекайся! – прервал гневные излияния компаньона Хлыстов. – Чай, не обеднешь... Вернемся к «нашим баранам». Выходит, нужно связаться с Ковальским?

– Угу! – буркнул Леонид Александрович.

– Погоди, погоди! – забеспокоился Вадим Робертович. – Но если Гаврилова убьют, подозрение падет на нас?

– Да на здоровье! Пусть падает, – пренебрежительно фыркнул Овечкин. – Подумаешь, беда! Доказательств-то нема! Кроме того, ликвидацию можно замаскировать под... положим, ограбление.

– А ведь верно, – умиротворенно улыбнулся Хлыстов. – Пусть замаскируют!..

¹⁰ Для наемного убийцы всегда существует угроза быть ликвидированным заказчиками после выполнения задания. Чтобы, как говорится, «концы в воду». Поэтому они предпочитают использовать для переговоров посредников, которых в случае чего сами же и уничтожают.

Глава 2

Сергей Игоревич Ковальский, в прошлом известный диссидент (по совместительству осведомитель КГБ), а ныне один из ведущих сотрудников крупной ультрадемократической газеты, расслабленно возлежал на диване, посасывая сигарету с ментолом и сладострастно щурясь, вспоминал подробности своей недавней (с час назад) встречи с новым любовником Толиком Рубиновым. Толик, мелкий, бездарный журналистишка, пробавлявшийся редкими грошовыми гонорарами в третьесортных изданиях (его косноязычную стряпню мало кто соглашался печатать), из кожи вон лез, пытаясь угодить влиятельному, обеспеченному спонсору.

Такой суперуслужливый сексуальный раб попался Ковальскому впервые, и, главное, ни одна проститутка мужского пола не обходилась ему столь дешево (небольшая денежная подачка плюс туманное обещание поспособствовать в опубликовании очередного Толикова «шедевра»).

– Вы ведь поможете, да, Сергей Игоревич? – умильно заглядывая в глаза, канючил перед уходом Рубинов. – Ну хоть одну статейку!

– Посмотрим, – наслаждаясь ролью благодетеля, важно тянул бывший диссидент.

– А когда мне снова прийти? – лебезил Толик, многообещающе пошевеливая кончиком языка.

– Я позвоню, с-с-ступай!

Ковальскому чрезвычайно льстило то обстоятельство, что существуют, оказывается, люди еще более жалкие, чем он сам. Некогда КГБ подловило Сергея Игоревича на голубых секс-игрищах с тринадцатилетним мальчиком из интерната для умственно отсталых детей, и он до сих пор с содроганием вспоминал свою первую встречу с капитаном госбезопасности Лазаревым, произошедшую в начале 80-х годов. Вербовочную беседу с пойманым «за одно место» борцом за права человека капитан проводил, не стесняясь в выражениях.

– Ну-с, пидор, влетел ты капитально! – зловеще усмехаясь, цедил Лазарев, брезгливо глядя на пепельно-серого от ужаса диссидента, сгорбившегося у стола, на котором были разложены компрометирующие фотоснимки. – Загредишь, подонок, по полной программе! Статья-то тебе известна¹¹. Восемь лет у параша¹² прокукарекаешь¹³, если зэки сразу не убьют! Правозащитник хренов. Тьфу! – гэбэшник со смаком харкнул Ковальскому в лицо, угодив прямехонько в левый глаз. Начисто раздавленный, Сергей Игоревич, заливаясь слезами, бухнулся на колени.

– Пощадите! – возопил он. – Смилуйтесь!

Ковальский тогда долго унижался, плакал, ползал в ногах у капитана, но тем не менее сейчас, мысленно сравнивая себя с Рубиновым, он с глубочайшим удовлетворением убеждался – неудачливый писака Толик гораздо ничтожнее!

Сергей Игоревич по крайней мере спасал собственную шкуру. Рубинов же готов лизать зад хоть обезьяне всего-то за ерундовую подачку. Одно слово – дешевка!..

Лазарев не отправил Ковальского «в места не столь отдаленные». Малость покуражившись, он обязал борца за права человека «добровольно содействовать органам государственной безопасности», проще говоря – стучать. Чем Сергей Игоревич и занимался на протяжении многих лет, с каждым годом все прочнее увязая в гэбэшной паутине...

¹¹ Статья 121 ч. 2 УК РСФСР (мужеложство в отношении несовершеннолетних) предусматривала наказание в виде срока лишения свободы на срок до восьми лет.

¹² Люди, осужденные по такой позорной статье, очутившись на зоне, не могли рассчитывать на лучшую участь.

¹³ Намек на то, что зэки будут насильно использовать голубого диссидента в качестве «петуха», то есть «бабозаменителя». Вроде бы невелика беда для педераста?! Ан нет!! «Петухи» – низшая каста в местах лишения свободы. Они выполняют самую грязную работу, их можно сколько угодно бить, унижать и т. д.

В эпоху рыночной демократии полковник Лазарев подарил (а может, продал за баксы, кто знает?), в общем, так или иначе, уступил Ковальского своему приятелю майору Виталию Попкову, в качестве «приданого» вручив вместе с живым товаром некий тайно изъятый из дела документик, намертво привязавший заслуженного диссидента к новому хозяину (старый хозяин вскоре после совершения сделки скоропостижно скончался. Выбросился из окна. По официальной версии – самостоятельно). При одном лишь упоминании о «документике» Сергея Игоревича начинал колотить озноб. Нет, половые извращения больше не считались преступлением, да и былое стукачество тоже. Недаром печатно разоблаченный сексот, ни капли не смущаясь, ведет транслируемую на всю страну телевизионную программу. Вся беда в том, что «злосчастный документик» представлял собой собственноручно написанный Ковальским донос на человека, взлетевшего в процессе реформ на недостижимую государственную вершину. Этот господин успел прославиться исключительной злопамятностью, мстительностью, и попади ему на стол донос Ковальского... У-у-у-ух!!! Лучше не думать о таких страстях!.. Новый хозяин обещал твердо: «Будешь работать добросовестно – выживешь! Более того, с каждого дела получишь определенный процент. Но если подведешь меня – не обессуди!» Работа Ковальского заключалась, по выражению майора Попкова, в «оформлении заказов на ликвидацию», и он справлялся с ней вполне успешно. Сперва, правда, жутко боялся, но постепенно привык. Даже во вкус вошел. Процент хозяин отстегивал исправно, не жадничал...

Размышления Сергея Игоревича прервал требовательный телефонный звонок.

«Если Толик-попрошайка – обматерю. Ему же доходчиво объяснили – ждать вызова! Вот ведь назойливая шлюшонка!» – подумал Ковальский, лениво поднимая трубку. Однако звонил не Рубинов. Услышав голос Овечкина, Сергей Игоревич, неплохо осведомленный об острых противоречиях, возникших между «Анжеликой» и «Цезарем», моментально скумекал – намечается очередной заказ.

– Ладно, повидаемся, – в ответ на просьбу Леонида Александровича о срочной встрече вальяжно сказал он. – Через два часа. На Ленинградском шоссе. У поворота к метро «Речной вокзал».

Процентик, процентик, про-о-оцентик ты мой! – положив трубку, фальшиво пропел бывший диссидент.

– Тэк-тэк-тэк! – заслушав предложение партнеров и напустив на себя важный, глубоко-мысленный вид, пробормотал Сергей Игоревич. – Тэк-тэк-тэк...

Все трое неспешно прогуливались по дорожкам парка, расположенного в непосредственной близости от метро. По причине промозглой погоды парк был пуст. Ни женщин с колясками, ни разнузданных компаний, распивающих на лавочках спиртные напитки, ни охотящихся за пьяницами ментов... Конфиденциальность беседы гарантировалась. Минуту-другую многозначительно побурчав и почмокав губами, Ковальский воздел очи к небу...

– Ну так как, реально? – устав от ожидания, хором спросили Хлыстов с Овечиным. – Есть возможность его э... э... э... Короче, сами понимаете!

– Возможность есть всегда! – весомо произнес Ковальский. – Но... – Тут бывший диссидент театрально поднял вверх правую руку. – Подобные вопросы с кондачка не решаются! Да-с! Нужно не торопясь взвесить ситуацию, определить стоимость наших услуг...

– А разве нет твердых расценок? – наивно поинтересовался Хлыстов.

– «Расценки», как вы, уважаемый, изволили выразиться, зависят от множества факторов, – покровительственно улыбнулся Ковальский. – Я свяжусь с вами до конца этой или следующей недели... Если приму соответствующее решение.

Сухо кивнув на прощание, Сергей Игоревич удалился с гордо поднятой головой.

– Цену набивает, сука! – злобно прошипел Овечкин.

– Полагаешь, он согласится? – с сомнением спросил Хлыстов.

– Конечно! – убежденно ответил Овечкин. – Просто повиламывается малость для форсу. Обычная практика. Но подумать только! Такая шваль, а волей-неволей приходится с ним считаться. Дожили, блин!..

Совладельцы «Анжелики» чрезмерно переоценивали значение Ковальского – «согласится... не согласится...». Сергей Игоревич выполнял лишь функции пейджера. Все решал Попков. Он же назначал цену, вопреки бытующему в обществе мнению определявшуюся отнюдь не личностью намеченной жертвы, а степенью сложности выполнения заказа. Если «мишень» хорошо охраняется да в придачу не имеет прочно устоявшегося распорядка дня, не передвигается по заранее известным маршрутам, не отличается пунктуальностью – поразить ее трудно. Значит, и «работа» стоит дорого! Если же нет, то будь вы известны хоть на всю страну (как, например, бедняга Листьев), убийца не запросит слишком много... Вечером того же дня Ковальский почтительным тоном доложил хозяину о предложении Хлыстова с Овечкиным и, угодливо изогнувшись, замер, ожидая инструкций. Киллер был немногословен.

– Зайдешь в пятницу в 20.00, – коротко бросил он.

Глава 3

В пятницу, ровно в семь утра, в чистенькой, любовно ухоженной квартирке на восьмом этаже высотного дома с улучшенной планировкой, неподалеку от метро «Крылатское», пробудился от крепкого, здорового сна среднего роста жилистый человек с тусклым, незапоминающимся лицом. Стараясь не потревожить спавшую рядом супругу, он осторожно поднялся с кровати, прошел в соседнюю комнату и приступил к утренней зарядке: дыхательная гимнастика по йоговской системе, комплекс физических упражнений и, наконец, медитация... В половине девятого, закончив обязательную ежедневную процедуру, человек принял душ, побрился, почистил зубы, плотно позавтракал, удобно устроился на кухне и, прихлебывая зеленый чай без сахара, принялся анализировать информацию, собранную за три предшествующих дня. Тридцативосьмилетний майор госбезопасности в отставке Виталий Николаевич Попков отличался несокрушимым здоровьем, математическим складом ума и отсутствием вредных привычек, к которым он, помимо курения, употребления горячительных напитков и т. д., причислял совесть, никак не совместимую с профессией наемного убийцы. Информация, анализируемая Попковым, в настоящий момент касалась намеченного к устранению объекта по фамилии Гаврилов. Заказчики просили замаскировать ликвидацию под «убийство с целью ограбления». Взорвать машину или застрелить из снайперской винтовки, конечно, проще, но в принципе осуществление и этого «камуфляжного» варианта, по мнению киллера, не вызывало особых проблем. Во-первых, глава фирмы «Цезарь» был на редкость педантичен: отправлялся на работу неизменно в восемь утра, возвращался в девять вечера (в обоих случаях с точностью плюс-минус пять минут). Во-вторых, жертва не имела надежной охраны. Здоровенного увальня Васю – по совместительству и телохранителя, и шофера, и мальчика на побегушках – не стоило воспринимать всерьез. Используя сохранившиеся связи, Попков без труда навел о нем подробные справки. В прошлом Вася занимался штангой, шесть лет проработал в милиции (в ППС¹⁴), огнестрельным оружием владеет плохо, по характеру безволен, эгоистичен, работодателя недолюбливает (не нравится Васе носить за Гавриловым портфельчик!). Такой под пули не ползет. Впрочем, справки Попков наводил скорее для профилактики, чем по необходимости, поскольку, едва увидев Васю, сразу определил его истинную цену. Настоящий профессионал шестерить не станет¹⁵.

Правда, услуги профессионала стоят дорого, но недаром в народе говорят – «Скупой платит дважды», и вот теперь коммерсанту предстояло заплатить собственной жизнью за сэкономленную «деньгу»... Инсценировать ограбление с мокрухой¹⁶ лучше всего вечером в подъезде, при возвращении Гаврилова с работы. Тогда, кстати, не придется убивать заодно охранника (он не провожает хозяина до квартиры, а сразу гонит машину в гараж – моет кузов, стекла, вычищает пепельницы...). Васина гибель никоим образом не вписывалась в планы Попкова, однако отнюдь не из гуманистических соображений. Просто когда мочат¹⁷ бизнесмена вместе с телохранителем, то грабь не грабь, но даже у самых тупоголовых ментов невольно возникает мысль о заказном характере убийства. Если же одного... Тут уж «бабушка надвое сказала»... Может, взбесившийся от ломки наркоман набросился на первого встречного?! Мало ли их сейчас раз-

¹⁴ ППС – патрульно-постовая служба.

¹⁵ Один мой знакомый телохранитель, просивший не называть его имени (но могу вас заверить, специалист высочайшей квалификации), в ответ на вальяжную просьбу-приказ нового клиента (в первый день работы с ним) сходить за сигаретами – в резкой форме ответил: «Я нанялся вас охранять, но и только! Лакеем быть не собираюсь. Не нравится – давайте расторгнем контракт!» Клиент, оказавшийся неглупым человеком, понял свою ошибку, извинился и больше подобных вещей себе не позволял. Кстати, спустя полгода этот самый «строптивый» телохранитель спас ему жизнь.

¹⁶ С убийством.

¹⁷ Убивают.

велось! Они ради дозы мать родную укокошат... Бывший майор решил орудовать ножом. Грохот выстрела услышат соседи, поднимут преждевременную тревогу, а глушитель использовать нельзя, не вяжется он с образом сбрендившего наркоши. Ножом же хоть сложнее в техническом отношении, зато бесшумно. Пути отступления? Гаврилов проживал в доме с проходным подъездом. Парадная дверь выходила прямо на улицу, другая, «черная» – в плохо освещенный двор. Через него удобно «делать ноги»... Оплата? С учетом «камуфляжных» манипуляций реальная цена – двадцать тысяч долларов. Лишнего запрашивать не стоит... Клиентуру растеряешь...

Досконально обмозговав все нюансы, убийца удовлетворенно улыбнулся. Сегодня он сообщит Ковальскому условия сделки, завтра получит деньги, в понедельник выполнит работу и будет ждать следующего заказа...

«А пидор неплохо справляется со своими обязанностями! – с усмешкой подумал Виталий Николаевич. – Спасибо покойному Лазареву. Весьма своевременно подогнал подходящую кандидатуру и, главное, предоставил мощный компромат, позволяющий держать «заслуженного правозащитника» на коротком поводке. Жаль, пришлось убрать полковника (напоить вусмерть да вытолкнуть из окна) – закадычными друзьями были, однако ничего не поделаешь. Такова суровая проза жизни! Тайна, известная двоим, уже не тайна!»

На кухню, широко зевая, вошла опухшая со сна жена Попкова Зинаида Михайловна – широкоплечая толстозадая дама, облаченная в безразмерную ночную пижаму, испещренную розовыми цветочками.

– Хочешь чаю, Зинуля? – любезно спросил благоверную Попков...

В пятницу, в девять вечера, Ковальский связался по телефону с владельцами «Анжелики», предложил встретиться. На сей раз Сергей Игоревич вел себя вполне любезно, спесью не надувался. Это объяснялось веселым, даже несколько игривым настроением журналиста. Утром он провернул выгодное и занятное дельце – за сто долларов сдал Толика Рубинова в аренду на четверо суток своему старинному голубому приятелю Сергею Алексеевичу Юшкову, до сих пор функционирующему политическому «свободолюбцу» с многолетним стажем, правда, теперь Юшков боролся не за права человека (грубо попираемые как отечественными «демократами», так и их зарубежными кукловодами), а против мифического «русского шовинизма». Передавая «товар» с рук на руки, Ковальский поставил господину Юшкову два условия: рассчитывать с Толиком самостоятельно (не волнуйтесь, Сергей Алексеевич, мальчонка недорого берет), а по истечении срока аренды вернуть Рубинова обратно в целостности-сохранности. Новая для него роль сутенера Сергея Игоревича от души забавляла, да и сотня баксов на дороге не валяется... В результате встреча с Хлыстовым и Овечкиным (назначенная в том же парке) прошла в теплой, дружественной атмосфере.

– Заказ принят. Цена – двадцать тысяч долларов, – поздоровавшись за руку с обоими партнерами, светски улыбнулся Ковальский. – Готовьте похоронные венки, траурные костюмы, скорбные речи... Одно лишь условие. – Сергей Игоревич, причмокнув, потер большой палец об указательный. – Деньги вперед!

– Договорились! – легко согласился Хлыстов. – Гонорар получите завтра утром, но, надеюсь, вы не забыли о нашем условии?

– Не понял? – удивился Ковальский.

– Все должно выглядеть как случайное убийство при ограблении, – поторопился разъяснить Овечкин.

– Ах вот вы о чем! – рассмеялся журналист. – Не беспокойтесь, господа! Фирма веников не вяжет!

Вихляющей походкой Сергей Игоревич двинулся к своей машине.

– Не по душе мне такие расклады! – закулив сигарету, брюзгливо проворчал Леонид Александрович.

– О чем это ты? – насупился Вадим Робертович. – Неужто Ромку-козла пожалел? Но ведь у нас нет выбора! Или ты предпочитаешь отдать ему бабки с процентами за моральный ущерб?

– Уймись! – отмахнулся Овечкин. – Гаврилов однозначно должен умереть. Я о другом! По поводу предоплаты! Надо сперва увидеть результаты работы, а уж потом выкладывать денежки! Ну, на худой конец, можно дать небольшой аванс...

– Здесь, брат, ничего не поделаешь! – философски развел руками Хлыстов. – Условия диктуем не мы. Все козыри на руках у Ковальского... Давай лучше дерябнем по стаканчику. Расслабимся!..

Глава 4

В понедельник утром Гаврилов проснулся раньше обычного, с тяжелой головой и в скверном расположении духа. Нет, не подумайте, Роман Петрович вовсе не напился накануне до свинского состояния. Он вообще не увлекался спиртным. Иногда позволял себе рюмку-другую хорошего коньяка. Не более! Просто ночь напролет Гаврилова мучил один и тот же загадочный, жутковатый сон. Роману Петровичу грезилось, будто бы он то гуляет по городу, то едет куда-то на машине, то посещает различные учреждения, но везде за ним следует по пятам странный молчаливый человек без лица. Гаврилов пытается убежать, спрятаться, наконец, силой прогнать непрошеного спутника, однако все попытки отделаться от него заканчиваются неудачей. Безликий неизменно остается рядом...

– Рома, ты не заболел? – за завтраком встревоженно спросила жена Людмила, взглянув на бледного, осунувшегося мужа, вяло ковыряющего вилкой в тарелке. – Может, тебе стоит отправиться не на работу, а к врачу? Давай-ка померяем температуру.

– Не надо врача, я здоров, – тихо отозвался Гаврилов. – И температура нормальная.

– Но ты ужасно выглядишь! – пылко воскликнула Людмила. – Передохни хоть недельку. Съезди на дачу или в загородный пансионат!

– Не могу, – с сожалением вздохнул Роман Петрович. – Много неотложных дел накопилось. Не переживай, дорогая! Все будет хорошо!

– Папочка, купи мне, пожалуйста, щеночка, – звонким голоском попросил забежавший в столовую румяный голубоглазый семилетний Андрюша, старший сын Гаврилова, и с детской непоследовательностью добавил: – А Коля штанишки описал.

– Не ябедничай! – строго сказала мать. – Лучше б помог младшему брату надеть сухие!

– Я не ябедничаю, – обиделся мальчик. – Я не знаю, где они лежат.

– Ребенок прав, – слабо улыбнулся Роман Петрович. – Иди, Люда, переодень младшенького. Тебе же, Андрей, пора собираться в школу.

– А ты купишь мне щеночка, папа? Я буду очень-очень о нем заботиться! – Андрюша с мольбой посмотрел на отца.

– Куплю! Давай, складывай учебники!.. – Перед уходом Гаврилов поцеловал жену, детей и неожиданно едва не расплакался. Ему вдруг почудилось, будто видит он их в последний раз.

«Глупости! – постарался успокоить себя Роман Петрович. – Просто нервы расшатались. Оно и не мудрено! Одна «Анжелика» чуть до инфаркта не довела. Жулье проклятое. Дернул черт с ними связаться!»

В отличие от своей будущей жертвы, убийца спал крепко, без сновидений. Проснувшись как всегда в семь утра, он провел обычный комплекс утренних мероприятий (зарядка, мытье, бритье, завтрак), уютно устроился в кресле и вплоть до шести вечера отдыхал – читал любимые газеты («Коммерсант», «Сегодня»), смотрел телевизор, дремал (с перерывом на обед, разумеется)...

Ровно в шесть убийца поднялся, сладко потянулся и начал неторопливо одеваться.

– Ви-и-тусик! – зычно окликнула Попкова супруга, завершившая наконец трехчасовую телефонную беседу с подругой. – Совсем забыла тебе сказать! Вчера вечером, в твое отсутствие заходила Катька Меньшикова со второго этажа. На Вовика жаловалась (Зинаида Михайловна имела в виду тринадцатилетнего сына Попковых). Говорила, кошку ее повесил на заборе. Требовала высесть мальчика! – в голосе госпожи Попковой звучала едкая ненависть.

– Ну а ты? – поинтересовался Виталий Николаевич, аккуратно зашнуровывая ботинок.

– Послала эту костлявую лахудру к едрене фене! И предупредила: «Больше сюда не суйся, проблядь! Волосы повыдергаю!»

– Правильно поступила, Зинуля, – одобрил Попков. – Высечь! Ишь, деловая! Из-за такой ерунды ребенка бить! Совсем народ озверел!..

К концу рабочего дня Роман Петрович успел провернуть уйму дел: провел несколько важных встреч с представителями различных фирм, договорился о банковском кредите на выгодных для «Цезаря» условиях, заключил сулящий немалую прибыль контракт с американцами... Вместе с тем он не испытывал ни малейшего удовлетворения от достигнутых успехов. Гаврилов чувствовал себя морально измотанным, опустошенным. Сердце грызла беспричинная тоска. А уж мысли посещали бизнесмена ну совершенно непривычные!

«Все суета, мышьяная возня, – печально думал он. – Бегаем, копошимся, мухлюем, хапаем здесь... хапаем там. Хочется больше, и больше, и больше! А зачем?! Богатство в могилу не унесешь. На том свете баксы не потребуются! Призовет меня Господь пред очи свои да спросит:

– Скажи-ка, Рома, чем занимался ты всю свою земную жизнь?

– Деньги зарабатывал, – отвечаю я.

– И куда ты их тратил, человеке, кроме как на прокорм семьи?

– Проедал, Господи, проматывал, барахло покупал, но по большей части копил.

– Накопил?

– Накопил.

– А сирот голодных видел? Стариков нищих замечал? Мог поделиться с ними малой толикой?

И нечем мне будет оправдаться.

– Видеть – видел, замечать – замечал, однако делиться не хотел. Жадничал!

И нахмурится Господь и скажет:

– Грехов у тебя, Рома, немерено, а вот дел добрых за тобой не числится. Ступай-ка ты в геенну огненную!»

– У-у-у-о-о-а-ах!!! – содрогнулся Гаврилов, чуть ли не физически ощутив нестерпимо палящие языки адского пламени. К горлу подкатило удушье, в глазах помутилось от страха, тело сделалось на мгновение чужим, непослушным.

– Наваждение какое-то! – с трудом переведя дыхание и выпив залпом стакан холодной воды, пробормотал он. – Будто некто посторонний разговаривал сейчас со мной. Мистика! Виновато, конечно, переутомление, хотя действительно не мешало бы передать определенную сумму в детский дом, находящийся как раз в двух кварталах от офиса. По слухам, там детей кормить нечем. Надо помочь сироткам в ближайшее время. Не разорюсь!.. Или не тянуть резину, отправить деньги прямо сегодня, и не по банковским каналам? Сейф-то битком набит наличными! Нет, лучше завтра, даже послезавтра. Необходимо все хорошенько взвесить, подвести баланс... Чтоб, значит, не в ущерб фирме!..

В половине восьмого вечера позвонила жена.

– У тебя все в порядке? – взволнованно спросила она.

– Да, – несколько удивленно ответил Роман Петрович, уже в значительной степени оправившийся от недавних переживаний. – Чего ты всполошилась?

– Не знаю, – голос Людмилы заметно дрожал. – Сердце не на месте! Ты не задерживайся, ладно?

– Буду в девять, как обычно! – твердо пообещал Гаврилов...

Убийца терпеливо ждал. Он привык ждать. Умение ждать являлось необходимым условием профессии Попкова. Виталий Николаевич прибыл на место в начале девятого вечера, но сразу в подъезд не пошел. Не имело смысла, да и засвечиваться там лишний раз не стоило. Благодаря размытой, не запоминающейся внешности Попкова это не составляло особого труда. На киллера решительно никто не обращал внимания. Более того, внимание проходящих было

всецело приковано к смачному, шумному скандалу с мордобитием, зародившемуся в недрах солидного супермаркета, расположенного как раз напротив гавриловского дома. Виновниками инцидента стали два подвыпивших молодых человека, один из которых попытался слямзить в магазине три банки пива и попался в цепкие руки бдительных, облаченных в камуфляжи охранников. Пока воришке-неудачнику настойчиво втолковывали, что по правилам сего торгового заведения он может оставить себе пиво, может вернуть обратно, но в любом случае обязан выплатить десятикратную стоимость уворованного, приятель помчался за подмогой. На зов о помощи вскоре явился плотный тридцатилетний мужчина в щегольской кожанке, тоже слегка поддатый. Двое охранников попытались загородить ему дорогу, однако мужчина отшвырнул их в сторону, словно котят, и прошел вовнутрь супермаркета, где провел краткую беседу с начальником здешней службы безопасности, предварительно усадив его на пол жесткой, профессиональной подсечкой. Результаты беседы, судя по всему, обескуражили мужчину.

– Извини, брат, непонятки получились¹⁸, – смущенно сказал он начальнику СБ¹⁹, потиравшему уши блонный зад. – Мне наплели, будто бы твои архаровцы беспредел чинят, ни с того ни с сего на людей кидаются... Ну, козлы вонючие! Ну, провокаторы! Ни-че-го!!! С ними, с падлами, я лично разберусь! Прямо сейчас!!!

Он грубо выволок на улицу воришку с приятелем, поставил перед собой и тихо, зло произнес:

– Соврали, сучары? Дураком меня выставили? Ну, получайте награду, сявки²⁰!

– Ваня, Ваня, не надо! Прости! – виновато заскулили ребята, но Ваня явно не отличался ни гуманизмом, ни кротостью нрава. Не вступая в дискуссию, он нанес два чудовищной силы удара, отправившие обоих смутьянов в глубочайший нокаут, хладнокровно прикурил сигарету и неторопливо удалился. Около безжизненно распростертых на асфальте тел моментально сгрудилась толпа зевак, вслух гадая: «Помрут – не помрут?» Возмутители спокойствия не подавали признаков жизни. Поступило предложение вызвать «Скорую помощь», но тут парни зашевелились, с грехом пополам поднялись на ноги и, шатаясь, уковыляли в ближайшую подворотню. Тогда зеваки принялись оживленно обсуждать происшествие, высказывая диаметрально противоположные точки зрения: одни (преимущественно мужчины) искренне восхищались действиями безымянного «терминатора», другие громогласно негодовали, употребляя термины: «хулиган... бандит... мясник...» и даже «убийца».

«Определенно удачный денек! – наблюдая со стороны за ураганом страстей, мысленно усмехнулся киллер. – Нежданно-негаданно – великолепнейшая «дымовая завеса»!!! Лучшего расклада нарочно не придумаешь!»

Попков взглянул на часы – без пятнадцати девять.

«Пора!» – решил он и, никем не замеченный, проник в подъезд...

«Мерседес» Гаврилова затормозил у дома без двух минут девять.

– Свободен, Вася, – устало бросил шоферу-телохранителю Роман Петрович и, выбравшись из машины, добавил: – Не вздумай завтра опоздать. У меня намечено важное деловое свидание, и я... – внезапно коммерсант осекся. В голове у него прогремел чужой ехидный голос: «Свидание отменяется, дражайший господин Гаврилов. Поскольку завтра вы будете о-о-очень далеко отсюда. Ха-ха-ха!»

– Тьфу, чертовщина, твою мать! – встряхнув головой, ругнулся хозяин «Цезаря». – Глюки, блин, доконали!

¹⁸ В данном контексте – недоразумение вышло.

¹⁹ Службы безопасности.

²⁰ Сявка – мелкий воришка, не пользующийся уважением в криминальных кругах. Синоним устаревшего слова «портяночник».

– Вы чего? – с тревогой воззрися на босса увалень Вася, вообразивший, будто раздражение работодателя связано непосредственно с ним.

– Ничего! – отмахнулся Гаврилов. – Езжай в гараж да пепельницы вычистить не забудь!

«Люда абсолютно права, – открывая дверь, подумал он. – Обязательно нужно передохнуть с недельку!»

Около лифта Роман Петрович заметил невзрачного, неброско одетого человечка, прижавшего руку в кожаной перчатке к кнопке вызова. В кабину они зашли вместе, причем незнакомец учтиво посторонился, пропустив Гаврилова вперед.

– Вам какой этаж? – вежливо спросил Роман Петрович.

– Первый, – спокойно ответил человечек.

Удивиться коммерсант не успел. Бывший майор КГБ Виталий Попков в совершенстве владел холодным оружием. Нож вонзился в яремную вену²¹. Смерть наступила мгновенно.

«Слишком грамотно для озверевшего наркомана, – с неудовольствием отметил убийца и с размаху всадил окровавленное лезвие в глаз мертвеца. – Вот теперь правдоподобнее!»

Оставив нож торчать в глазнице, он забрал у трупа барсетку, извлек из нее деньги, небрежно сунул их себе в карман, пустую барсетку бросил рядом с телом и вышел из дома через черный ход...

²¹ Расположена чуть ниже кадыка.

Глава 5

Господин Хлыстов узнал о гибели Гаврилова той же ночью из телепередачи «Дежурная часть», начавшейся по РТР в ноль часов пятнадцать минут по московскому времени. Вадим Робертович издавна страдал бессонницей и укладывался в постель не раньше двух, коротая время перед телевизором...

Камера показала крупным планом убитого Романа Петровича, валяющуюся рядом с ним выпотрошенную барсетку, взбудораженных людей, первыми обнаруживших труп в кабине лифта... Ведущий озвучил оперативную версию убийства с целью ограбления и радостно отпартовал: милиция «по горячим следам» обшарила окрестные притоны и задержала троих подозреваемых.

Коммерсант глумливо захихикал.

– Сдох, собака, сдох! – потирая мясистые ладони, злорадно пришептывал он. – Больше не погавкаешь! Не потребуешь «свою долю» плюс проценты «за моральный ущерб». Хи-хи-хи!

Физиономия Хлыстова чудовищным образом перекосилась и напоминала в настоящий момент не человеческое лицо, а гнусную морду беса, ликующего по поводу удачно завершеного пакостного дельца. Вдоволь нахихикавшись, Вадим Робертович набрал домашний номер Овечкина.

– Тебе известно, сколько сейчас времени? – недружелюбно осведомился заспанный Леонид Александрович, в отличие от компаньона ложившийся спать рано.

– Не ворчи, Лень! – восторженно вскричал Хлыстов. – Тут та-а-кое!

– Неужели... – начал Овечкин.

– Именно, – перебил Вадим Робертович. – Давай немедленно пересечемся²² да пообщаемся не по телефону!

Разговор происходил в машине Хлыстова. Брызжа слюной и повизгивая от удовольствия, он красочно описал виденную по телевизору сцену.

– Рожа вся кровью забрызгана! В глазу нож торчит... Вокруг суета, охи, ахи, и главное, Лень, менты уже схватили трех охламонов! Кхе-кхе! Хоть одного, да заставят сознаться. Будь уверен! Впрочем, неважно. Мы-то с тобой по-любому вне подозрений!

Леонид Александрович торжествующе осклабился.

– Поехали, отпразднуем это знаменательное событие, – облизнув губы, предложил он. – На хрен сон! Гуляем, Вадик. Гу-у-у-ляем!!!

Празднество происходило в суперфешенебельном ночном клубе «Фанни-хилл»²³.

Не стесняясь в расходах, бизнесмены кутили на полную катушку. Стол ломился от изысканных яств, коллекционные вина лились рекой.

Официанты откровенно лебезили перед щедрыми гостями. Штатные клубовские шлюхи в надежде подцепить богатых клиентов неустанно дефилировали мимо их столика и как бы невзначай демонстрировали то обтянутые капроном упругие ляжки, то едва не вываливающиеся из глубоких декольте груди без лифчиков. Однако Хлыстову с Овечкиным было сейчас не до баб. Не обращая на назойливых красоток ни малейшего внимания, они дружески обнимались, перемигивались и, чокаясь бокалами, хором повторяли один и тот же тост:

– Хорошо то, что хорошо кончается! Гип-гип – ура!!!

²² Встретимся.

²³ Название изменено.

Оставив детей под присмотром домработницы, Людмила Гаврилова отправилась в морг и, заплатив служащим, всю ночь неподвижно просидела возле бездыханного тела мужа. В ее помутившейся от горя голове прочно засела безумная надежда.

Все случившееся не более чем досадное недоразумение! Рома просто сильно устал. Он немного полежит на оцинкованном столе, отдохнет, потом поднимется, улыбнется и скажет: «Пойдем домой, Люда. Детишки, наверное, заждались!»

– Ты как, дорогой? – время от времени заботливо спрашивала она покойника. – Тебе получше? Нет? Ну ладно, полежи еще, полежи! Я подожду!

Эта жуткая беседа, один из участников которой был мертв, а другой находился на пороге сумасшествия, тронула даже зачерствевшее сердце толстокожего, вечно пьяного сторожа Михалыча.

«Рехнулась бедная баба! – сочувственно подумал он. – Ох-хо-хо! Куда мир катится?»

Под утро к Гавриловой вернулась ясность рассудка. Она медленно протерла глаза, словно пробуждаясь от тяжелого сна, пристально поглядела на изуродованное лицо мужа, крепко поцеловала его в холодный лоб и молча вышла. Всю обратную дорогу женщина провела в странном оцепенении, не проронив ни слова, ни слезинки. Сидевший за рулем Вася мелко дрожал. Безмолвие жены убитого шефа давило ему на психику и пугало больше, чем если бы она билась в истерике... У порога Гаврилову встретил рано проснувшийся Андрюша.

– Где папа? – с ходу спросил ребенок, доверчиво глядя на мать чистыми голубыми глазами.

– Уехал в командировку! – безжизненным голосом ответила она.

– Папа привезет мне щеночка?

– Привезет, – сказала Людмила, прошла к себе в комнату, внезапно пошатнулась, рухнула на диван и дико, захлеб зарыдала...

Овечкин с Хлыстовым гудели в «Фанни-хилл» вплоть до закрытия клуба. Истратив уйму денег и упившись до пороссячьего визга, они решили продолжить веселье на квартире Овечкина, благо жена Леонида Александровича уехала на неделю погостить к родителям и посему не могла омрачить дружескую попойку своим брюзгливым присутствием. Кстати, добирались туда компаньоны весьма оригинальным способом. В ста метрах от клуба их автомобиль остановили гаишники: даже без помощи прибора констатировали крайнюю степень опьянения обоих коммерсантов, получили солидную взятку, но тем не менее не рискнули позволить продолжать путь совершенно «косому» водителю. Сто процентов из ста – либо сам угробится, либо задавит кого-нибудь. Итак – задержать нельзя (за все уплачено), отпустить тоже нельзя (чревато последствиями). Неразрешимая проблема? Вовсе нет! По крайней мере для наших хитроумных стражей порядка. Кратко посоветовавшись, они приняли воистину Соломоново решение²⁴. Один уселся за руль хлыстовской иномарки, а двое других на милицейской машине с мигалкой проводили ее до самого дома.

В результате оказались и «волки сыты, и овцы целы». Кто теперь осмелится назвать российских ментов безмозглыми? А? Молчите? Вот то-то же!

Впрочем, я отвлекся.

Очутившись в жилище Овечкина, совладельцы «Анжелики» раздавили бутылку шотландского виски «Белая лошадь», заплетающимися языками пробормотали в последний раз: «Гип-гип – ура!!!», расползлись по углам и мгновенно отключились...

²⁴ Древнееврейский царь Соломон прославился мудростью и умением находить выход из практически любой, даже, казалось бы, неразрешимой ситуации. Отсюда пошло выражение «Соломоново решение».

Господин Хлыстов сидел в прочной железной клетке на грубой, привинченной к полу табуретке, а снаружи, буквально в двух шагах от него, старый друг и компаньон Леня упорно препирался с Ковальским. Спор касался стоимости ликвидации Вадима Робертовича. Овечкин предлагал десять тысяч долларов, «заслуженный правозащитник» требовал пятнадцать.

Со стороны за торгом наблюдал таинственный молчаливый человек в черной маске.

– Не скупись, Леня! – увещевал Овечкина Сергей Игоревич. – Игра стоит свеч!

– Чересчур дорого! – нудно бубнил Леонид Александрович. – Засранец Вадька больше десятки не тянет!

– Да что вы затеваете, сволочи? – опомнившись от первоначального шока, истошно заорал Хлыстов.

– Заткнись, мудака, – пренебрежительно бросил Овечкин.

Ковальский был гораздо вежливее.

– Леонид Александрович тебя «заказывает», – с любезной улыбкой пояснил он. – Однако проявляет непростительную скупость... Ведь правильно, хозяин? – с раболепным поклоном обратился он к человеку в маске.

Тот утвердительно кивнул.

– Ну хорошо, хорошо, пусть будет пятнадцать, – стушевался Овечкин.

– Погодите! – гнусаво взвыл Хлыстов. – Леня, мразь! Чтоб ты сдох, вошь лобковая!

– А сколько заплатишь? – живо заинтересовался Сергей Игоревич.

– Двадцать тысяч баксов!

– Заметано, – послышался тусклый, бесцветный голос «маски».

– И я, и я даю двадцать! – суетливо заголосил Овечкин.

– Заметано, – повторила «маска», и неизвестно, к чьему именно предложению это относилось. Внезапно клетка растворилась в воздухе. Воспользовавшись обретенной свободой, Хлыстов вихрем налетел на компаньона, с ненавистью вцепился скрюченными пальцами на удивление в твердое горло «старого друга», бешено зарычал и... проснулся. Он лежал на диване, судорожно вцепившись в пустую посудину из-под «Белой лошади».

– О-о-ох! – болезненно простонал всклокоченный, опухший Овечкин, заходя в комнату с нераспечатанной бутылкой в руке. – Голова, блин, раскалывается! Будешь похмеляться, Вадик?

– Мне снилось, как ты договаривался о моем убийстве, – не ответив на вопрос, желчно просипел Хлыстов.

– С перепоя всегда кошмары мучают, – равнодушно отозвался Леонид Александрович, бережно разливая по бокалам французское шампанское «Мадам Клико», приобретенное накануне в «Фанни-хилл» и предусмотрительно оставленное на лечение. – Не обращай внимания, дружище! Обычное явление! Меня, например, сегодня во сне черти поджаривали на ба-альшущей сковородке! До сих пор чудится, будто задница обожжена, хотя на самом деле просто отлежал. Успокойся, Вадим! И то и другое – чушь собачья, пьяные галлюцинации. Чертей в природе не существует, а заказать тебя-я-я! Мама родная! Мы с тобой близкие друзья, да и делить нам нечего!

– Верно! – успокоенно улыбнулся Вадим Робертович, поднимая бокал. – Делить нечего!

Глава 6

*Кто мечом убивает, тому самому надлежит быть убиту мечом.
Откровение Святого Иоанна Богослова, 13,10*

Конец марта 1999 года, Москва

После вышеописанных событий прошел год. В России и в мире многое изменилось к худшему. «Демократы-реформаторы» обобрали нашу страну до нитки, попрятали награбленное на зарубежных счетах и теперь злобно облаивали правительство Е.М. Примакова якобы за прокоммунистические настроения, а в действительности за то, что Примаков, будучи умным, талантливым и, главное, честным государственным деятелем (пожалуй, лучшим отечественным премьером со времен Столыпина), не дал окончательно разрушить Россию, чего ужасно хотелось генеральному спонсору «реформаторов» – дяде Сэму²⁵. США вкупе с дрессированными европейскими собачонками, гордо именуемыми НАТО, сбросили «цивилизованную» маску и, обнажив свое подлинное звериное мурло, принялись сперва шантажировать, а затем утюжить бомбами суверенную Югославию, отстаивая интересы кучки промышленявших наркоторговлей албанских сепаратистов в Косове. Сербь мужественно защищались, успешно сбивая новейшие натовские самолеты устаревшими ракетами советского производства шестидесятых – семидесятых годов, и не собирались падать на колени перед распоясавшимися агрессорами. Подавляющее большинство русских²⁶ людей открыто выражали свое негодование, а также готовность вступить с оружием в руках за православных братьев-сербов. Натовские стратеги пребывали в растерянности, тщетно пытаясь скрыть от общественности военные потери альянса. Между тем сытые, благополучные европейцы медленно, со скрипом, но все-таки начали осознавать – благодаря холуйствующим перед США правителям стран НАТО они уподобились горемыкам, купившим в начале XX века билеты на считавшийся непотопляемым и тем не менее потерпевший страшную катастрофу американский корабль «Титаник»...

Хлыстова с Овечкиным не волновали ни проблемы Югославии, ни проблемы России. Им было глубоко плевать и на гибнущих под бомбами сербских детей и на собственных голодных, обворованных «демократами» соотечественников. «Анжелика» сравнительно благополучно пережила августовский кризис, совладельцы фирмы по-прежнему не испытывали недостатка в денежных средствах, однако между самими друзьями-компаньонами наметились определенные разногласия, постепенно переросшие в жесткую конфронтацию. Трения начались во время дележки прибыли. В марте 1999 года «Анжелика» провернула крупнейшую аферу по перепродаже сырья, одновременно ловко уклонившись от выплаты каких бы то ни было налогов. Идея операции принадлежала Овечкину, а в непосредственном ее осуществлении первостепенную роль сыграло личное (недавно обретенное) знакомство Хлыстова с неким широко известным в стране господином, хоть и ушедшим ныне в политическую тень, но по-прежнему имеющим мощное влияние как на коммерческие финансовые структуры, так и на администрацию президента. По завершении аферы каждый из партнеров немедленно заявил – именно ему по праву причитается большая часть «навара».

²⁵ Насмешливое наименование Соединенных Штатов Америки.

²⁶ По поводу понятия «русские» я придерживаюсь той точки зрения, которая господствовала в Российской Империи вплоть до 1917 года: нет таких народов, как украинцы и белорусы. Есть малороссы, белоруссы, великороссы – и все они русские! Кроме того, к русским относятся все те люди (вне зависимости от этнической принадлежности), которые исповедуют православие и считают Россию своей Родиной. Между прочим, я как историк могу добавить – в личных документах граждан Российской империи (паспортах, послужных списках солдат, офицеров, чиновников и т. д.) не существовало пресловутой «пятой графы» – национальность. Была только графа «вероисповедание».

– Без меня ты б ни в жизнь до этого не додумался! – горячо доказывал Леонид Александрович.

– А ты б без меня ни черта не смог достичь! – пылко возражал Вадим Робертович.

Проще всего было б поделиться поровну, но недаром говорят: «Денег вволю, а еще б поболе»²⁷. Овечкин упорно твердил свое, Хлыстов – свое. Короче – нашла коса на камень. Больше недели бизнесмены сварливо препирались и во вторник 30 марта 1999 года, встретившись в офисе фирмы для очередного раунда переговоров, окончательно разругались. Стояло безоблачное весеннее утро. В ярко-голубом небе сияло солнце. На ветвях деревьев, радуясь теплу и хорошей погоде, звонко щебетали птицы, а в «начальственном» кабинете «Анжелики» (том самом, где год назад зародилась мысль о необходимости «заказать» Гаврилова) зловонным фонтаном била черная злоба.

– Зарываешься, Вадим! Чересчур много на себя берешь! – надрывался сизый от бешенства Овечкин. – О-су-ще-ствление! Мозг фирмы – я! Ты же всего-навсего инструмент!

– На полтона ниже, Леня! – угрожающе потребовал Хлыстов.

– По-о-жалуйста! – скорчил ехидную гримасу Леонид Александрович и продолжил ядовитым полусшепотом: – Представь себе, Вадик, плотника. Выполняя заказ, он забивает молотком гвозди. Допустим... хе-хе... в гроб! Завершив работу, плотник получает оплату, и тут внезапно молоток оживает да начинает визжать: «Отдай мне львиную долю! Я здесь главный!» Ну, теперь понял свое место?

– Выходит, я «визжащий молоток»? – зловеще сощурившись, поинтересовался Вадим Робертович.

– Фу-у, наконец-то сообразил, – с деланным облегчением вздохнул Леонид Александрович. – Дошло-таки до дебила!

– И еще дебил! – В глазах Хлыстова загорелись недобрые огоньки.

– Ага! – ухмыльнулся Овечкин. – Он самый!

– А ты... А ты... – задохнулся от ярости Вадим Робертович.

– Язычок проглотил, придурок! – подначил Леонид Александрович.

– Ты не мозг фирмы, а присосавшаяся пиявка! Паразит! Чмо! Пидор! Козел! – взорвался Хлыстов, порывисто поднялся из-за стола и вышел вон из кабинета, с треском хлопнув дверью.

– Воняй, мудила, воняй! – выскочив следом, крикнул вдогонку Овечкин. – Все равно будет по-моему!..

Велев персональному шоферу Саше ехать «куда глаза глядят», Вадим Робертович угрюмо нахохлился на заднем сиденье новенького «шестисотого» «Мерседеса». Мысли Хлыстова назойливо, как жирные мухи над падалью, вертелись вокруг склоки с компаньоном. Сердце переполняла нечеловеческая ненависть, пульс участился, в висках свинцовыми молоточками стучала кровь. Дышать с каждой минутой становилось все труднее.

«Нужно срочно проветриться! – решил Вадим Робертович. – Иначе кондрашка хватит!»

Между тем «Мерседес», попетляв по улицам, выехал на Ленинградское шоссе и значительно увеличил скорость.

– Стой! – задушенно приказал шоферу Хлыстов.

Саша послушно затормозил. Вадим Робертович неуклюже выбрался наружу и по мистическому стечению обстоятельств очутился в знакомом парке, неподалеку от метро «Речной вокзал», где год назад совладельцы «Анжелики», встретившись с Ковальским, договаривались об убийстве Романа Петровича.

За прошедшее время тут практически ничего не изменилось. Вот только погода сегодня была хорошая.

²⁷ В Библии по данному поводу сказано следующее: «Кто любит серебро, тот не насытится серебром» (Екклезиаст, 5,9).

– Е-мое! – оглядевшись по сторонам, ошалело пробормотал коммерсант. – Совпадение-то какое! Неспроста это! Ох, неспроста!

Вадим Робертович отчетливо вспомнил свои тогдашние переживания: сперва неистовую ненависть к хозяину «Цезаря», затем «оформление заказа на ликвидацию», тревожное трехдневное ожидание и, наконец, безудержное ликование. Вспомнил он и кошмарный сон, виденный после празднества, начавшегося в «Фанни-хилл» и закончившегося на квартире «старого друга» Лени: падла Овечкин торгуется с Ковальским по поводу стоимости его, Хлыстова, умерщвления. Вадима Робертовича затрясло в ознобе. Ноги ослабели, подкосились. Коммерсант обессиленно плюхнулся на первую попавшуюся грязную, мокрую скамейку.

«Сучий выкидыш Ленка вполне способен меня «заказать», – лязгая зубами, подумал он. – С него, с пидорюги, станется! Выродок! Ублюдок бессердечный! Сволочуга!» (О том, что сам он сволочуга ничуть не меньшая, господин Хлыстов, будучи закоренелым эгоистом, естественно, не помышлял.) Вадима Робертовича охватила паника. Бизнесмену явственно представилась страшная картина: кладбище, разрытая могила, груда траурных венков, гроб. Прозносятся прочувствованные речи, а в гробу – он, Хлыстов! Неподвижно вытянувшийся, с восковым лицом... Рядом гад Овечкин, утирая крокодиловы слезы, с трудом сдерживает злорадую ухмылку. Хлыстова прошиб холодный пот.

– Как же быть? – забывшись, вслух воскликнул Вадим Робертович.

– Позвольте спросить! С кем вы, уважаемый, беседуете? – прозвучал над ухом приторно-сладкий голос.

Невольно вздрогнув, Хлыстов поднял глаза и остолбенел. Перед ним, распространяя аромат дорогостоящей парфюмерии, стоял Сергей Игоревич Ковальский собственной персоной – поджарый, в модном пальто, с любезной улыбочкой на губах.

– Если я вам помешал, то извините! – заметив дикий, выпученный взгляд Хлыстова, сказал журналист и повернулся, собираясь уходить.

«Перст судьбы! – внезапно осенило Вадима Робертовича. – Оказывается, неспроста приехал я именно сюда и не просто так появился менеджер киллера. Это знамение!»²⁸ Все сразу сделалось ясным, понятным.

– Пойдите, Сергей Игоревич! – хрипло позвал он Ковальского. – Вы очень кстати! Есть интересное деловое предложение!..

²⁸ Не знамение, а проделки нечистой силы, управляющей обоими мерзавцами, как кукловод марионетками.

Глава 7

«Пейджер» убийцы забрел в парк случайно, решив, подобно Хлыстову, подышать свежим воздухом, правда, в отличие от бизнесмена, журналист не страдал «расстройством чувств», а совсем наоборот!.. Весь прошедший год жизнь Сергея Игоревича складывалась на редкость удачно. Хозяин выполнил много заказов, добросовестно отстегивая «пейджеру» положенный процент.

В качестве журналиста и «заслуженного правозащитника» Ковальский также плодотворно потрудились, настроив целый ряд заказных статей, хаявших патриотическую оппозицию, православную церковь, левое парламентское большинство и правительство Примакова. За них Сергей Игоревич неизменно получал подачки «зеленью». Последний же «шедевр» старого педераста, объявившего премьер-министра не более и не менее как «предателем России», оплатили особенно щедро! Однако сегодняшнее прекрасное настроение журналиста объяснялось причиной более существенной, нежели незыблемое материальное благополучие. «Пронесло!!! Пронесло!!! Пронесло!!!» – начиная с раннего утра, мысленно твердил он. Дело в том, что в конце октября 1998 года Сергей Игоревич полностью разорвал интимные отношения с Рубиновым, в виде компенсации пристроив Толика на постоянную работу в одну задрипанную газетенку с минимальным кругом читателей, главный редактор которой тоже относился к сексуальным меньшинствам. Сделавшись штатным корреспондентом, Рубинов не ограничился удовлетворением похоти нового шефа и продолжал проституировать большей частью по мелочи, за грошовые гонорары. Но недавно ему удалось подцепить богатого клиента – подданного Соединенных Штатов. Правда, предусмотрительный янки, прежде чем заняться с Рубиновым сексом, потребовал предъявить справку, подтверждающую отсутствие в крови Толика ВИЧ-инфекции²⁹. Толик добросовестно сдал анализы, и выяснилось – он болен СПИДом! Узнав об этом от знакомого врача-гомосексуалиста, господин Ковальский в прямом смысле слова наделал в штаны, ринулся сдавать анализы, и вот вчера вечером получил результат – «Реакция на ВИЧ-инфекцию отрицательная», то есть он здоров! Радости Сергея Игоревича не было предела. Он поспешил поделиться счастливым известием со своим новым любовником Майклом Капустинным – американцем российского происхождения, сотрудником пресловутого Корпуса Мира³⁰. Ковальский, естественно, не поведал ревнивому Майклу о подлинной причине столь спешного обследования, а преподнес полученную справку как трогательную заботу о «милом мальчике Майке». Мистер (или мисс?) Капустин остался доволен и оплатил совместный роскошный ужин в фешенебельном ресторане. После него голубая парочка отправилась на квартиру Майкла, где до утра предавалась любовным утехам. Проснувшись ближе к полудню, журналист выехал домой, но на полпути вдруг захотел продышаться, размять ноги, затормозил у известного читателю парка, прогулялся по аллеям и случайно наткнулся на Хлыстова, внешним видом напоминавшего раздавленную жабу. «В дерьмо вляпался», – подумал Ковальский.

²⁹ Что бы там ни говорили различные «правозащитники», но СПИД поражает лишь педерастов и наркоманов, а также тех лиц, кто так или иначе с ними связаны. Заболевшие же СПИДом несчастные дети страдают за грехи родителей. По большому счету, СПИД – одно из последних предупреждений Господа Бога: «Люди, одумайтесь!»

³⁰ Корпус Мира (К. М.) США – правительственная организация, подчиняющаяся непосредственно президенту США. К. М., приглашенный в Россию Егором Гайдаром в 1992 году, занимается организацией так называемых «бизнес-центров», призванных ориентировать российских предпринимателей исключительно на американский рынок, использовать американские методы работы, материалы, оборудование, технологии, а также пытается создать в умах российских граждан светлый образ американского «рубахи-парня», бескорыстно помогающего русскому нищобродью. Фактически К. М. усиленно продвигает Россию по пути превращения в колонию США. Другая основная цель К.М. – сбор информации не только о состоянии отдельных российских предприятий, но и целых регионов. Согласно опубликованным данным, среди руководителей и сотрудников К. М. немало гомосексуалистов. Это и понятно – К. М. правительственная организация, а администрация Клинтона сумела прийти к власти в значительной степени потому, что в ходе предвыборной кампании сделала ставку на педерастов и лесбиянок, коих в США великое множество (подробнее см. журнал «Русский дом», 1999, № 3, с. 34 – 35).

Услышав же словосочетание «деловое предложение», он мигом наострил уши, почуяв – заказ наклеивается, и не ошибся. В ответ на улыбчивый вопрос Ковальского: «Какое предложение, уважаемый?!» – Вадим Робертович разом выдохнул: «Двадцать тысяч долларов!..»

По рекомендации Сергея Игоревича беседа происходила на ходу, вполголоса. Журналист с коммерсантом, взявшись под ручку, медленно двигались по пустынной, безлюдной аллее.

– Цена будет определена позже и не вами, – сразу же заявил Ковальский. – Ее... э-э-э... объем зависит...

– От сложности исполнения, – поспешил продолжить Хлыстов.

– Совершенно верно, – важно наклонил голову Ковальский.

– А я могу помочь, подсказать! – засуетился Вадим Робертович. – Я ж знаю этого гада как облупленного.

– Простите, но мне до сих пор непонятно, о ком вы изволите говорить? – «Заслуженный правозащитник» остановился, вынул из серебряного портсигара длинную тонкую сигарету, прикурил и со вкусом затянулся.

– Леньку-козла!!! – по-змеиному прошипел Хлыстов.

– Вы имеете в виду Леонида Александровича Овечкина? – без тени удивления уточнил Сергей Игоревич. (Проработав долгий срок «пейджером» убийцы, он ко всякому привык: брат заказывает брата, сын – отца, а уж друзья друзей – сплошь и рядом! Развитие рыночной демократии! Закон джунглей!)

– Его, сучару, его! – с готовностью подтвердил господин Хлыстов.

– Гм, понятно! – сложив губы трубочкой, Ковальский выпустил изо рта тонкую струйку дыма. – Кстати, вы, если не ошибаюсь, намеревались помочь?

– Да, да, конечно! – заторопился Вадим Робертович и взахлеб выложил уйму сведений о «старом друге», не забыв упомянуть об абсолютном отсутствии охраны. Закончив, он выжидательно воззрился на бывшего диссидента. – Принимаете заказ, а?

– Я позвоню, – павлиньим голосом ответил Ковальский и удалился, пританцовывая...

Последнее время Попков чувствовал себя крайне неудобно. Убийцу терзали тягостные предчувствия. Недавно он выполнил сложный, дорогостоящий заказ по устранению широко известной в определенных кругах фигуры. В соответствии с требованием клиентов Виталий Николаевич устроил хорошо охраняемой жертве «несчастный случай», в полном объеме продемонстрировав свои незаурядные профессиональные навыки и заняв почетное место на киллерском Олимпе³¹.

Данное обстоятельство несомненно льстило самолюбию убийцы, однако некоторая информация внушала серьезные опасения. Эти господа (как сообщал надежный источник), организовавшие уже не одно убийство, всегда тщательно прятали концы в воду. Малейшее подозрение об их причастности к подобному преступлению вызвало бы в обществе (особенно в левом большинстве Государственной думы) грандиозный скандал, чреватый политическим катаклизмом, и посему убийца боялся, что теперь заказчики избавятся от него самого. Утешало одно обстоятельство – найти Виталия Николаевича можно было лишь через Ковальского, а уничтожить «пейджер» не составляло труда. Поначалу Попков хотел сразу устранить «заслуженного правозащитника». Но потом засомневался. Ведь как ни крути, очкастый пидор приносил колоссальный доход. Он вращался именно в той среде, откуда традиционно поступала большая часть «заказов на ликвидацию», и, расправившись с журналистом, киллер фактически лишался работы. Голодная смерть Виталию Николаевичу, понятно, не грозила. Бывший

³¹ Самые высококвалифицированные заказные убийства выглядят как несчастный случай или самоубийство. «Профи» такого класса наперечет, и услуги их ценятся очень высоко.

майор скопил более восьмисот тысяч долларов наличными. Однако Попкову хотелось иметь непременно миллион, а лучше два или три (он с детства питал неистребимую слабость к шести-значным цифрам). С другой стороны, ничего подозрительного вроде не наблюдалось. Заказчики, казалось, начисто забыли о посреднике: не звонили, не встречались (Виталий Николаевич тайно установил «жучки» и в квартире, и в машине Ковальского. Неустанно прослушивал домашний, рабочий и сотовый телефоны).

«Уберу при первом же подозрении! – после долгих колебаний решил убийца. – А пока пусть потрудится».

Тем не менее тревога не покидала Попкова...

Кроме того, обстановка в семье киллера за минувший год резко ухудшилась. Любивший вешать кошек сыночек Вова, достигнув четырнадцатилетнего возраста, пристрастился к наркотикам. Начав с травки³², он быстро перешел на героин. Принялся воровать из дома вещи, деньги и однажды, застигнутый Зинаидой Михайловной в момент обшаривания ее сумочки, на полном серьезе пригрозил матери убийством. Встревоженные родители поместили любимое чадо в дорогостоящую частную наркологическую клинику. Врачи гарантировали полный успех. И действительно, по завершении курса лечения Вовочка больше не попадался с полици-ным, с отцом и матерью обращался подчеркнуто вежливо.

«Завязал парнишка! Недаром деньги потрачены!» – насильно убедил себя Виталий Николаевич. На самом же деле Попков-младший, выписавшись из клиники, незамедлительно взялся за прежнее. Только теперь он стал гораздо хитрее и осторожнее. По причинам вышеизложенным, нервишки экс-майора КГБ начали потихоньку пошаливать, и потому, встретившись с Ковальским, он не сумел сохранить ни обычную непроницаемую маску на лице, ни бесстрастную манеру ведения разговора.

– Долго канителишься, педик сраный! – обрушился киллер на «заслуженного правозащитника». – Запомни раз и навсегда, паскудыш, – ты должен извещать меня о заказе сразу, а не валандаться целые сутки!

Ковальский связался с хозяином утром тридцать первого марта – отсыпался после бурно проведенной с Майклом ночи.

– Простите, простите! – трусливо лепетал Сергей Игоревич. – Первый и последний раз! Честное, благородное слово!

Попков брезгливо махнул рукой. Бывший диссидент воспринял этот жест как знак прощения.

– Хлыстов предложил двадцать тысяч долларов. И в придачу выдал на-гора массу ценной информации о мишени, – склонившись к уху убийцы, доверительно сообщил журналист. Однако Виталий Николаевич, оказывается, еще отнюдь не успокоился.

– Ты, бесполое, отлезь! От тебя шлюхой воняет! – злобно рявкнул он, жесткой ладонью больно ткнув Ковальского в напудренную щеку, и лишь спустя полминуты, более-менее остыв, нехотя сказал: – Ладно, педрила, выкладывай!

Не поморщившись, проглотив и удар, и оскорбление, Сергей Игоревич начал подробный рассказ.

– Заказ принят, – внимательно выслушав Ковальского, отрывисто бросил Попков.

– А цена, Виталий Николаевич? Вы забыли назвать цену? – робко напомнил «живой пейджер».

– Двадцать! – ухмыльнулся киллер. – Встретишься с ним сегодня! Катись, пидор!

– Десятки бы за глаза хватило. Работа плевая. Но если торгаш желает отдать в два раза больше – пусть платит, – оставшись в одиночестве, пробормотал Попков. – Дело, хе-хе, хозяйское!!!

³² Анаша, марихуана, гашиш и т. п.

Согласно повелению убийцы, Ковальский увиделся с Хлыстовым в тот же день, спустя два часа, предварительно уведомив коммерсанта по телефону:

– Сделка состоялась. Захватите названную вами сумму.

Деловое свидание произошло в злополучном парке у «Речного вокзала», обретшем для персонажей нашей повести уже какое-то роковое, мистическое значение. Вадим Робертович сиял начищенным медным пятаком. Сергей Игоревич, совсем недавно жалкий, униженный, хамелеонским образом сменив обличье, источал барственную спесь и самодовольную уверенность в себе.

– Вот возьмите! – суетливо протянул бизнесмен журналисту толстую пачку долларов. – Ровно двадцать тысяч, но если хотите – пересчитайте!

– Точность в ваших собственных интересах! – многозначительно заметил «заслуженный правозащитник», с показной небрежностью сунув деньги в барсетку. – Вы же понимаете, что...

Неожиданно в кармане Ковальского запищал сотовый телефон.

– Ал-л-ле! – нараспев произнес Сергей Игоревич, поднеся трубку к лицу, и не сумел скрыть изумленной гримасы: он услышал срывающийся от волнения голос господина Овечкина, настаивающего на немедленной встрече...

Глава 8

К мысли о необходимости физически устранить компаньона Леонид Александрович пришел одновременно с Хлыстовым, а связался с Ковальским на сутки позже, исключительно по причине врожденной скупости. Поначалу он подумывал во избежание расходов проверить дельце самостоятельно. Например, подсыпать «другу Вадику» крысиный яд в кофе, но, детально обмозговав все «за» и «против», коммерсант был вынужден с унынием признать – ничего путного у него не получится! Во-первых, Вадим Робертович больше не желал общаться с Овечкиным даже по телефону. Во-вторых, Леонид Александрович не без основания опасался уголовной ответственности. Не нужно быть обязательно Шерлоком Холмсом, чтобы докопаться, по чьей вине Хлыстов сразу после кофепития с Овечкиным вдруг отравился и умер в страшных судорогах. На более же оригинальный способ убийства у бизнесмена не хватало ни умения, ни фантазии. В конечном счете, он скрепя сердце все-таки решил прибегнуть к дорогостоящим услугам «профи», для чего и позвонил Ковальскому...

Расставшись с Хлыстовым (деликатно удалившись, как только Сергей Игоревич взял трубку), Ковальский назначил аудиенцию Овечкину тут же, в парке. Дожидаясь Леонида Александровича, прохаживался по дорожкам и периодически заливался тихим смехом. Его веселила пикантность сложившейся ситуации. Совладельцы фирмы заказывают друг друга одному и тому же киллеру, через одного и того же посредника да в придачу на одном и том же месте. Прямо водевиль в стиле черного юмора!!! Интересно, как отреагирует хозяин!

В том, что он не откажется и от этого «заказа», бывший диссидент не сомневался. Наемному убийце без разницы, кого ликвидировать. Журналиста занимало другое – кто умрет первым? Хлыстов или Овечкин? В порядке очередности размещения заказа? В зависимости от настроения Попкова? А может, «исполнитель» подбросит монетку: «орел» – Овечкин, «решка» – Хлыстов? Хи-хи-хи!

Игривые размышления Ковальского прервало появление Леонида Александровича, взмыленного, растрепанного, с ошалелыми, шныряющими по сторонам глазами.

– С чем пожаловали, любезный? – постаравшись придать лицу невозмутимое выражение, осведомился «заслуженный правозащитник».

– Вадьку... суку... замочить на хрен, – выпалил запыхавшийся Овечкин.

– Уточните, пожалуйста! – вежливо попросил Сергей Игоревич.

– Х-Х-Хлыстова, мать его! – На губах Леонида Александровича запузырилась сероватая, как у бешеной собаки, пена. – С-с-сколько с-с меня?

– Ждите звонка! – величественно изрек «живой пейджер».

Памятуя о взбучке, полученной утром от хозяина, журналист помчался к Попкову немедленно и, благоразумно воздерживаясь от комментариев, почтительным тоном передал ему предложение Овечкина. Заслушав доклад «заслуженного правозащитника», убийца задумался. На обычно блеклой, невыразительной физиономии Виталия Николаевича в настоящий момент читалось ироническое оживление. Невзирая на обширную практику в области заказных убийств, с подобным анекдотичным казусом он сталкивался впервые. Впрочем, будучи человеком серьезным, деловым, Виталий Николаевич не стал размениваться на пустопорожнее хихиканье, а направил мысли в сугубо практическом направлении. Надо выполнить оба заказа. Однозначно. Весь вопрос – в какой последовательности? Наиболее логичным представлялся следующий вариант: получить деньги с Овечкина, ликвидировать его (Хлыстов разместил заказ первым и вдобавок предоставил подробнейшую информацию о «мишени»), а потом устранить самого Хлыстова.

Следует отметить, убийца придавал большое значение понятию «профессиональная этика». Если гонорар уплачен – работа будет выполнена. Несмотря ни на что! Он не считал возможным «продинамить» клиента, пусть даже мертвого. В глубине души Виталий Николаевич немало гордился своей специфической честностью, в определенной степени заменявшей ему «вредную привычку» – совесть. Попков уже раскрыл рот, собираясь дать посреднику соответствующие наставления, как вдруг киллера посетила блестящая идея. «Можно во много раз упростить процедуру исполнения обоих заказов! Одним ударом двух зайцев!»

Хлыстов, помнится, высказывал готовность всячески помочь? Вот пусть и поможет! Уговорит Овечкина встретиться с ним у кафе «Зарница» на улице Березовой³³, в субботу, третьего апреля... Допустим, в час дня! Напротив кафе расположен выселенный дом, из окон которого очень удобно поражать мишени на пяточке у входа в «Зарницу». Да и пути отступления лучше не придумаешь. На первом этаже с противоположной стороны здания широкий пролом. Через него попадаешь прямо на заброшенную стройплощадку, обнесенную дырявым забором. (Похоже, дом собирались реставрировать, но почему-то застопорились.) Дальше за стройплощадкой многолюдная, оживленная улица. Выстрелил, положил винтовку и спокойно удалился. Попков обнаружил это место три дня назад по чистой случайности. Проезжая по городу, он почувствовал жажду, затормозил у первого попавшегося кафе, намереваясь выпить стакан сока или минеральной воды, вышел из машины и... замер, завороченно уставившись на нежилой дом. Наметанный глаз профессионала моментально вычислил траектории стрельбы, сходящиеся у дверей заведения. «Как было бы хорошо хлопнуть кого-нибудь именно здесь, – мечтательно подумал Попков. – Например, вон из того окна на третьем этаже. Схожу-ка осмотрюсь!»

Позабыв о жажде, он тщательно обследовал внутренности ветхого, запущенного строения и преисполнился искреннего восхищения. Прямо слов не хватает!!! Класс!!! Виталий Николаевич не жалел о времени, потраченном на изучение позиций, подспудно надеясь: «Когда-нибудь домик пригодится!» И ведь действительно – пригодился!

Итак, план проведения операции – ясен! Осталось определить стоимость Хлыстова.

«Пусть будет тоже двадцать тысяч, – без колебаний решил экс-майор. – Чтоб, значит, по справедливости. Чем, собственно, Хлыстов хуже Овечкина?!»

На губах появилась едва заметная улыбка.

– Эй, педик! Слушай меня предельно внимательно! – вслух обратился он к журналисту.

Спустя всего три часа после свидания в парке Овечкину позвонил Ковальский и предложил незамедлительно встретиться. На момент звонка Леонид Александрович находился у себя дома, лежа пластом на диване. (В результате нервных потрясений резко подскочило давление.) Узнав о скверном самочувствии коммерсанта, бывший диссидент выразил готовность приехать к нему самостоятельно. Столь быстрая реакция «профи» на его заказ и, главное, услужливая предупредительность чванливого журналиста несказанно изумили господина Овечкина. «Наверняка киллеру срочно понадобились деньги, – основательно поразмыслив, пришел к заключению он. – Авось по такому случаю удастся сбить цену?!»

Однако сквалыжные надежды Леонида Александровича не оправдались. Ковальский был непреклонен.

– Либо выкладывай двадцать тысяч, причем немедленно, либо разбегаемся! – безапелляционно заявил Сергей Игоревич.

Пришлось согласиться. Распрощавшись с журналистом, бизнесмен долго охал, кряхтел, тяжело переживая расставание с дорогими сердцу «гриннами»³⁴, но в конце концов смирился с их потерей. Никуда не денешься. Бесплатных пирожных не бывает, а игра, безусловно, стоит

³³ Названия изменены.

³⁴ Долларами.

свеч! Тем более «заслуженный правозащитник» передал клиенту твердое обещание убийцы – «Хлыстов умрет до начала следующей недели. Гарантия – сто процентов!» Овечкин знал – «профи» слов на ветер не бросают. Выходит, каюк мерзавцу Вадьке! Отбегался, хе-хе!

Подобные мысли успокаивали, поднимали настроение, даже самочувствие улучшилось.

– Бац, хресь – мяу, и усе! – вплоть до позднего вечера время от времени злорадно шептал Леонид Александрович.

Заснул коммерсант далеко за полночь, с дьявольской улыбкой на синеватых губах...

Покинув жилище Овечкина, Ковальский, не мешкая, направился к Хлыстову, предварительно связавшись с ним по сотовому телефону и коротко уведомив: «Сделка по-прежнему в силе, но обстоятельства изменились. Необходимо переговорить с глазу на глаз». Беседа происходила в машине Ковальского, возле дома Вадима Робертовича. По обоюдному согласию в квартиру подниматься не стали. Там жена Хлыстова – Тамара – шумно праздновала день рождения в обществе десятка ближайших подруг. Вести важные, секретные переговоры в непосредственной близости от стаи любопытных, болтливых баб – невозможно! Более того, чревато непредсказуемыми последствиями. Вдруг подслушают под дверь?! С них станется!!! Поэтому лучше не рисковать.

– Овечкина уберут в субботу, – вместо приветствия сказал Сергей Игоревич второму совладельцу «Анжелики». – Кстати, – тут журналист по-вурдалачьи пощипал зубом и прикоснулся кончиком наманикюренного указательного пальца к бурно вздымающейся груди Вадима Робертовича. – Вы, уважаемый, клятвенно обещали помочь, посодействовать...

– Но я же все о нем рассказал! – вытирая несвежим носовым платком потную лысину, растерянно пробормотал Хлыстов.

– Этого недостаточно! – отрезал бывший диссидент. – Обстоятельства, повторяю, изменились. В общем, исполнитель хочет от вас следующего: в субботу, в час дня, вы под любым предлогом встретитесь с Овечкиным у входа в кафе «Зарница». Запомните адрес – улица Березовая, дом одиннадцать... Он умрет прямо у вас на глазах!!!

– Меня же заподозрят в соучастии!!! – всполошился бизнесмен. – Мы так не договаривались!

– Не беспокойтесь, – тонко улыбнулся «заслуженный правозащитник». – Исполнитель просил передать вам дословно: «Лично гарантирую абсолютную лояльность к вашей персоне со стороны правоохранительных органов».

– Разве он способен гарантировать такие вещи? – усомнился Хлыстов.

– Способен! – заверил Ковальский. – На двести процентов! Вы не представляете, какие у него возможности!

– Ну ладно, – смирился Вадим Робертович. – Я согласен...

С трудом увернувшись от подвыпивших жениных подруг, наперебой галдящих: «Вадим, подними рюмочку за здоровье именинницы!», Хлыстов заперся у себя в комнате, уселся в кресло и серьезно задумался. В душе коммерсанта боролись злобная радость и страх. С одной стороны, убийца предоставил Хлыстову шанс испытать необычайное блаженство. Какой кайф стоять рядом с заклятым врагом, нежно улыбаться, уверять его в безоговорочной своей капитуляции и одновременно знать – с минуты на минуту подлая тварь сдохнет!!!

– Ты был прав, Леня, – притворяясь униженным, сломленным, говорит Хлыстов, заискивающе заглядывая в глаза компаньону. – Прости засранца! Ты – мозг фирмы, а я – инструмент, «визжащий молоток». Весь навар твой! Забирай!!!

Овечкин, падла, верит, снисходительно цедит сквозь зубы:

– То-то же, мудака. Впредь не залупайся. Знай, кто в доме хозяин.

– Ты, Ленечка, ты! – угодливо подтверждает Вадим Робертович.

Овечкин победоносно ухмыляется и... хлоп! – валится в грязь, сраженный меткой пулей снайпера. А он, Хлыстов, начинает демонстративно рыдать, рвать на груди рубаху и вопить: «Люди добрые, на помощь! Лучшего друга убили!..» К-к-красота!!!

С другой стороны, коммерсант явственно представлял пренеприятнейший диалог с въедливым следователем прокуратуры.

– Вы назначили встречу потерпевшему у кафе «Зарница»? – исподлобья посматривая на скуксившегося Хлыстова, сурово вопрошает следователь.

– Я-я-я! – испуганно блеет Вадим Робертович.

– Согласно показаний сотрудников фирмы, в том числе секретаря Ольги Литвиновой, за несколько дней до совершения преступления между вами и ныне покойным Овечкиным возник острый конфликт на финансовой почве, сопровождаемый нецензурной бранью и угрозами с обеих сторон, после которого вы, по имеющимся достоверным сведениям, наотрез отказывались видеться с компаньоном? Так?

– Д-д-да! – мямлит деморализованный Хлыстов. – Н-но я... я хотел помириться. Для чего и предложил встретиться.

– Почему у «Зарницы», а не, допустим, в офисе фирмы? – будто бы невзначай интересуется следователь.

– Х-хотел-лось н-на с-свеж-жем в-воздухе! Н-на п-п-природе, – заикаясь, выдавливают Вадим Робертович.

– И именно там, «на природе», Овечкина убивают. Довольно странное совпадение, не правда ли?

Рентгеновский взгляд следователя пронизывает бизнесмена насквозь. Хлыстов подавленно молчит, трясась, как мокрая мышь, а чертов следак, подобно хищному котюре, немедленно выпускает когти в коммерсантскую шкуру.

– Вы являетесь главным подозреваемым в организации заказного убийства! – гробовым голосом объявляет он.

Дальше начинается самое неприятное – арест, камера СИЗО, битком набитая грубыми, жестокими уголовниками. Они издеваются над робким Вадимом Робертовичем, избивают, отводят «барыге» место у параша со всеми вытекающими отсюда последствиями... В лучшем случае мера пресечения – подписка о невыезде, регулярные допросы, бессонные ночи, постоянный, разъедающий сердце страх...

– Нет! – до боли зажмурив глаза, простонал Хлыстов и потряс головой, отгоняя ужасные видения. – Нет!!! Киллер дал двухсотпроцентную гарантию! «Профи» всегда отвечают за слова! Раз обещал «абсолютную лояльность правоохранительных органов» – значит, так оно и будет! Скорее всего исполнитель сам оттуда, да в немалых чинах! Ковальский же определенно сказал: «Вы не представляете, какие у него возможности!»

Коммерсант заметно приободрился, повеселел.

«Ничего мне не грозит! – подумал он. – А ради полной уверенности брошу-ка я жребий! Вытяну наугад три карты, и если попадется хоть один туз – уголовное преследование напрочь исключается!»

Вадим Робертович разыскал в секретере новенькую колоду, старательно перетасовал, не глядя выложил на стол три карты «рубашкой» вверх, помедлил минуту, собираясь с духом, наконец решился, дрожащей от волнения рукой открыл их, на миг окаменел и затем расплылся в широчайшей улыбке: на него смотрели пиковый туз (перевернутый вниз), крестовый туз и пиковый король³⁵.

³⁵ По мнению профессиональных гадалок, подобное сочетание карт означает неминуемую насильственную смерть. Правда, следует отметить – за всеми без исключения видами гадания стоят бесы, которые, собственно, и «пророчествуют», причем зачастую неудачно. Дело в том, что демоны не знают будущего (известного одному лишь Господу Богу), а могут только предугадывать его на основе анализа множества факторов, личностных качеств конкретного человека и собственных, уже прове-

– Целых два туза! – не будучи знакомым с тонкостями гадального ремесла, восторженно прошептал господин Хлыстов. – Судьба посылает знак! Плевать на прокуратуру! Ха-ха-ха!
Бизнесмен был прав. Прокуратура ему действительно ничем не угрожала...

денных в жизнь «мероприятий» (кстати, по такому же принципу действуют аналитические отделы разведок всех стран мира). Верить гадалкам и тем более добровольно к ним обращаться ни в коем случае нельзя. Это строго запрещено православной церковью (христианин не должен спрашивать советов у дьявола). Тем не менее в случае с Хлыстовым, находящимся целиком под властью нечистой силы, бесовское «пророчество» весьма знаменательно. С одной стороны, это подтверждение: «Да, тебя действительно не привлекут к уголовной ответственности», с другой – издевательство: «Не привлекут, голубчик, только потому, что ты умрешь вместе с Овечиным». Черный юмор нечисти!

Глава 9

В субботу, 3 апреля, убийца проснулся по обыкновению ровно в семь, проделал традиционные утренние процедуры (включая плотный завтрак) и уселся перед телевизором. В сводках новостей передавали сообщения об очередных натовских бомбардировках Югославии. Высказывались предположения о возможном вторжении военно-сухопутных сил альянса на территорию Косова. Попков пренебрежительно хмыкнул:

– Ну, ну, вторгайтесь, вояки недоделанные! Вам быстренько устроят кровавую баню. Зажравшимся, трусоватым янки (храбро воюющим лишь в художественных фильмах «made in USA»³⁶) да их изнеженным европейским подстилкам с сербами не тягаться!

Не обольщайтесь! Виталий Николаевич отнюдь не сочувствовал братьям-славянам. Более того, в начале косовского конфликта у него даже мелькнула мысль податься к албанским сепаратистам в качестве наемника (там, говорят, щедро платили наркодолларами), но экс-майор, будучи человеком здравомыслящим, сразу отбросил эту авантюристическую затею и теперь неустанно благословлял свою предусмотрительность. За несколько дней сербы наголову разгромили пресловутую «Освободительную армию Косова», жалкие остатки которой в настоящий момент прятались по горам и слезно клячили у НАТО «живую силу» или хотя бы атомную бомбу. Ко всему прочему, на подмогу сербам, по некоторым сведениям, уже прибыл первый отряд русских добровольцев, укомплектованный матерыми казаками, воевавшими в Чечне и других «горячих точках» постсоветского пространства. Перспектива возможной встречи с соотечественниками пугала господина Попкова вплоть до непроизвольного мочеиспускания. Если он попадет к ним в плен – представить страшно!!! Сербы, возможно, еще и сгуманичают, как с теми тремя американскими шпионами-диверсантами, но казаки, опознав Иуду, непременно разорвут его на части в прямом смысле слова. И сербам вмешаться не дадут. Скажут: «Извините, ребята, это наше, сугубо семейное дело»... Хорошо, что не поехал!..

В половине одиннадцатого убийца выключил телевизор и начал деловито собираться на работу...

Тринадцатилетний Костя Иванов имел в жизни две основные мечты. Первую – глобальную, вторую – поскромнее. Глобальная мечта заключалась в том, чтобы, достигнув совершеннолетия и научившись владеть оружием, стать киллером. Нет, Костя вовсе не являлся бессердечным выродком. В отличие от попковского, скажем, чада, он не мучил и не убивал животных, наслаждаясь агонией беззащитного зверька. Однако на мальчика оказали сильнейшее воздействие некоторые фильмы (преимущественно импортные), где наемные убийцы изображались эдакими мужественными, благородными рыцарями, вдобавок высокооплачиваемыми. Парнишка буквально боготворил покойного, но (если верить слухам) все-таки живого Александра Солоника и прочих, ему подобных, красиво сыгранных знаменитыми голливудскими киноактерами, в том числе Сильвестром Сталлоне. Косте страстно хотелось лично пообщаться с таким замечательным человеком, послушать его мудрые советы, получить наставления на будущее или хотя бы просто посмотреть вблизи на одного из героев своих подростковых грез.

Вторая мечта – найти клад, обзавестись бабками, прилично одеться и вдоволь пошиковать перед знакомыми девчонками. Родители Иванова – скромные работяги – едва сводили концы с концами и при всем желании не могли подкинуть сыну денег на карманные расходы. Из телепередач Костя знал – клады часто находят в старых домах. Поэтому в субботу, третьего апреля, Иванов, сбежав с уроков, отправился в пустой выселенный дом на улице Березовой. В

³⁶ В переводе с английского – «сделано в США».

начале первого он зашел в здание, немного побродил внизу, старательно обстукивая палочкой стены, затем по ветхой деревянной лестнице поднялся в квартиру номер двадцать три, в которой вроде бы проживал раньше богатый еврей-ювелир... и замер в восторге, начисто позабыв про клад и про все на свете. Стоя спиной к двери, невысокого роста жилистый мужчина в резиновых перчатках неторопливо собирал снайперскую винтовку. Рядом валялся раскрытый черный «дипломат».

«Киллер! – восхищенно подумал Костя. – Может, сам Солоник! Вот повезло-то! Пряма фантастика!»

Иванов прерывисто задышал. Сбылись сокровенные мечты! Вот он, герой – хладнокровный, загадочный и неотвратимый, как сама смерть. Какое счастье с ним встретиться! А вдруг киллер возьмет его к себе в ученики?!

Костя сладостно затрепетал.

Между тем «загадочный герой» устремил на Иванова тусклый, невыразительный взгляд.

– Дяденька, я вам не помешаю! – поспешил заверить Костя. – И, ей-богу, никому не расскажу о нашей встрече! Правда! Вы разрешите мне посмотреть? Я буду сидеть тихо-тихо!

Не произнеся ни слова, киллер подошел к мальчику и стиснул железные пальцы на тонкой шее...

Попков прибыл на место за час до начала операции, осторожно ступая, поднялся на третий этаж, натянул резиновые перчатки, раскрыл принесенный с собой «дипломат» (предварительно обтерев ручку и поверхность ветошью), вынул оттуда детали снайперской винтовки и аккуратно приступил к сборке. На стенах загаженной нежилой комнаты, где он обосновался, красовались нецензурные надписи, грубо выполненные рисунки порнографического содержания и названия популярных рок-групп. На полу валялись пара использованных шприцев и грязные женские трусы.

Пахло тухлятиной, человеческими испражнениями и блевотиной. Очевидно, минувшей ночью здесь резвились наркоманы и, соответственно, насвинячили. Однако Виталий Николаевич не обращал внимания на подобные мелочи. Главное: позиция удобная! Остальное ерунда! Сейчас он соберет оружие, отрегулирует оптический прицел, дождется появления «мишеней», добросовестно выполнит оба заказа и отправится домой обедать. К двум как раз поспеет (заботясь о здоровье, Виталий Николаевич придерживался строгого распорядка приема пищи) ... Неожиданно сзади послышались чьи-то шаги. Резко обернувшись, Попков увидел худого, нескладного пацаненка (примерно Вовкиного ровесника) с круглыми восторженными глазами и глупой, широкой улыбкой от уха до уха. «Свидетель! – с досадой отметил убийца. – Придется убрать!»

Мальчишка болтал какую-то чепуху. Не слушая его, киллер быстро, умело задушил свидетеля, отнес легкое тельце в соседнее помещение, положил в угол, забросал мусором, вернулся обратно и спокойно возобновил прерванное занятие. О мертвом мальчике он не думал. Виталий Николаевич убил Костю механически, как прихлопнул бы комара. Закончив, Попков заглянул в прицел и довольно улыбнулся. Пятачок у входа в кафе просматривался великолепно. Наручные часы показывали без десяти час. Ждать оставалось недолго...

Когда Леониду Александровичу позвонил Хлыстов и принялся униженно умолять о встрече, первым побуждением господина Овечкина было послать компаньона «на три веселых буквы», однако в последний момент он удержался от ругани. Более того, Овечкин симулировал полную готовность к мирным переговорам и охотно согласился подъехать в назначенное время к назначенному месту.

«Вадьку-сучару по-любому ликвидируют, – рассудил бизнесмен. – «Профи» взял деньги и даже назвал срок – не позднее начала следующей недели. Поэтому имеет смысл заранее отве-

сти от себя возможные подозрения, продемонстрировать нерушимую дружбу с Хлыстовым, отсутствие каких бы то ни было противоречий между совладельцами «Анжелики» и, когда падла скопытится, горько оплакивать «невосполнимую утрату».

Уже по дороге хитрый коммерсант решил пойти еще дальше – пригласить «гадюку» в ресторан, где на глазах многочисленной публики устроить пышное застолье с громогласными изъяснениями в безграничной любви и преданности. Кто ж потом посмеет заподозрить «лучшего друга» покойного в организации заказного убийства?! Наоборот! Успокаивать начнут, сочувствовать. Он же, заливаясь горячими слезами, объявит в фирме двухнедельный, нет – месячный траур!!! Хе-хе-хе!!! Вот с такими коварными мыслями Леонид Александрович и подъехал к кафе «Зарница» без трех минут час...

Завидев выходящего из машины Овечкина, Хлыстов заранее распростер объятия.

– Леня, брат! До чего же я счастлив тебя видеть! – театрально воскликнул он.

– Здравствуй, Вадик, здравствуй, дорогой! – не остался в долгу Леонид Александрович.

Оба компаньона лучезарно улыбались. Лица их сияли.

– Ты прости меня, дубину стоеросовую! – начал Вадим Робертович старательно отрепетированный монолог. – Я был в корне не прав!!! Ты, Леня, мозг фирмы. Я же всего-навсего инструмент.

– Не скромничай, Вадим! На самом деле ты просто незаменим! – ласково заворковал Леонид Александрович. – Без тебя «Анжелика» обанкротится. Давай сходим в... – Продолжить речь Овечкину не удалось. Разнесенная разрывной пулей голова бизнесмена буквально исчезла. На мгновение на ее месте возник отвратительный веер из ошметков мозга, брызг крови и осколков черепа.

Вадима Робертовича затопила сатанинская радость. «Не подкачал «профи». Завалили пидорюгу! Вышиб ублюдку мозги!!! Ай да умница! Ай да молодец! Двадцать тысяч отданы недаром! За такое незабываемое зрелище стоит заплатить!!!»

Хлыстов приготовился разыграть запланированный спектакль, рванул на груди одежду, но завопить по сценарию: «Люди добрые! На помощь! Лучшего друга убили!» – не успел. Следующая пуля угодила ему в лоб...

Поразив «мишени», Виталий Николаевич бросил на пол винтовку, снял перчатки, сунул их в карман, спустился на первый этаж, вышел из дома, миновал заброшенную стройплощадку, сквозь дыру в заборе просочился на соседнюю улицу и растворился в толпе. Убийца был доволен собой. Он честно выполнил работу, не отступив ни на шаг ни от «профессиональной этики», ни от данных клиентам обещаний. На мгновение появилась и тут же пропала равнодушная мысль о задушенном мальчишке. Черт с ним, со щенком! Попков посмотрел на часы. Восемнадцать минут второго.

«Надо поторапливаться, иначе к обеду опоздаю!» – подумал он, убыстряя шаг.

Глава 10

– Задание понятно? – закончив подробный инструктаж, строго спросил человек с известным на всю страну лицом, часто появлявшимся (особенно в докризисные времена) на экранах телевизоров.

– Да! – хором ответили Рафик Ильшатов и Эдик Лебедевский, тридцатилетние мускулистые мужчины – личные телохранители вышеуказанного господина.

– Повтори... ты! – Холеный палец указал на Лебедевского, слушавшего речь шефа с меньшим вниманием, чем Ильшатов.

– Пидор сейчас у любовника. Войти в квартиру, допросить пидора, узнать имя и координаты киллера, убравшего «...»³⁷. Всех уничтожить в течение суток. По исполнении задания позвонить вам, произнести условную фразу: «Задерживаемся по техническим обстоятельствам. Машина барахлит», – бодро отчеканил Эдик.

– Правильно, – слегка поморщившись, подтвердил «известный человек». – Идите!

– Зачем ты произнес слово («пидор», причем дважды? – набросился на товарища Ильшатова, едва они покинули кабинет босса. – Совсем рехнулся?

– А чо? – тупо вытаращился Эдик.

– Чо-чо! Через плечо! – зло передразнил Ильшатов. – Ведь шеф сам голубой. Хотя и скрывает! Разве не знаешь, дурень?!

– Не-а! Впервые слышу! – сконфуженно пробормотал Лебедевский.

– Впредь знай, тупица, да придержи язык! Ладно, хрен с тобой! За работу!

Выехав за пределы резиденции («известного человека», машина с особыми, отпугивающими гаишников номерами помчалась по направлению к Москве. Небо постепенно светлело. Близился рассвет...

Ковальский третий день безвылазно гостил у Майкла. На всякий случай, во избежание нагоняя, он поставил Попкова в известность о своем местонахождении (название улицы, номера дома и квартиры) и ни на минуту не отключал сотового телефона. Однако ни заказчики, ни хозяин-убийца не тревожили («заслуженного правозащитника». Сергей Игоревич наслаждался отдыхом – то занимаясь любовью с Капустиним, то вместе с ним смотря телевизор. Американский подданный высказывал серьезное недовольство всеми теми, кто выступал в поддержку сербов, зато крайне одобрительно отзывался о господине Сванидзе и ему подобных.

– Российские средства массовой информации должны защищать интересы Соединенных Штатов, – капризно-раздраженным тоном говорил Майкл. – Вот Коленка наш человек, и Женечка ничего, но некоторые... Фи!!! Противные!!! Знаешь, Серж, напиши-ка пару статей о зверствах сербов и благородстве летчиков НАТО, наносящих хирургически точные удары по военным объектам. Внуши читателям – война ведется исключительно против диктатора Милошевича, ради предотвращения гуманитарной катастрофы, а я тебе баксов подброшу!

– Напишу, милый, обязательно напишу! – умильно улыбался журналист, поглаживая ножку сотрудника Корпуса Мира.

Майкл благосклонно кивал...

«Голубая идиллия» закончилась шестого апреля 1999 года в шесть часов утра. Ковальский проснулся от удушья. С хрипом открыв глаза, он увидел нависшее над ним бесстрастное татарское лицо. Сильные руки сдавливали горло.

– Ты – Ковальский, – скорее утвердительно, чем вопросительно произнес незнакомец.

– Д-д-да! – просипел бывший диссидент.

³⁷ Лебедевский назвал полное имя и фамилию ликвидированного, но мы его обозначим просто «...».

– Отлично! Эдик, вали³⁸ второго.

Послышался испуганный писк Майкла, тут же сменившийся бульканьем.

Краем глаза Сергей Игоревич заметил, как другой незванный гость – смуглый, горбоносый, бородатый – молниеносным движением опасной бритвы перерезал глотку гражданину США и, стараясь не запачкаться в крови, отпрянул в сторону.

– Клеенку подложи, – приказал напарнику татарин. – Кровища вниз протечет. Соседи всполошатся раньше времени.

– Дом новый, с бетонными перекрытиями. Не протечет! – возразил бородатый.

– Я сказал, подложи, мудака! – свирепым шепотом рявкнул Ильшатов.

– Ладно, ладно, не ори, – спасовал Эдик. – Уже кладу!

– Имя, фамилия, адрес человека, прикончившего («...». В темпе, дерьмо! Если жить хочешь! – потребовал у обмочившегося со страха журналиста Рафик, ослабляя захват.

«Заслуженный правозащитник» без запинки сдал Попкова и жалобно попросил:

– Не убивайте! Я вас не выдам! Клянусь!!

На каменной физиономии Ильшатова появилась смутная тень улыбки. Он выдернул из-под головы Ковальского подушку, плотно прижал ее к лицу педераста (одновременно надавив коленом на грудь) и держал до тех пор, пока тело не перестало дергаться...

В эту ночь Виталий Николаевич, вопреки обыкновению, спал плохо. Впервые за долгие годы убийце приснился сон. Причем кошмарный. Привиделось Попкову, будто бы он, волшебным образом превратившись в барана, мирно пасется на лугу. Неожиданно к стаду подходят двое незнакомых мужчин. Один из них с табличкой на груди («Инструктор СРС»³⁹) ведет на собачьем поводке Ковальского. («Заслуженный правозащитник» семенит на четвереньках весьма непринужденно, словно передвигался таким манером всю жизнь.

– Ищи! – выпустив поводок, командует журналисту («инструктор»). Ковальский бросается в гущу стада, останавливается перед жующим травку Виталием Николаевичем и заливисто лает.

– Ага, понятно! – говорит собаковод, вместе с приятелем хватая за ноги беспомощно брыкающегося Попкова и волочет к зловещему красно-бурому зданию с крупной надписью на стене («Бойня»). Убийца проснулся в холодном поту. Часы показывали начало седьмого.

«Сон-то вещей, – с грехом пополам уняв нервную дрожь в конечностях, подумал экс-майор. – Нужно немедленно избавиться от («пейджера»). Иначе кранты!!!»

Вскочив с кровати, он поспешно оделся и, похерив на сей раз утренние процедуры, пулей вылетел из дома...

Утром 6 апреля у Вовочки началась ломка. А зелье и деньги, как назло, кончились. По выходе из клиники Попков-младший больше не рисковал воровать дома. Малолетний наркоман приунылся грабить старушек-пенсионеров, прослеживая жертву от сберкасс (или от магазина) до подъезда, где и нападал. Однако в предшествующий день ему хронически не везло. Вовочка выследил всего двух бабуль и... не добыл ни копейки! Первый раз отпрыск киллера нарвался на необычайно резкий отпор и, получив от хрупкой на вид женщины болезненный удар хозяйственной сумкой по прыщавой морде, с позором ретировался. Вторую пенсионерку случайно встретил неподалеку от дома похожий на медведя («внучок»). Благоразумный Вовочка, поджав хвост, немедля повернул назад. Последний раз сын убийцы кольнул пятого апреля, в полночь, и спустя шесть часов ощутил острую потребность в очередной дозе.

³⁸ Убивай.

³⁹ Инструктор служебно-розыскной собаки. Так официально именуют военнослужащих, занимающихся служебными собаками в конвойных частях войск МВД.

Чтобы нормально функционировать⁴⁰, Попкову-младшему требовалось четыре ежедневных инъекции героина, по 0,25 грамма в каждой.

...К семи утра ломка стала невыносимой. Подскочила температура. Вовочку трясло, лихорадило. Болело абсолютно все. Тошнило. Суставы, кости, казалось, непрерывно перемальвались невидимой мясорубкой. Дрожащей рукой он набрал номер телефона Сурена Поросяна: ровесника, соседа по подъезду и тоже наркомана, добывающего деньги на («дозы» розничной торговлей героином.

– Сурен, товар есть? – с трудом ворочая языком, спросил Попков-младший.

– Есть, – лениво ответил юный наркоторговец. В отличие от Вовочки, он вовремя ширнулся⁴¹ и в настоящий момент чувствовал себя приемлемо.

– Д-д-дай д-д-дозу! – выдавил сын убийцы.

– Ты при бабках? – осведомился практичный Сурен.

– Н-нет, н-но я с-сегодня н-найду!

– Когда найдешь, тогда и получишь! – неумолимо отрезал Поросян.

– погоди! погоди! – отчаянно взвизгнул Вовочка. – Деньги будут. Через полчаса! Я найду?! А?!

– Заходи, но только с монетой, – Сурен повесил трубку.

– С-сволота!!! – яростно заорал Попков-младший. – Все кругом с-сволота!!! Не-на-вижу!!!

Дикие вопли сына разбудили Зинаиду Михайловну...

– Что случилось? – зевая спросонья, спросила она, заглянув в комнату. Вовочка повернул к матери мутные, как у взбесившегося пса, глаза. В голове у него засела одна-единственная навязчивая мысль: («Доза!.. Доза!.. Доза!»)

– Деньги нужны, немедленно! – прохрипел наркоман.

– Зачем? – флегматично поинтересовалась мадам Попкова, не подозревавшая о прежних наркотических увлечениях любимого чада и считавшая его навсегда исцеленным от пагубного пристрастия.

– Не твое дело, старая ведьма! Гони быстро («лавы»⁴²! Сука!!! Блядь!!! – взбеленился обезумевший Попков-младший. – Убью паскуду!!!

Перепуганная Зинаида Михайловна попятилась назад, хлопая онемевшим ртом, а окончательно утративший над собой контроль Вовочка схватил подвернувшуюся под руку отцовскую гантель, бросился на мать, с размаху ударил ее по темени и продолжал, злобно рыча, молотить гантелей до тех пор, пока голова Зинаиды Михайловны не превратилась в скользкое, кровавое, бесформенное месиво. Тогда наркоман оторвался от трупа, наскоро обтер перепачканные руки о ночную рубашку убитой, перевернул спальню родителей вверх дном, нашел-таки вожделенные («лавы» и, вскочив, помчался к Сурену...

Приобретя героин, Вовочка бегом вернулся обратно в квартиру и, не обращая внимания на мертвую, изуродованную до неузнаваемости мать, принялся, воя от нетерпения, готовить инъекцию. Сын киллера фактически ничего не соображал. («Доза!!! Доза!!! Доза!!!» Поэтому он по ошибке вколол себе не обычные 0,25 грамма, а целых полтора. Отшвырнув использованный шприц, Попков-младший плюхнулся в кресло, закрыл глаза, ожидая отступления ломки, но вместо этого внезапно захлебнулся воздухом, схватился за сердце и скончался⁴³. Давно оши-

⁴⁰ Среди самих наркоманов распространена весьма примечательная поговорка: («Первое время колешься ради кайфа, потом – чтобы не подохнуть»). И действительно, по прошествии определенного срока втянувшийся наркоман перестает испытывать какой-либо кайф от употребления наркотика и вынужден колоться лишь с целью избежать ужасной ломки.

⁴¹ Сделал себе укол наркотика.

⁴² Деньги.

⁴³ Обычный результат передозировки наркотиков – остановка сердца и дыхания.

вавшийся бес ловко перехватил вылетевшую из тела грязную Вовочкину душонку и, торжествующе гогоча, уволок в преисподнюю...

Пронзительно зазвонил телефон, однако поднять трубку было уже некому...

Глава 11

– Странно, никто не подходит! – после двадцатого гудка сказал Лебедевский. – Может, вилку из розетки выдернули?

– Наверяд ли! – с сомнением покачал головой Ильшатов. – Тут что-то другое!

– Как поступим? – спросил Эдик.

Рафик надолго задумался, напряженно морща лоб и беззвучно шевеля губами.

– Я предлагаю следующее, – молвил наконец он. – Подъедем к дому, вскроем квартиру. Дальше – по обстоятельствам. Если ты прав и («птичка в клетке», сладко дрыхнет, падла, отключив телефон, ликвидируем вместе с домочадцами. Свидетели нам не нужны. Если же нет, гм, посмотрим...

Посланцы («известного человека» проникли в пропахшее кровью жилище Попковых в начале девятого утра.

– Н-да уж! Впечатляет! – с демонической иронией протянул Рафик, хладнокровно обзрев страшную картину. – Маленькая семейная неурядица. Папочка где-то шляется, а сыночек, грохнув мамочку, загнулся от передозировки.

– Ты считаешь, объект уехал до мочилова⁴⁴, – усомнился Лебедевский. – Вдруг он их сам того... Мало ли! Например, достали⁴⁵ чем-нибудь?!

– Ты, Эдик, дураком родился – дураком помрешь! – презрительно фыркнул Ильшатов, в недалеком прошлом считавшийся одним из лучших оперативников ФСБ. – Да тут с первого взгляда ясно, как развивались события. Сопляк – закоренелый наркоман, посмотри на исколотые вены. У мальчишки началась ломка, а денег на наркотики мамаша не дала. В результате щенок озверел и прикончил мать. У него на руках и на одежде четко видны следы крови. Возле труп окровавленная гантель, которой он орудовал. Далее мальчишка нашел родительские бабки, где-то приобрел наркотик, но, не рассчитав дозу, подох. Папаша же отчалил гораздо раньше. У меня имеется подозрение, куда и зачем он так спешно намылился, однако давай сперва пошарим в квартире... Перчатки надень, кретин!!!

Пошли отсюда, – завершив обыск, занявший около сорока минут, сказал напарнику Рафик. – Ситуация в целом понятна.

– Но... – начал Лебедевский.

– Потом объясню, – резко оборвал Ильшатов. – За мной, живо...

– Ты обещал объяснить! – напомнил Эдик, устроившись рядом с Рафиком на переднем сиденье машины, поставленной весьма умело: из нее прекрасно просматривались подступы к подъезду Попкова, зато спецномера можно было разглядеть, только если подойти к автомобилю вплотную.

– Пожалуйста, – снисходительно согласился Ильшатов, прикурил сигарету и выпустил дым в лицо Лебедевскому. – Я уверен – объект заподозрил неладное, помчался спешно устранять посредника. Мы с ним чуть-чуть разминулись. В бега он податься не мог. Дома остались документы, в том числе поддельные, а также замаскированный под фотообои⁴⁶ металлический сейф, где месье Попков, очевидно, хранит («трудовые сбережения»). Обои не повреждены. Сухие. Значит, сейф ни вчера, ни сегодня не открывали. Обнаружив мертвого Ковальского, киллер поймет – его вычислили, и решит залечь на дно, однако для этого ему потребуются деньги, документы, с голой задницей далеко не убежишь. Попков обязательно вернется

⁴⁴ Убийства.

⁴⁵ В данном контексте – надоели, замучили.

⁴⁶ Фотообои быстро сохнут, и их легко заменять, по мере пополнения сейфа.

обратно. Тут мы голубчика и спеленаем! Кстати, теперь, просмотрев фотографии в документах, я знаю пассажира⁴⁷ в лицо. – Рафик затушил окурок в пепельнице.

– А если он, решив не рисковать, все-таки удерет («с голой задницей»)? – поинтересовался Эдик.

– Тогда мы с тобой трупы, – нахмурился Ильшатов. – Хозяин выделил на завершение операции сутки. Не более... Но не дрейфь! Хмырь вернется! Интуиция меня ни разу не подводила!..

Виталий Николаевич подъехал к дому Майкла Капустина лишь в одиннадцать утра и уже не на своей («девятке», а на такси. На Рублевском шоссе запаниковавший убийца вляпался в ДТП⁴⁸, столкнулся с новенькой иномаркой. После долгих неприятных разбирательств с гаишниками и агрессивно настроенным потерпевшим (авария произошла по вине Попкова) у Виталия Николаевича отобрали водительские права, его покореженную машину отбуксировали на гаишную автостоянку, а самого киллера обязали не позднее завтрашнего утра возместить причиненный владельцу иномарки колоссальный материальный ущерб плюс моральные издержки стражей порядка. Попков охотно согласился на все условия (завтра утром он надеялся быть далеко от Москвы)...

У капустинского подъезда Виталий Николаевич увидел гомонящую толпу жильцов, («Скорую помощь» и две милицейские оперативки. Сердце убийцы съежилось в нехорошем предчувствии. С трудом придав физиономии выражение ленивого любопытства, он незаметно приблизился к толпе.

– Безобразие! Позор! – громко возмущалась накрашенная дама преклонного возраста с крупными бриллиантовыми серьгами в оттопыренных ушах и с пунцовыми от избытка помады губами. – Совершенно обнаглели бандиты! Ни домофоны, ни кодовые замки им не помеха! Спать спокойно не ляжешь!!!

– Не-е-ет! – тряся жиденькой бородашкой, утверждал либерально-демократического вида хлипкий, очкастый господин в шикарном кожаном пальто. – Убили подданного Соединенных Штатов!!! Тут акция политическая!!! Очередная вылазка русских экстремистов!!! Грубое попрание прав иностранных граждан! Мы не потерпим! Международное сообщество применит санкции!!!

– Ну-ка повтори, глест очкастый!!! – грозно надвинулся на («либерала» широкоплечий мужчина с боксерским носом. – Я те, падла, ща применю санкции! Я те яйца на уши намотаю да башку в жопу запихну!!!

– Помогите!!! – пронзительно заверещал поборник прав иностранных граждан, подбегая к трем дюжим милиционерам, скупающим неподалеку. – Вон тот террорист обещал меня искалечить. Арестуйте негодяя, немедленно!!!

Однако менты, из-за известных югославских событий больше не питающие симпатий ни к («мировому сообществу», ни к отечественным («демократам», отреагировали на призыв прозападно настроенного хлюпика весьма недружелюбно. Двое демонстративно отвернулись, а третий – молодой, сероглазый, с погонами старшего лейтенанта – ровно, но со скрытой издевкой сказал:

– Когда искалечат, тогда арестуем. По факту совершения преступления, не раньше.

– Вы сами фашисты! – истерически взвизгнул очкастый. – Потакаете экстремистам! Я буду жаловаться!

– А вот тебя мы действительно заберем за оскорбление представителей власти, – недобро социурившись, процедил старлей. Неизвестно, как дальше бы развивались события, но именно

⁴⁷ В данном контексте – жертву.

⁴⁸ Дорожно-транспортное происшествие.

в этот момент четверо санитаров вынесли из подъезда на носилках два накрытых простынями тела. Неожиданно один из санитаров споткнулся, передние носилки перевернулись, и труп шлепнулся на землю. Протиснувшись в передние ряды и опознав в мертвце Ковальского, Виталий Николаевич изменился в лице. Механически развернувшись, он торопливо зашагал прочь.

«Смываться!.. Смываться!.. Захватить деньги, документы и смываться!.. Сперва в ближайшее зарубежье... Затем дальше!» – перепуганными тараканами бегали в голове Попкова куцые мысли. Безразличный к чужим жизням, свою собственную киллер ценил чрезвычайно, и в настоящий момент страх смерти не только покрыл тело Виталия Николаевича липким, вонючим потом, заставил судорожно трястись поджилки, но вдобавок почти полностью парализовал умственную деятельность. В результате, охваченный животным ужасом, экс-майор не сумел проанализировать ситуацию и не учел того обстоятельства, что («охотники», узнав у Ковальского его адрес, возможно, уже успели организовать засаду...

– Ага, явился родимый! – завидев спотыкающегося от поспешности Попкова, обрадовался Ильшатова и приказал сидевшему за рулем Лебедевскому: – Подгоняй тачку к подъезду! Виталия Николаевича Рафик настиг у дверей лифта.

– Федеральная служба безопасности! – сухо представился он, предъявив соответствующее удостоверение. («Известный человек» без проблем снабжал своих людей любимыми документами.) – Вы – гражданин Попков?

– Да, – ответил убийца.

– Пройдемте!

– Я же не совершил ничего противозаконного! – воскликнул Виталий Николаевич.

– На Лубянке разберемся, – официально вежливо улыбнулся Ильшатова.

Упоминание о прежнем месте службы подействовало на экс-майора успокаивающе. К тому же удостоверение было подлинным, а в узкоглазом («оперативнике» чувствовалась кондовая, гэбэшная закваска. Ни бывших коллег, ни прочих правоохранительных органов убийца не опасался. Следов он не оставлял, работал аккуратно. Да и старые связи наверняка помогут. Поэтому Попков послушно проследовал за татаринком к машине и уселся рядом с ним на заднем сиденье.

– Вы вооружены? – казенным голосом осведомился Рафик.

– Нет, конечно! – честно ответил киллер. (Рассчитывая уничтожить («живой пейджер» подручными средствами, он не захватил с собой оружия.)

– Тем не менее я обязан вас проверить. Поднимите руки. Повернитесь спиной.

Виталий Николаевич беспрекословно подчинился.

– Так? – спросил он.

– Так! – подтвердил Ильшатова, треснув Попкова рукояткой пистолета по затылку.

Убийца очнулся не скоро. Машина с особыми номерами успела выехать за пределы Москвы и с бешеной скоростью мчалась по загородному шоссе. Руки Виталия Николаевича были скованы наручниками, ноги крепко связаны, рот заклеен скотчем.

«Все! – понял Попков. – Пропал!»

Внутренности киллера сжались в ледяной комок, из глаз потекли слезы.

– У-у-у!!! – взмолился он. – У-у-ы!!!

– Ты хочешь спросить, кто мы и куда тебя везем? – захихикал глуповатый Эдик.

– Заткнись! – оборвал Лебедевского Рафик. – Хмырь прекрасно знает и то и другое!

– Ы-ы-а-а!!!

– Нет, вы только поглядите, какой нудный тип! – возмутился Ильшатова. – Прямо покоя не дает!

– У-у-о!!!

– Ну, парень, ты мне надоел! – Рафик резко ткнул киллера мозолистым кулаком в челюсть. Виталий Николаевич впал в состояние гроги⁴⁹.

Между тем машина свернула на проселочную дорогу и, проехав около километра, остановилась.

– Выгружаемся! – сказал Ильшатов.

Вместе с Лебедевским они извлекли наружу полубесчувственного Попкова и волоком потащили в глубь леса, к заранее вырытой могиле...

«Известный человек» нетерпеливо поглядывал то на часы, то на ручной пульт дистанционного управления, формой и размерами напоминающий телевизионный, но с одной-единственной зеленой кнопкой посередине. Из отведенных им самим суток прошло меньше половины, однако («известному человеку» не терпелось побыстрее завершить операцию по («зачистке концов», финальной стадией которой являлась зеленая кнопка. Скорей бы позвонили исполнители, последнее звено цепи. Тогда он нажмет кнопку, и все! Чист!!! Не подкопайся! Слишком тревожная обстановка в стране! Слишком! Березовского в розыск объявили, Смоленского! Натуральный беспредел!..

– Киллер-то хваленый слабоват в коленках оказался, – веселился Эдик. – В штаны насрал, едва удавку на шею набросили! Ха-ха-ха...

Ильшатов молчал, напряженно размышляя о чем-то. Похоронив в лесу Попкова, они выехали на шоссе и по просьбе Рафика затормозили у обочины.

– Ладно, звякну шефу! – Лебедевский набрал на сотовом телефоне номер и произнес условную фразу: – («Извините. Мы задерживаемся по объективным обстоятельствам. Машина барахлит».

– Что он ответил? – тревожно встрепнулся Рафик.

– Ничего! – пожал плечами Лебедевский. – Дал отбой. Почему ты такой кислый?! Будто кило лимонов сожрал!

– Видишь ли, Эдик, у меня появились скверные подозрения, – задумчиво молвил Ильшатов. – Хозяин замечает следы. Но ведь мы с тобой тоже след!!! Последние, кто знает, кем организовано убийство («...».

– Ты считаешь, нас («сотрут»? – забеспокоился Лебедевский.

Ответ пришел сам собой. В тридцати километрах от машины исполнителей («известный человек» нажал на пульте зеленую кнопку, приводящую в действие суперсовременную радиоуправляемую бомбу, замаскированную под запасное колесо в багажнике. Рафик с Эдиком исчезли в ослепительно ярком пламени мощного взрыва...

⁴⁹ Состояние гроги – боксерский термин, означающий, что человек, получив сильный удар в голову, хоть и держится на ногах, но уже практически ничего не соображает.

Эпилог

Москва, апрель 1999 года

Американское посольство заявило протест по поводу зверского убийства гражданина США Майкла Капустина, а также его близкого друга, выдающегося российского правозащитника и блестящего журналиста Сергея Ковальского. По мнению американцев, сие чудовищное преступление совершили русские («красно-коричневые» экстремисты, мстящие («мировому сообществу» за проведение гуманитарной миссии на Балканах. Слава Богу, у России имеется пока ядерный щит, иначе бы на Москву уже сыпались натовские крылатые ракеты. Расследование обстоятельств гибели мадам Попковой заняло от силы сутки. («Сын наркоман прикончил мать, не давшую денег на героин, а потом сам умер от передозировки», – пришла к справедливому заключению милиция. На бесследное исчезновение Виталия Николаевича Попкова правоохранительные органы вовсе не обратили внимания. Они, как известно, не любят браться за подобные дела, да и заявление на розыск без вести пропавшего подавать некому.

«Известный человек» жив, здоров, правда, с каждым днем он чувствует себя все неуютнее, а по ночам видит страшные сны...

Иной пространственно-временной континуум

Братва

Глава 1

Виктор Соколов по кличке Сокол

В мои сонные мозги с визгом вгрызается электропила «Дружба». Господи! Какая мука, и где я, собственно, нахожусь?! С трудом разлепляю веки. Оказывается, у себя дома, а измывается надо мной будильник! У, сволочь!!! Зашибу!!! Дайте мне кирпич!!! Заткнулся, падла, на свое счастье. Завод кончился. Ладно, живи покамест!

Время – девять утра. Пора вставать. Мама родная, до чего же хреново! Голова чугунная, тело ватное – перебрал накануне... «Если б было море водки, стал бы я подводной лодкой», – поет «Дюна». Стал я ею вчера, да еще какой! Скорее даже не подлодкой, а батискафом. Когда погружаешься – оно вроде бы и ничего, азарт появляется. Все норовишь глубин достичь, в которых, по слухам, истина скрывается. Врут слухи, нет там никакой истины, однако понять этого не успеваешь – отрубаетесь. Утром начинается всплытие – пренеприятнейший, доложу вам, процесс!.. Чученька, милая, только ты меня жалеешь, существо бессловесное. Чуча – моя кошка: старая, толстая, важная... Десять лет назад я подобрал ее на лестнице тощим, лишайным, полуживым от голода котенком. Выходил, откормил. Поначалу называл: «Ах ты мой бедный уродец!.. Ах ты мое несчастное чучело!.. Чучело...» Чучело, так и прилипла к ней эта погоняла⁵⁰. Потом для сокращения стала Чучей. Привыкла. Откликается. Теперь она – красавица! Отъелась, распушилась, умывается с головы до кончиков лапок двадцать четыре раза в сутки. Ужасно не любит, когда ее тискают, царапаться начинает. Зато, если Вите плохо – обязательно приходит посочувствовать, мурлычет, пристраивается к самому больному месту... Кисуля моя хорошая! Эй, Чуча! погоди! Не надо мне щетину вылизывать! И так знаю – рожа у меня в настоящий момент не дай Боже! Бармалей по сравнению со мной – писанный красавчик.

Пищит сотовый телефон.

– Алло-о! – хриплю я.

– Проснулся, Витек? – доносится из трубки голос Сашки Белова.

– Частично.

– За руль сесть сможешь?

– Ясно дело.

– Тогда не опаздывай.

– Постараюсь...

Короткие гудки... Саша Белов – мой напарник. Вся наша бригада разбита на двойки. У каждой – свой фронт работ, свои точки. На стрелки, как правило, выезжаем тоже вдвоем. Большинство вопросов с другими группировками (за исключением чеченцев) можно решить мирно, ну а если вдруг нарвемся на толпу безмозглых отморожков – за нас жестоко отомстят. Шеф-то наш, Толик, всегда в курсе, куда мы отправились. Толковый мужик, прочно держит в руках нити управления. Правит жестко, но разумно и справедливо...

В висках толчками пульсирует кровь, в ушах звенит. Эх, была не была! Встаю! В квартире, как всегда, с перепоею «гололед». Пол, сволочь, скользит под ногами, а мебель и острые углы стен непременно норовят задеть больного человека.

Ковыляю в ванную.

⁵⁰ Кличка.

Н-да! Хорош!!! В зеркале вижу опухшую, обросшую обезьяну с золотым ошейником. Золотые цепи – неременный атрибут большинства современных бандитов. Лично я к рыжью⁵¹ равнодушен, но на подопечных торгашей его изобилие производит ошеломляющее впечатление Благоговеют! Делаются мягче воска. Правда, не все пацаны⁵², особенно из старой гвардии, это осознают. Помнится, заехал я в гости к своему другу, Андрюше Воронову. Он начал заниматься рэкетом гораздо раньше меня, но сейчас завязал. Я как раз приобрел в тот день золотой крест с бриллиантами грамм на триста весом и прикрепил к ошейнику. День был жаркий, рубаха нараспашку. Мы с Вороновым сидели на кухне и пили (только не удивляйтесь) чай. Андрюха долго, скептически меня разглядывал, в глазах вспыхивали лукавые искорки.

– Да! – изрек он. – Выглядишь ты, Витек, сногшибательно! Почище новогодней елки!

Я попытался объяснить насчет психологического влияния на барыг. Воронов внимательно слушал, согласно кивал.

– Вообще-то ты прав! – заявил наконец он. – Действует впрямь сокрушительно! Еще б небольшую деталь добавить, тогда полный абзац! Коммерсилы сразу на колени попадают!

– Какую деталь? – заинтересовался я.

– Золотое кольцо в нос!

Ехидный зараза! Ну да Бог с ним...

Почистив зубы, соскоблив щетину, вымыв голову и приняв контрастный душ, я одеваюсь, причесываюсь, напиваюсь крепкого до черноты чая и засовываю в рот несколько пластинок мятной жевательной резинки, дабы запахом перегара не вводить в искушение гаишников. Затем направляюсь к гаражу.

Погода, по счастью, прохладная. Мо-росит мелкий дождик. На свежем воздухе голова слегка проясняется, однако похмелье по-прежнему выматывает душу. «Брошу пить! – уже, вероятно, в сотый раз обещаю я себе. – После работы завалимся с Сашкой в сауну, хорошенько попарюсь, выгоню из организма шлаки, а завтра возобновлю тренировки!»

Я с детства занимался боксом, карате, кикбоксингом и в былые времена пока-зывал на ринге приличные результаты. В боксе дослужился до кандидата в мастера спорта, в карате – до коричневого пояса. И в кикбоксинге большинство боев выигрывал, главным образом, нокаутом. Проклятое пьянство! Ничего, парилка очистит кровь от алкогольной отравы... При условии, что в бане не окажется нашей братвы с неременными атрибутами – ящичками пива, девичками легкого поведения, анашой и т. д.

Сто процентов из ста начнут соблазнять: «Хлебни, брат, пивка... Курни травки... Смотри, какая девочка...» Но Витя будет тверд как камень! Если получится... Е-мое! Это еще что за номера? Два краснорожих ублюдка цепляются к пятнадцатилетней малолетке из соседнего подъезда, выгуливающей болонку. Оля, или Таня, или... не помню... Впрочем, не важно! А болонку зовут Джимом. Ранние пташки, вашу мать! Куда лезете?! С утра столбняк замучил? Не мое дело, говоришь? Гм, ну получи, сука рваная, хук⁵³ в челюсть... Классно он треснулся башкой об асфальт. Теперь второго ногой в брюхо... согнулся... Больно ему... Еще бы! Ничего, тебе полезно, авось поумнеешь!

Чего вылупилась, девочка? Собачка уже пописала? Прекрасно! Ну и иди домой...

Ага, вот она, моя лайба⁵⁴, грязная падла, вчера помыть не удосужился. Только попробуй сразу не завестись, только рискни! Вмиг на металлолом пуцу!

Завелась, чует, что со мной сейчас шутки плохи. Нервы с перепоею, как кошачьи кишки на скрипке. Ну, милая, в путь...

⁵¹ Золоту.

⁵² Пацан – на современном криминальном сленге – вовсе не мальчишка. Пацан – слово вполне уважаемое. Он, конечно, не авторитет, но право голоса имеет.

⁵³ Короткий боксерский боковой удар.

⁵⁴ Машина.

Глава 2

Александр Белов, в отличие от своего напарника, вчера выпил в меру и посему выглядел вполне прилично. Слава Богу, успел вовремя притормозить. Проснувшись, он не мучился, подобно Соколову, а сделал зарядку – двести отжиманий от пола в четыре захода плюс упражнения на пресс – и с аппетитом позавтракал. По правде сказать, Белов тоже не отличался трезвым образом жизни, но в последнее время их с Витькой «заплывы» в хмельное море не совпадали хронологически. В результате то Витя страдал с перепоею, а Александр читал ему нравоучительные лекции о вреде алкоголизма, то наоборот... Впрочем, для работы это было хорошо, поскольку один из двойки всегда сохранял ясность рассудка, мог решить на свежую голову возникшие проблемы, а в случае необходимости и доставить совершенно окосевшего друга домой.

Сегодня предстояло немало хлопот. Белов понимал – «болеющий» Витя продержится без лекарства не далее чем до полудня, затем «поцелуется» с первой пивной бутылкой, и пошло-поехало. Где-то часам к пяти его развезет, однако к тому времени, по расчету Александра, все дела будут завершены.

Белов с усмешкой вспомнил недавний случай. После довольно напряженной стрелки они заехали в гости к Андрюхе Воронову, который пригласил старых друзей на дегустацию домашнего вина, полученного им в подарок от тещи, проживавшей в Краснодарском крае. Дегустация прошла успешно. Белов с Вороновым чувствовали себя превосходно и лишь слегка захмелели, а вот находившийся в «заплыве» Витя сломался. В течение дня он держался на пивном допинге и ухитрялся выглядеть трезвым, но вино окончательно доконало беднягу. Когда пришла пора разъезжаться по домам, он с грехом пополам натянул один ботинок, минут пятнадцать возился с другим, однако тот упорно не подчинялся хозяину.

– Н-нога р-распухла! – заключил наконец Соколов и отправился вниз по лестнице, неся ботинок в руке.

Белов погрузил его в машину, отвез домой и передал с рук на руки жене, Вике.

– Ты почему в одном ботинке? – удивилась женщина.

– Н-нога распухла! – повторил Витя, кляя носом и раскачиваясь из стороны в сторону. Недоверчиво хмыкнув, Вика заглянула в ботинок и громко расхохоталась. Оказывается, пока друзья пили, полуторагодовалый сынишка Воронова засунул в Витину обувь маленький резиновый мячик...

Белов остановил машину в условленном месте. Часы показывали начало одиннадцатого. Александр прикурил сигарету и опустил боковое стекло. В лицо пахло влажным ветерком. «Прохладный денек, – подумал Белов. – Оно и к лучшему! На жаре наш «пловец» быстро бы раскис, а так, глядишь, дотянет до вечера!»

Встреча с ребятами из В-ской⁵⁵ группировки была назначена на одиннадцать утра. Вопрос предстояло решить в общем-то весьма банальный: коммерсант, находившийся под «крышей» у В-ских, задолжал предпринимателю, опекаемому ребятами Толика Варламова, крупную сумму. Подавляющее большинство современных российских капиталистов деньги отдавать не любят, факт привычный и общеизвестный, но этот козел, получив вежливое напоминание о необходимости расплатиться, в придачу разорался, будто его собрались кастрировать, и пригрозил Толикову подопечному мстостью В-ских. Барыга выделялся столь нагло, что даже Варламов, отличавшийся редкостной для бандитского авторитета терпимостью, пришел в ярость.

⁵⁵ Начальные буквы названий группировок автором преднамеренно изменены, так же как и имена главных действующих лиц.

Он поручил Белову с Соколовым не только договориться с В-скими насчет возврата денег, но и наказать оборзевшего фраера. В-ские славились непредсказуемостью в поступках. Поэтому Белов на всякий пожарный прихватил с собой оружие. Однако он отказался от предложенной шефом поддержки живой силой.

– Вдвоем нам сподручнее, – пояснил Александр. – А если что... Ты знаешь, к кому мы поехали...

Вдали показалась черная «девятка» Витьки.

– Наконец-то! – облегченно вздохнул Белов. – И года не прошло...

* * *

В-ские в количестве десяти человек пришли в бар «Тихая гавань»⁵⁶ за полчаса до оговоренного времени. Старший группы Владимир Резаков по кличке Перо⁵⁷, которому руководство бригады доверяло вести переговоры, заметно нервничал. Коммерсант Моисей Гусякин – виновник разгоревшегося сыр-бора – расписал сложившуюся ситуацию исключительно в черных тонах... «Так наезжают!.. Последнее забирают!.. Дышать не дают... Выручайте, иначе разорят!» – и т. д. и т. п. Короче, намутил воды. С одной стороны, Анатолий Варламов пользовался репутацией разумного, справедливого человека, но с другой... Уж слишком убедительно разглагольствовал Гусякин. Вдруг у Варлама башка набекрень съехала?! Всякое бывает! Перо отлично помнил, как некий Алексей Скрипкин (из их бригады), спокойный, несколько флегматичный мужик, нанюхавшись кокаина, ни с того ни с сего прикончил двух приятелей, а потом застрелился сам. Правда, Варлам, по слухам, наркотой не увлекался, однако кто его знает?! Перо хотел прихватить на стрелку Гусякина, но тот решительно отказался: дескать, назначена важнейшая деловая встреча, сулящая контракт на несколько сот тысяч долларов, затем еще одна не менее серьезная, день расписан по минутам и т. д. и т. п. В общем, никак не получается. Да и зачем он, Гусякин, там нужен? Пусть братва решает возникшую проблему между собой. Его же дело платить за «крышу».

Резаков нетерпеливо взглянул на часы. Без двух минут одиннадцать.

«Если сейчас не подъедут – значит, бизнесмен не соврал, и тогда, тогда...»

Отворилась дверь. В бар зашли двое. Среднего роста мужчина лет тридцати пяти, со светлыми глазами, правильными чертами лица, в неброской, но дорогой одежде. И здоровенный бугай с боксерским носом, увешанный массивными золотыми цепями.

Перо подал подручным знак приготовиться. Светлоглазый едва заметно улыбнулся.

– Привет, – обратился Белов к Резакову, безошибочно определив в нем старшего. – Нас ждете?

– Да!

– Присядем, побеседуем...

Перо опустил за столик в углу. Гости расположились напротив.

– Больно много вас, ребята, собралось, – зевнул Александр, прикрывая рот ладонью. – С чего такая суматоха?

Резаков, постепенно входя в раж, принялся обличать варламовцев в беспределе.

Белов безмятежно слушал, а «боксер» – как мысленно окрестил Перо Соколова – раздраженно играл желваками.

– Бред сивой кобылы! – процедил он сквозь зубы, едва Резаков закончил рассказ.

⁵⁶ Название изменено.

⁵⁷ На блатном жаргоне – нож.

– Не кипятись, Витя! – мягко сказал Белов. – Просто пацанов ввели в заблуждение. Кстати, где Гусякин? Обвинения серьезные. Пускай коммерсило их подтвердит. Итак, где пострадавший?

– Он, э-э, занят! – смутился Перо.

– Что-о?! Занят?! Я, наверное, ослышался? – В глазах Александра сверкнула молния, а в голосе зазвучали металлические нотки. – Кто у кого под «крышей»: он у вас или вы у него?!

Выбитый из колеи неожиданным поворотом событий, Перо сконфуженно промолчал.

– Позвони, пригласи сюда, – улыбнулся Белов, протягивая Резакову со-товый телефон. – Хочу заглянуть в ясные очи несчастного страдальца. – Голос Александра снова сделался ласковым, спокойным. Однако глаза покрылись корочкой льда. Загипнотизированный его немигающим, жестким взглядом, Резаков послушно набрал номер.

«Похоже, варламовцы уверены в собственной правоте, – подумал он. – А Гусякин... Ну, не дай Бог, врал, паршивец! Порву как мойву!!!»

Глава 3

Виктор Соколов по кличке Сокол

Ишь, столпились, кретины, аж целый десяток! Дурацкая привычка – на стрелки кодлой являться. В-ские, мудаки, массовость любят. На хрена, спрашивается?! Думали, мы испугаемся стада безмозглых быков с дутыми от анаболиков мышцами?! Ха-ха-ха!

Господи! Голова трещит по швам! Старший вроде посерьезнее, но тоже болван. Какого черта Сашка с ним церемонится?! Признаться, меня иногда раздражает чрезмерный гуманизм Белова. Забуреет⁵⁸, скажем, барыга, надо бы ему сразу в рыло, да по печени, да по почкам... Так нет же, Саня начинает дипломатию разводить, пытается объяснить тупой коммерсией башке, почему тот не прав. Белов прибегает к жестким мерам воздействия лишь в крайнем случае, причем с явной неохотой, а мне втолковывает: «Витя, мы христиане. Нельзя просто так мордовать людей! Вдруг они по-хорошему поймут?!»

Поймут, как же! Не смешите!!! Лучший довод для них – кулак! Хотя, как ни странно, Сашкина тактика почти всегда срабатывает. До сих пор не пойму причину! Может, он обладает парапсихологическими способностями?

Однажды я в шутку назвал Белова колдуном. Видели бы вы, как он обиделся. «Я, – говорит, – Витя, православный. Ты, между прочим, тоже. Поэтому не сравнивай меня с подобной нечистью!!! Колдуны, экстрасенсы и им подобные – слуги дьявола, сеящие в мире зло!»

Я очень долго смеялся. Но опять Сашка оказался прав. Один наш знакомый лечился у колдуна от пьянства. Вылечился, а через месяц повесился. Мы с Беловым сами его из петли вынимали... Совпадение?! Не знаю, теперь не знаю!..

С какой стати он так долго слушает этого хмыря, да еще вежливо улыбается, а меня толкает коленом под столом, дескать, не горячись, Витя! У самого же ствол под пальто. Значит, Белов не уверен, что переговоры пройдут гладко. И у В-ских куртки оттопыриваются, запаслись волынами⁵⁹. Напрасно, мальчишки, ох напрасно! В «стечкине» двадцать патронов калибра девять миллиметров, а Саня в прошлом офицер и чемпион полка по стрельбе. Не успеете вытащить свои пушечки, как он вас всех продырявит. Реакция у него отменная, пуль же хватит с избытком.

Ну, слава Богу! Взял-таки Саня В-ского представителя за горло. Грамотно взял, красиво и тут же отпустил. Снова улыбается. Однако на того подействовало. Побледнел. Вызванивает коммерсилу.

Господи! Душа горит синим пламенем! Горло сохлось! Выпью-ка я немного пива для поддержания измученного организма. Шура, не прожигай меня укоризненным взглядом! От одной кружки не окосею! Тьфу! Паршивое пиво! Баночное, импортное. С консервантом и спиртовыми добавками. Лично я предпочитаю отечественное, бутылочное, желательно «Очковское». Ладно, на безрыбье и рак рыба. Саня заказывает апельсиновый сок со льдом. Правильный, ишь ты! У него в настоящий момент период трезвости. Ну ничего, ничего! Вот уйдешь в запой, тогда я буду тебе мораль читать, с гордым видом прихлебывать чаек и сочувственно разглядывать твою опухшую физиономию.

В-ский (погоняла Перо) дозванивается наконец до своего торгаша, просит, вернее, требует подъехать. Тот, судя по всему, упрямится. Перо звереет, рычит в трубку, обещает барыге привести его силком, в наручниках. Молодец! Давно пора! Именно так с ними и надо обращаться! Атмосфера в баре разряжается. Кажется, Перо уразумел суть проблемы. Падла сраная, Гусякин, нагнал пурги. Мы ведь с Саней действительно беседовали с гадом чрезвычайно

⁵⁸ Обнаглеет.

⁵⁹ Огнестрельным оружием.

вежливо, аж до тошноты либерально, а он наплел «крыше», будто наезжали, едва на куски не порезали. Сволочь!!!

Одной кружки мало, беру вторую. Полегчало, слава тебе, Господи! Рассеялась в черепной коробке свинцовая муть, жизнь кажется менее отвратительной, чем час назад (после седьмой или восьмой бутылки она делается даже привлекательной). Но пока хватит, до конца стрелки.

Ага, прибыл терпила⁶⁰. Ну-с, друг ситный, исповедуйся перед братвой. Чего хлебало-то заткнул?! Боишься, засранец?!

– Расскажи, Гусякин, как мы беспредельничали, – мурлычет Саня. Сейчас он здорово напоминает огромного хищного кота, поймавшего мышь. Коммерсила трясется, будто осиновый лист. Все же есть у Белова некоторые сверхъестественные способности, или он просто отличный психолог?! Просчитывает, подобно шахматисту, поведение человека на десять ходов вперед.

Омерзительный тип, Моисей Гусякин! Злое крысиное лицо, маленькие черные, бегающие глазки. Неряшливые, покрытые перхотью волосы. Ручонки дрожат. На гнусной морде выступают крупные капли пота.

– Ссышь, ублюдок!

– Не молчи, милый, – продолжает Саша. – Итак, как мы беспредельничали?!

Барыга бормочет нечто невразумительное. Теперь даже тупоголовые В-ские понимают, что к чему. Перо белеет от ненависти.

– Братву лбами сталкиваешь, козел?! – шипит он. – Живым в землю зарю, пидор гнойный!!!

Один из В-ских наотмашь бьет Гусякина кулаком в харю. На лицах остальных появляется кровожадное выражение.

– Погодите, ребята, – вмешивается Белов. – Успеете разобраться с сукиным сыном. Давайте сперва решим главный вопрос, насчет долга и возмещения морального ущерба.

Перо согласно кивает головой.

– Сколько ты должен Кривчикову? – обращается к коммерсанту Саня.

– П-пятнадцать тыс-сяч баксов!

– Отдавать собираешься?

– Д-да.

– Когда конкретно?

– В т-течение н-недели.

– Превосходно. – Белов оборачивается к Перу. – Поговорим о моральном ущербе. Барыга подставил и вас и нас, стало быть, он обязан компенсировать затраты времени и нервов обеим сторонам.

Перо в полном восторге. Гусякина грузят⁶¹, как верблюда. Помимо возвращения Кривчикову пятнадцати штук гринов, ему приходится уплатить десять тысяч долларов В-ским и десять нам. Срок – пять дней. Все радуются, все довольны (кроме Гусякина, разумеется). Перо предлагает выпить по поводу удачного завершения стрелки. Я за, но Саня с видимым сожалением отказывается. Нам еще нужно проехать по точкам, собрать месячную дань. Прощаемся, выходим на улицу.

Вид у меня, надо полагать, настолько бледный, что Белов сжаливается. Он ведь знает «прелести» похмелья не понаслышке.

Закупаю десять бутылок пива и пересаживаюсь в Санин «БМВ». Мою «девятку» оставляем на платной автостоянке. Завтра заберем. В ней же прячем под сиденьем «стечкин». Сегодня ствол больше не понадобится. Обезд точек – занятие вполне мирное. Коммерсанты

⁶⁰ Потерпевший.

⁶¹ В данном контексте – заставляют выплатить определенную сумму денег.

(особенно Кривчиков) встречают нас с угодливым радушием. Мы не дерем с подопечных три шкуры. Каждый платит в меру сил, и нам в прибыль, и себе не в убыток. Понимают отлично, повезло им с «крышей». Среди братвы разные люди попадают: иные от жадности да по глупости обернут коммерсанта до нитки, разорят, а потом сидят на бобах. С голого-то взять уже нечего! Обезд завершается около пяти вечера. Я к тому времени накачиваюсь пивом под завязку. Похмелье будто рукой сняло, но вот беда – ноги заплетаются и язык ворочается еле-еле. Саня привозит меня домой. Опять в квартире проклятый «гололед». Так, аккуратненько, по стеночке, по стеночке... Не раздеваясь – плюх на диван... Вика, любимая, сходи в палатку, купи мужу пивка! Вот спасибо, моя радость! Чученька! И ты здесь, кис-суля! Давай поглажу... Уф, устал. Спать хочется. Выпью пару бутылочек да на боковую.

Глава 4

Доставив захмелевшего друга по назначению (прямо до дивана), Александр вернулся домой, загнал машину в гараж, поужинал, затем, наполнив ванну, с наслаждением погрузился в горячую воду и прикурил сигарету. Что ж, день прошел удачно, с В-скими договорились полюбовно, как и подобает нормальным пацанам. К сожалению, в нынешнее время далеко не все нормальные, особенно те, кто балуется наркотой. Стоит перед тобой обкуренный отморожок, глаза стеклянные, морда чугунная, в одно ухо влетает, в другое вылетает. Такому без толку что-либо втолковывать. Недавно подобный субъект едва не прикончил Белова, благо у Александра реакция оказалась быстрее. Он успел выхватить оружие первым и всадить две пули в правое плечо придурка. Щенок взвыл и выронил волюну. При этом воспоминании Белов поморщился. Он не любил прибегать к насилию, но иногда приходилось. Ничего не поделаешь! Хорошо хоть не убил долдона, не взял лишнего греха на душу, а позагорать пару недель в больнице мудаку полезно. Авось прорежутся в закаменелом мозгу извилины...

Пролежав в ванной часа два, Александр оделся и решил пойти прогуляться по близлежащему лесопарку. Его постоянно мучила бессонница, сказывалось нервное перенапряжение. Вместе с тем Белов старался не принимать сонника⁶², на которые, кстати, плотно подсел Андрюха Воронов. Горстями глотает, без них вообще не спит. При его-то здоровье! У Воронова прострелена грудная клетка, пробита плевра, чуть выше печени застрял во внутренностях заряд волчьей картечи. Свинец периодически окисляется, и парня крутит от боли. Пахан бригады, где раньше работал Воронов, предлагал свести с врачом экстра-класса. Сделать операцию. Андрюха отказался. Александр посоветовал ему не злоупотреблять колесами⁶³.

– Угровишь себя, Андрей, – сочувственно-укоризненно сказал тогда Белов.

– Плевать! – отмахнулся Воронов и перевел разговор на другую тему. Похоже, свою жизнь он ни в грош не ставит. Угнетает что-то Андрюхину душу.

– Я могу чем-нибудь помочь? – спросил как-то его Белов.

– Можешь! – серьезно ответил Воронов. – Пристрели! – И, заметив вытянувшееся лицо друга, криво усмехнулся: – Шучу, шучу...

На улице почти полностью стемнело. Моросивший на протяжении дня дождь прекратился. В очистившемся от туч небе сияла холодная луна. Легкий ветерок лениво перебирал верхушки деревьев. Александр неторопливо брел по присыпанной крупным гравием дорожке. Было тихо, лишь перекликались в ветвях ночные птицы. Неожиданно издалека донеслись приглушенные голоса. Подгоняемый неясным предчувствием, Белов убыстрил шаг. Вскоре он увидел синюю «восьмерку» с потушенными фарами. Возле нее толпилось несколько фигур. Судя по всему, ситуация среди присутствующих оставляла желать лучшего. Александр подошел поближе.

– Мальчики, не надо! – всхлипывал девчоночий голос.

– Последний раз повторяю, бери в рот, – отвечал нахальный визгливый фальцет, принадлежащий особи мужского пола.

– Я не хочу!

– Куда ты денешься, сучка?! Шампанское пила с нами в баре? Пила! Покататься согласилась? Согласилась!.. Соси в темпе, твою мать... Бесплатных пирожных не бывает!

– Я не думала... не знала! – плакала девчонка.

– Гы-гы-гы!

В груди Белова всколыхнулось негодование.

⁶² Снотворные или успокаивающие таблетки – радедорм, реладорм, элениум, реланиум и т. д.

⁶³ Таблетками.

«Паршивые выродки, – с отвращением подумал он. – Сексуально озабоченные скоты!!!» Александр вовсе не отличался целомудрием и уже не помнил, со сколькими женщинами успел переспать, – их общее количество давным-давно перевалило за сотню, – однако он никогда никого не насиловал. Белов признавал секс исключительно на добровольной основе. Если симпатичная женщина тебя хочет – милости просим в койку, не хочет – скатертью дорога! Другую найдем!

Между тем атмосфера около машины накалилась. Владелец визгливого фальцета извлек из кармана нож, тускло блеснувший в лунном свете.

– Уши отрежу! – проверещал подонок. – Мое терпение иссякло!!!

– Мое тоже, – приблизившись к нему вплотную, спокойно сказал Александр. – Убери перышко, детка, порежешься!

Трое бритоголовых парней удивленно воззрились на него.

– Убери перышко! – повторил Белов. – Или у тебя со слухом проблемы?

– Ты кто такой?! Чего лезешь?! Оборзел?! – пробасил старший из компании насильников, лет двадцати трех, с толстой свиноподобной рожей и цепочкой из дешевого турецкого золота на запястье.

– Ага, оборзел, – согласился Александр и жестоким боковым ударом свернул свиноподобному челюсть.

Державший нож имел глупость замахнуться. Белов молниеносно провел заученный до автоматизма еще в военном училище прием. Раздался дикий звериный вопль. Третий попытался убежать, да не тут-то было! Белов редко поддавался чувству гнева, но если поддавался, то становился опаснее разъяренного тигра...

Драпать собрался?! Не выйдет!.. Подсечка... Болевой захват (за руку и за волосы одновременно)... Пару раз мордой об капот. Готов, пидор!.. Слышь, ты, хозяин ножичка, перестань верещать!.. Ах, тебе больно!.. Ладно, я добрый... Получи порцию наркоза... Удар ребром ладони в основание черепа. Затих, отключился... Вот так-то лучше, сопляки! Впредь не обижайте беззащитных девочек и не хамите незнакомым дядям!

Спасенная девочка смотрела на Александра с собачьей преданностью. «Придется довести до дома, – с неудовольствием подумал Белов. – Да в придачу выслушивать поток благодарностей! Может, пригласить к себе на запасную хату?»⁶⁴ Неохота, к тому же она не в моем вкусе...»

– Пойдем, – вслух сказал он. – Провожу на всякий случай...

* * *

С трудом отделившись от непрерывно тараторящей и чуть ли не признающей в любви девицы, Александр возобновил прогулку.

– Развелось недоумков на белом свете, – ворчал он. – Не дадут спокойно подышать воздухом, расслабиться перед сном. Эх, жизнь-жестянка!..

С минуту поразмыслив, Белов направился в сторону кладбища, рассудив, что мертвецы вряд ли попытаются кого-либо изнасиловать или затеять драку.

На кладбище действительно царила тишина. Александр вздохнул с облегчением. Православный, отнюдь не суеверный человек, он, разумеется, ни капли не верил смакуемым скандальными газетенками «сенсационным» материалам насчет воскресших покойников, вылезавших из могил вурдалаков и прочей дребедени.

*А на кладбище все спокойненько,
Никого и нигде не видать.*

⁶⁴ Квартиру.

*Все культурненько, все пристойненько,
Исключительная благодать, –*

вполголоса напел Александр куплет из известной песни Высоцкого.

Однако сегодня Белову определенно не везло. По стечению обстоятельств он вышел напрямиком к могиле самоубийцы из их бригады, имевшего глупость обратиться за «исцелением» к колдуну и жестоко поплатившемуся за это.

– Покой нам только снится, – мрачно пробормотал Александр, опустился на лавочку внутри ограды и прикурил сигарету. – Привет, Хрящ, – обратился он к фотографии на памятнике. Та, естественно, не ответила, зато навалились неприятные воспоминания. Вот они с Витькой вынимают Хряща из петли. Как и все повешенные, покойник выглядит ужасно – налитое кровью посинелое лицо, вываленный изо рта прокушенный язык, выпученные глаза. Громко рыдает жена самоубийцы.

«Гореть тебе в аду, бедолага⁶⁵, – с горечью думает Белов. – Доигрался с «нетрадиционными методами лечения». Менты, зафиксировавшие факт самоубийства, давно смотались. Попытки вызвать труповозку завершились неудачей. Тогда Белов с Соколовым выносят на руках мертвое тело из дома и усаживают на заднее сиденье Витькиной «девятки». В морге их встречает вдупелину пьяный сторож.

– З-заноси, – равнодушно кивает он.

Рядом с дверями холодильной камеры валяется труп.

– Что за хреновина?! – удивленно восклицает Витька.

– А-а! Ж-жертва з-зеленого з-з-змия, – ухмыляется сторож. – Д-друзья его т-тоже были под кайфом. Уронили да и з-забыли. Протухнет к утру, бля буду!!!

Белов, настроение которого окончательно испортилось, решительно поднялся и двинулся по направлению к дому. Часы показывали начало первого ночи. Всю дорогу Александр шептал ругательства. Моцион называется!!! Расслабление перед сном!!! Не успокоил нервы, а, наоборот, накрутил. Придется, видимо, пить снотворное...

Приняв горячий душ, Белов проглотил несколько таблеток и спустя полчаса кое-как уснул...

⁶⁵ Согласно учению православной церкви душа самоубийцы попадает напрямиком в ад и нет для нее прощения.

Глава 5

Виктор Соколов по кличке Сокол

Ночью мне приснился жуткий и непонятный сон. Будто бы все жители города бесследно исчезли. Остались только мы с Беловым. Мрачные безлюдные улицы, пустые молчаливые дома. Настежь распахнутые двери магазинов. Бери задарма что пожелаешь, но нам почему-то ничего не хочется. Саня молчит, в глазах грусть и усталость. У меня на душе муторно, тоскливо. Хочется упасть на четвереньки да завывать по-волчьи. Позади слышатся мерные тяжелые шаги. Я резко оборачиваюсь. Никого. Однако шаги приближаются. Мне делается не по себе, тело покрывается пупырышками озноба.

«Саня! – кричу я. – Осторожнее!!!»

Он не отвечает. Внезапно, прямо из воздуха, перед нами возникает женщина в белом. Черты лица смутные, неопределенные. Она внимательно разглядывает меня, потом Сашку. Словно выбирает. Затем протягивает руку Белову и уводит по упавшему с неба широкому лучу света. Я остаюсь в полном одиночестве. Такое ощущение, будто Саню я больше никогда не увижу. Из глаз текут слезы, из груди вырывается отчаянный хриплый вопль.

Я просыпаюсь в холодном поту. Часы показывают половину восьмого утра. Не до конца опомнившись от кошмара, механически набираю номер на сотовом телефоне.

– Да, – после нескольких гудков доносится из трубки раздраженный голос Белова.

– Это я, Витя.

– Чего в такую рань?

Резонный вопрос, а ответить нечего. Бормочу какую-то несурезицу.

– Допился, – констатирует Белов. – Сказал же вчера русским языком, заеду за тобой в одиннадцать. Имей совесть! Дай поспать человеку!

В трубке слышатся короткие гудки.

Н-да, крыша⁶⁶ у меня, похоже, начинает протекать. Пора вылезать из запоя. В комнате бардак. На полу валяются пустые бутылки из-под пива. На столе замечая две полные. Подлечиться? Ну уж нет! Хватит! Переборов искушение, чищу зубы, принимаю холодный душ и завариваю специальный травяной чай. Если верить надписи на упаковке, в него входят сушеная ромашка, валериановый корень, шиповник и еще с десяток различных растений. Говорят, такой чай очищает кровь, выгоняет из организма шлаки, укрепляет нервы. Так оно на самом деле или нет – не знаю. Пахнет, по крайней мере, приятно. Выпиваю наполненную до краев пол-литровую глиняную кружку. Голова по-прежнему тяжелая. Пивка бы! Нет, не буду! Я ж решил выходить из штопора! Вместо пива глотаю три таблетки цитрамона. Чученька пришла! Завтракать хочешь? Ну, держи кусок мяса. Эх, киса, киса, мне б твои проблемы! Чтобы скоротать время, включаю телевизор. Опять двадцать пять, реклама, в рот ей дышло! Достали меня «тампаксы», прокладки с крылышками и «орбит без сахара». Лучше посмотрю видак. На днях взял у Андрюхи Воронова кассету «Кавказский пленник»...

Гм-да! Патриотизмом здесь даже не пахнет. Авторы фильма усердно пытаются заставить зрителя жалеть «бедненьких» чеченцев. Не добились вы, господа, данной цели. Мне жалко лишь девочку, наверняка погибшую при бомбардировке селения. Рядовой Жилин – обычный лох с ослиными ушами. Вояка, твою мать! Впрочем, виноват не он, а те, кто гнал на убой необученных салабонов. А вот прапорщик, талантливо сыгранный Олегом Меньшиковым, вызывает у меня искреннюю симпатию. Настоящий солдат! Не даст пощады врагу, но и сам ее не попросит. Чехов⁶⁷ же надо резать поголовно, по крайней мере тех, кто мужского пола и способен

⁶⁶ В данном контексте – голова.

⁶⁷ Жаргонное наименование чеченцев. Применяется обычно в криминальных кругах.

носить оружие. Они и до войны славились исключительной подлостью. Помнится, три с половиной года назад прислали на стрелку вместо себя ментов. Попали мы тогда под раздачу! Слава Богу, без оружия приехали (стрелку забили почти в центре города), и потому сумели отмазаться. Однако неприятностей поимели предостаточно.

Пунктуальный Саня подъезжает ровно в одиннадцать и вкратце обрисовывает график работы. Денек получается загруженным до предела. В полпервого – стрелка. На сей раз виноват наш коммерсил. Пустился в идиотскую авантюру: занял крупную сумму денег и прогорел. В результате задолжал и Толику (тот по доброте душевной иногда поддерживает подопечных бизнесменов деньгами), и банку, находящемуся под «крышей» у Д-ской бригады. Затем нужно поучить уму-разуму барыгу, главу фирмы «Сириус», специализирующейся на оптовой торговле товарами широкого потребления. «Сириус» контролируют наши ребята – Корень и Лист. Несознательный торгаш начал лунокрутить по поводу ежемесячных выплат. Обнищал, дескать! По поручению Варлама пацаны втихую проверили его финансовое положение. Выяснилось – врет, гнида! Нисколько не обнищал, просто бабки зажимает. Саня предлагает устроить двоечку⁶⁸. Классический расклад, но отнимет массу времени. На вечер запланирована сауна. Приглашают Корень с Листом.

- Чего кривишься? – изумленно спрашивает Белов, заметив мою кислую физиономию.
- Пить завязал!
- Так не пей.
- Легко сказать!
- Гм, действительно! Ну да ладно, по ходу разберемся. Собирайся, ехать пора!..

Стрелка забита⁶⁹ все в той же «Тихой гавани». Удобное место, уютное, менты сюда практически не заглядывают и посетителей мало. Представители Д-ских появляются точно в назначенный срок. В отличие от В-ских они не привозят с собой толпу быков. В бар заходят трое крепких мужчин, приблизительно моего возраста. Вежливо здороваются, присаживаются за столик. Переговоры ведет коротко стриженный здоровяк, со сплюснутыми борцовскими ушами. Глаза мне его не нравятся. Это глаза убийцы, холодные, пустые. Вспоминается сегодняшней сон, когда женщина в белом увела Саню в бесконечность. Душу охватывает нехорошее предчувствие. Боюсь не за себя, за Белова. Вдруг сон вещий, а женщина в белом – Смерть?! Эх, жаль не взяли с собой оружие!!! Саня, однако, держится совершенно спокойно.

- Симонов должен нам двадцать тысяч баксов, – заявляет здоровяк. – Их нужно вернуть.
- Правильно, – соглашается Белов. – Но и нам он должен двадцать пять штук.

Губы Д-ского сжимаются в узкую полоску. В пустых глазах вспыхивают недобрые огоньки. У того, что слева, куртка характерно оттопыривается. Далеко сидит, падла, не успею в случае чего выбить волюну, да и они, судя по всему, не пальцем деланные, профессионалы!

Саня между тем безмятежно улыбается:

- Предлагаю решить вопрос на взаимовыгодной основе.
- Как?! – приподнимает брови здоровяк.
- Очень просто. Денег у Симонова нет, разорился подчистую, но у него имеется четырехкомнатная квартира на Садовом кольце. Мы ее продадим, сумма получится приличная. И

⁶⁸ Двоечка – нечто вроде спектакля, разыгрываемого бандитами со своим же подопечным в воспитательных целях. Сценарий примерно таков: на коммерсанта под видом представителей другой группировки наезжают ребята из той же бригады, которых он не знает в лицо, запугивают до полусмерти и назначают заведомо нереальную сумму ежемесячной дани. Он в отчаянии кидается за помощью к «крыше». Те, с деланной неохотой, соглашаются помочь, но предварительно читают бизнесмену длинную лекцию насчет его плохого поведения. Иногда даже инсценируется стрелка. После этого бизнесмен, как правило, делается покладистым и сговорчивым.

⁶⁹ Назначена.

вы вернете свою двадцатку, и мы получим назад наши лавы⁷⁰. Лоха же переселим в скромную квартирку на окраине.

Д-ские расслабляются. «Борец» впервые с начала встречи улыбается. Санина идея ему явно по сердцу.

– Покупателя найдете вы? – уточняет он.

– Да, – кивает Белов.

– Договорились.

Д-ские, простившись, уходят.

Уф!!! Пронесло!!! А сон мой – обыкновенный похмельный кошмар! Не более.

Выпив по чашке кофе, навещаем Симонова. Тот едва не плачет от радости. Похоже, Д-ские здорово запугали горемыку. Ничего, впредь будешь умнее, не полезешь в сомнительную аферу! Теперь пора «наезжать» на «Сириус». Боевое оружие, естественно, не берем, но прихватываем устрашения ради газовый пистолет. С виду – точная копия «макарова», не отличишь! Ну держись, жлобина, устроим тебе представление по полной программе!

⁷⁰ Деньги.

Дрожащей рукой Игорь Петрович набрал номер. К телефону долго никто не подходил.
– Слушаю, – послышался наконец на другом конце провода ленивый голос Корня.

Аркашкин, заикаясь от волнения, принялся объяснять ситуацию.

– Какого хрена мы должны за тебя подписываться? – выслушав его, ехидно спросил Корень. – Ты не платил четыре месяца. Вот и выпутывайся самостоятельно!

– Ребята, подъезжайте, пожалуйста, – чуть ли не плача, взмолился коммерсант. – Сегодня же уладим с вами все вопросы, мамой клянусь!

– Ладно, – после минутного раздумья нехотя согласился Корень. – Так и быть! Но учти! Помимо прочего – возместишь нам моральный ущерб за четыре месяца динамства. Десять штук зеленых. Согласен?

– Конечно, конечно!!!

– Хорошо, жди.

Аркашкин бросил на визитеров торжествующий взгляд и тут же схлопотал хлесткую пощечину.

– Прикинься ветошью и не отсвечивай, – ласково посоветовал Белов...

* * *

Мнимую «разборку» разыграли по всем правилам актерского искусства. Речи обеих договаривающихся сторон состояли в основном из блатного жаргона. Без переводчика не всякий поймет. (Между прочим, в общении друг с другом варламовцы феню⁷¹ почти не употребляли.) Игорь Петрович с замиранием сердца следил за словесными баталиями бандитов, преданно взирал на Корня с Листом и содрогался, встретившись взглядом с «отмороженными беспредельщиками». В конце концов справедливость восторжествовала. Зловещие «гости» убрались восвояси.

– Спасибо, спасибо! – горячо благодарил «крышу» Аркашкин.

– Спасибом сыт не будешь! – резонно заметил Лист. – Выкладывай недоимки плюс за моральный ущерб.

Игорь Петрович безропотно отворил сейф...

* * *

Несмотря на удачное завершение обоих мероприятий, настроение Белова оставляло желать лучшего. Он сам не понимал причины дурного расположения духа. И в первом, и во втором случае напарники действовали по совести. Симонов выпутался из крупных неприятностей (Д-ские, как сразу почувял Александр, были людьми чрезвычайно опасными. Особенно тот, с глазами убийцы). Бомжом коммерсант не останется, дешевую квартиру в Новогирееве ему уже присмотрели. Просто будет жить скромнее и, возможно, поумнеет. Аркашкин получил по заслугам. Торгаш давно нуждался в интенсивной «физиотерапии» и в прочистке жлобинных мозгов. Отчего ж тогда муторно на душе?! Непонятно!

«Сокол, слава Богу, выкарабкался из запоя, – подумал Александр. – Значит, теперь и мне можно расслабиться».

– Ты с нынешнего дня ведешь здоровый образ жизни? – спросил он друга.

– Да, – гордо ответил тот. – Пьянству бой!

– Великолепно. А я отправляюсь в «плавание». После бани довезешь до дому?

– Конечно!

⁷¹ Блатной жаргон.

– Вот и ладушки!

Белов притормозил около фирменного винного магазина. Наученный горьким опытом, Александр не покупал спиртное в коммерческих палатках. Неизвестно, какую гадость там тебе подсунут. Недавно сосед Белова по лестничной площадке отравился «импортным коньяком», оказавшимся на поверку подкрашенным денатуратом. Едва откачали мужика в реанимации. Лучше приобрести бухло подороже, зато качественное... Из магазина Белов вышел с тяжелой, доверху набитой бутылками сумкой. При виде ее новоявленный «трезвенник» Соколов укоризненно присвистнул. «Настала его очередь читать мораль и глубокомысленно рассуждать о вреде пьянства», – с усмешкой подумал Александр...

* * *

Корень с Листом восторженно приветствовали соратников.

– Классно, ребята, вы запугали ба-рыгу, – сказал Корень. – Смотрит на нас влюбленными глазами, перестал скупиться на капусту⁷². С нас причитается!

Он указал на две огромные авоськи.

– Пиво, «кристалловская» водка, мартини... В общем, что пожелаете! Есть и травка!

Белов отрицательно покачал головой:

– Не люблю наркоту, лучше выпью.

– Дело хозяйское, – согласился Корень. – Ну, вздрогнули!

Александр залпом осушил первый стакан. Соколов добродетельно отхлебнул «Нарзана»...

⁷² Деньги.

Глава 7

Виктор Соколов по кличке Сокол

Из сауны мы соорудили русскую баню. Плеснули на раскаленные камни ковшиком смешанной с пивом воды. Пока Саня хлестал водку, я хорошенько пропарился, окунулся в холодный бассейн и несколько минут простоял под теплым душем. Затем вернулся к ребятам. Белов пил, а Корень с Листом смолили⁷³ анашу, лишь изредка прикладываясь к бутылке с мартини. После запоя я некоторое время видеть не могу спиртное. Противно. Чем бы заняться? Может, шлюх вызвать? Ну их к лешему, надоели! Во, придумал! Нужно слегка поразмяться. При сауне имеется неплохой спортзал – боксерская груша, макавари⁷⁴, тренажеры...

Сначала направляюсь к груше. Как ни крути, бокс – моя «первая любовь». Это уже потом Андрюха Воронов приобщил меня к карате. Андрюха был раньше фанатом восточных единоборств и лишь три года назад под влиянием одного своего друга, в прошлом инструктора спецназа, увлекся УНИБОСом⁷⁵, в основе которого лежат русские стили: система Кадочникова, система Ознобишина, казачий рукопашный бой. Туда также включены наиболее эффективные приемы из бокса, боевого карате, кунг-фу, самбо, саватт⁷⁶ и т. д. Здоровье у Воронова в результате ранения подорвано, но сила удара и реакция остались прежними. Правда, пузо отрастил и дышалка никуда не годится (плевра повреждена). Недавно мы с Саней помогли ему переезжать на новую квартиру. Андрюха таскал мебель наравне с нами, и вскоре на него стало страшно смотреть – лицо налилось кровью, задыхается... Жаль парня!

Итак, сперва я изучал карате под его руководством, потом занимался у других тренеров и наконец добрался до кикбоксинга. Однако первая любовь, я имею в виду классический английский бокс, не забывается. Да, хорошие были времена. Помнится, в шестнадцать лет я занял второе место среди юношей в Московской области. Всех противников отправил в нокаут. Только последний бой проиграл по очкам: накануне подхватил грипп, температура подскочила до тридцати девяти.

Отличная груша! Ну-с, приступим!.. Левой... левой... Прямой правой... Отскочил... Свинг⁷⁷ с левой... Сорвал дистанцию – хук с правой... Одышка, черт бы ее побрал! Надо с завтрашнего утра начать бегать кроссы. Прочистить прокуренные легкие... Потренировавшись в меру сил, возвращаюсь к остальным. Все трое изрядно навеселе. Окосевший Лист травит анекдоты:

- «Переключка в армии:
- Иванов!
- Я!
- Петров!
- Я!
- Сидоров!
- Я!
- Чурбанбердыев!
- Моя!
- Что моя?

⁷³ Курили.

⁷⁴ Специальный снаряд для отработки ударов карате.

⁷⁵ Универсальная боевая система. Входит в программу подготовки наших диверсантов.

⁷⁶ Саватт – французский бокс. В отличие от английского включает в себя удары ногами, подсечки и некоторые болевые приемы.

⁷⁷ Длинный боковой удар в боксе.

- Твоя!
- Что твоя?
- Ура-а-а!!!»

Корень громко хохочет, а Саня даже не улыбается. В меланхолию ударился. Наливает себе очередной стакан водки, глотает не поморщившись, словно воду.

- Закусывай, – советует Лист.

Белов вяло жует бутерброд с осетриной. Затем, видимо? вспомнив, что он в бане, направляется в парилку. Из принципа. Не зря ж сюда приехал. Просто так напиться и дома можно. На всякий случай иду следом. Мало ли чего! Вдруг сердце прихватит! В пьяном виде париться опасно. Мои предосторожности оказываются напрасны. Саня приоткрывает дверь парилки, заглядывает вовнутрь, морщит нос и, бормоча: «Жарко, твою мать!» – поворачивает обратно.

- Выпей, Витек! – предлагает Корень.
- Нет, я в завязке!
- А-а-а! – понимающе тянет он. – Бывает!

Время близится к полуночи. Пора закругляться. Прощаюсь с Корнем и Листом, которые, похоже, собираются продолжать гулянку, грузу накачавшегося Саню в машину, отвожу домой и передаю в объятия его благоверной.

- Почему на тебе чужая куртка? – удивляется Светка.
- Я в ней всю жизнь хожу, – отвечает он, пытаясь стащить с ног ботинки.

Жена Белова вопросительно смотрит на меня. Разобравшись, в чем дело, не могу удержаться от смеха. Оказывается, по пьяной лавочке он нацепил кожанку Корня, оставив тому свой плащ. Не беда! Завтра обменяются! Вкратце объясняю Светке случившееся. Девчонка (ей всего-то двадцать два) хохочет. Не обращая на нас внимания, Саня целеустремленно бредет к постели. Прощаюсь со Светланой и еду домой. Вика, поди, заждалась.

При виде моей трезвой физиономии супруга тает от радости. Кошка мурлычет, трется об ноги. Пищит сотовый телефон. Это Толик. Он знает, что раньше двух я обычно не засыпаю.

- У вас, вижу, смена караула? – иронично осведомляется Варлам.
- Верно, – подтверждаю я. – Поменялись ролями.
- Слушай внимательно...

Получив задание на завтра, укладываюсь в кровать. Спать абсолютно не хочется. Чем бы заняться? Включаю видак, ставлю кассету с кинокомедией «Иван Васильевич меняет профессию». Воистину, подлинное искусство вечно! Фильм старый, а смотрится в тысячу раз лучше современного голливудского ширпотреба. У американцев, как правило, юмор довольно плоский. Тортом в морду или носом в грязь... Невероятно смешно... для них. Русских, за исключением круглых идиотов, подобной дешевкой не развеселишь. Заснуть удастся лишь в начале четвертого утра. Опять снятся кошмары. Вроде и от похмелья избавился, и фильм хороший посмотрел, ан нет, донимают проклятые!

Я иду по бесконечно пустынной дороге. Вокруг расстилаются голые мертвые поля: ни кустика, ни травинки. В небе бесшумно кружат странные, не похожие ни на одну из земных, птицы. Гнетущая тишина давит на уши. Сани рядом нет, я совершенно один.

- Сашка, братишка! Где ты? – кричу я в пустоту.
- Далеко, – отвечает еле слышный голос Белова. – Прощай, друг!
- Нет! Нет!! Нет!!! – рыдаю я и просыпаюсь.

Подушка влажная от пота. За окном светает. Понимая, что уснуть больше не удастся, умываюсь, бреюсь и завариваю крепкий чай. На кухне появляется заспанная Чуча и говорит: «Мяу». В переводе – «давай завтрак бедной старой кошке». Нюхает мясо, поднимает мордочку и выразительно смотрит на меня.

- Эх ты, совсем зажралась, – упрекаю я ее.
- Кошка начинает лениво жевать.

Сколько там на часах? Начало седьмого. Вспоминаю о данном себе накануне обещании бегать по утрам кроссы. Натягиваю спортивный костюм. На улице спокойно, безлюдно. Прохладный воздух бодрит. Бегу трусцой примерно с километр. Тяжело, однако, организм не до конца восстановился после штопора. Не беда! Денька через три регулярных тренировок буду как огурчик. Обратю возвращаюсь шагом. Прогулка не пропала даром. Аппетит появился. Поджариваю на сковородке сочный бифштекс. В качестве гарнира – пассерованный лук, зеленый горошек, ломтики свежих помидоров. Мясо – моя излюбленная пища. Насытившись, с наслаждением закуриваю первую сигарету. Половина девятого. Пора ехать за Саней. Мучается небось, бедняга, после вчерашнего. Куплю-ка ему по пути пару бутылок пива. Пусть подлечится.

Во дворе гуляет девочка с болонкой. Знакомое лицо. Вежливо здоровается, благодарит. За что? Ах да, за тех мудаков, которых я проучил недавно. Не стоит, малышка, не стоит, и вообще до свидания, я тороплюсь. На шоссе то здесь, то там тусуются шайки гаишников. Вышли на утреннюю охоту, сволочи. Но мне на них плевать. Правил не нарушаю, документы в порядке, запах перегара отсутствует, оружия в машине нет. Ну чего жезлом машешь, мусор, к чему прицепиться хочешь? Ах, ремень безопасности не пристегнут! Да пес с тобой, получи свою взятку и подавись ею! Ненавижу легавых! «Хороший мент – мертвый мент» – гласит народная мудрость. А надгробные памятники им надо изготавливать в виде унитазов: рядовым ментам – обыкновенные толчки, начальству – мраморные...

Подъезжаю к Саниному дому. Прихватив полиэтиленовый пакет с пивом, поднимаюсь вверх по лестнице. Представляю его состояние. Роба небось в зеркале не помещается! Не горюй, браток! Врач-похметолог прибыл!..

Глава 8

В отличие от Соколова Александра не терзали ночные кошмары. Снилось всякая чепуха, наподобие сборной солянки из обрывков различных мультфильмов. Проснулся он рано, ухватился обеими руками за большую чугунную голову и едва сдержал стон. Мелькнула мысль отправить Светку за «лекарством», но жена крепко спала, и Белов пожалел ее будить. Кряхтя и охая, он добрался до ближайшей коммерческой палатки самостоятельно. Возле нее толпились страждущие. Белов с трудом дождался своей очереди. Первую бутылку «Очаковского» он выпил залпом, прямо на улице. Пиво слегка восстановило его силы и дало ему возможность без особых страданий вернуться обратно в квартиру. Основательно подкрепившись живительной влагой, Александр почувствовал себя значительно лучше. Побрился, принял душ, однако завтракать не стал. Обычное явление после перепооя. В половине десятого в дверь позвонили.

– Доктора вызывали? – ухмыляясь, спросил с порога Витька, многозначительно побрякивая бутылками в сумке. – Э, да ты уже, – разочарованно молвил он, учуяв исходивший от друга пивной аромат.

– Пока тебя дождешься, загнуться можно, – ответил Белов. – Варлам звонил?

– Да.

– Какие планы на сегодня?

– Неизвестные отморозки наехали по беспределу на нашу фирму. В тринадцать ноль-ноль стрелка. Взаправдашняя, не как вчера.

– Хреново, – помрачнел Александр. – Оружие возьмем?

Соколов неопределенно пожал плечами:

– Не знаю. С одной стороны, конечно, нужно. С другой – вдруг они мусора? Последнее время эти твари поднаторели в подставках. Приедешь со стволами – а тебя под белые руки да привлекут по двести двадцать второй⁷⁸. Срок до трех лет, если влипнешь один. Те же деяния, совершенные группой лиц – а нас двое, значит, «группа» – от двух до шести...

– Н-да, – задумался Белов. – Задача... Стоп! – вдруг насторожился он. – Какая, говоришь, фирма?

– «Водолей», хозяин – Кузнецов.

– Поразмыслим, – предложил Александр. – Кузнецова месяц назад мы наказали на приличную сумму за сокрытие доходов⁷⁹. Барыга вполне мог затаить злобу и попытаться отомстить. На стрелку с отмороженными беспредельщиками все нормальные люди отправляются с вольнами. Коммерсант это прекрасно знает. Попробуем, хоть и противно, влезть в его шкуру. Итак, предположим, он жаждет подставить нас под ментов. Когда и как? Во время сбора ежемесячной дани мы чистые⁸⁰, подкопаться сложно, а вот на разборке с беспредельными ублюдками... Ты правильно сказал насчет двести двадцать второй. Давай исходить из худшего – никакого наезда не было. Торгаш с целью подвести нас под монастырь кидает на пейджер Варламу информацию – мол, так и так, убивают, выручайте! Варлам перезванивает ему и узнает «жуткие» подробности – оголтелые изверги избивают бедолагу, размахивают пистолетами и т. д. и т. п. Мы приезжаем, соответствующим образом снарядившись, и попадаем в распростертые объятия легавых. Тогда или их мочить и уходить на нелегальное положение, или быть взятыми «с личным». Кстати, почему Кузнецов связался именно с Варламом, а не с нами? Сообщаешь?

⁷⁸ В новом Уголовном кодексе статья за незаконное ношение оружия.

⁷⁹ Современные рэкетеры во многих случаях берут с подопечного не конкретно оговоренную сумму, а определенный процент от прибыли или от оборота.

⁸⁰ В данном контексте – невооруженные.

- Нет, – честно признался Витя.
- Чтобы прибыло и залетело как можно больше народа. Толик в разговоре упомянул о подкреплении?
- Да.
- Все сходится.
- Поспешно набрав номер Варлама, Белов высказал свои подозрения.
- Молодец, – похвалил его шеф. – И мне приходили в голову подобные мысли. Твои предложения?
- Устроим проверочку. Перебьем⁸¹ стрелку, а сами...
- Ясно, – понял с полуслова Толик. – Так и поступим...
- Мы звякнем Кузнецову и скажем – дел по горло. Стрелка переносится на завтра, на три часа дня, – пояснил Соколову Александр. – В помещение войдем сегодня в условленное время, вдвоем, без стволов. Вооруженное прикрытие будет поблизости. Если там действительно отморозки, подадим знак своим. Как именно, еще успеем придумать. Если же коммерсила решил нас подставить, в офисе никого не окажется. Он обязательно предупредит мусоров – бандиты явятся завтра. Те, само собой, не пожелают сидеть целые сутки в засаде. Не тот случай. Легавые уверены – дичь сама залезет в капкан... завтра...
- Ты гений! – восхитился Сокол.
- Перестань, – отмахнулся Белов. – Хрестоматийная схема. Большого ума здесь не требуется.
- Он открыл пивную бутылку о край стола и надолго припал губами к горлышку.

* * *

Белов с Варламом угадали правильно. Глава фирмы «Водолей» Леонид Андреевич Кузнецов действительно готовил подставку. Он не простил бандитам десяти тысяч долларов, которые ему пришлось выложить месяц назад в качестве штрафа. При одном воспоминании об этом душа Кузнецова выла гадким голосом. Да, он скрывал размеры доходов, для того, собственно, и согласился платить не фиксированную сумму, а десять процентов от чистой прибыли. Леонид Андреевич чрезвычайно любил халяву, наивно полагая, что способен одурачить любого. Скрыть прибыль – дело не слишком сложное для умного, изворотливого человека. По крайней мере с налоговой полицией ему удавались подобные фокусы, а вот проклятые бандиты оказались гораздо пронизательнее государственных чиновников. В один прекрасный день они навестили Кузнецова с несколькими листами бумаги в руках и с точностью до рубля подсчитали его навар. Бандиты казались весьма рассерженными и категорическим тоном предложили – или выкладывай штраф, или... Кузнецов заплатил, но с той поры утратил душевный покой. Он долго думал, как расквитаться с рэкетирами, одновременно не повредив собственной шкуры, и лишь недавно его осенило. Подставить гадов под РУОП, а потом изображать невинную овечку: «Я не знал... Приехали, избил... Спросили, кому платишь... Назначили стрелку...» и т. д. и т. п.

Леонид Андреевич не сомневался в успехе задуманной провокации. Даже после звонка Белова коммерсант не насторожился. Перенос стрелки – обычное явление⁸². Он по телефону предупредил руоповцев, что сегодняшняя операция отменяется. Преступники явятся завтра в пятнадцать ноль-ноль. Положив трубку, Кузнецов с хрустом потянулся, возложил ноги на

⁸¹ В данном контексте – переназначим.

⁸² По бандитским законам та сторона, которой «забили стрелку», имеет полное право перенести ее на любое другое время или место.

стол, заказал секретарше чашку кофе и закурил дорогую импортную сигару. В час дня дверь кабинета распахнулась. На пороге стояли Белов с Соколовым. Леонид Андреевич содрогнулся.

– Здравствуй, родной! – с приторной ласковостью приветствовал бизнесмена Александр. – Где отороженные беспредельщики?

Глава 9

Виктор Соколов по кличке Сокол

Невзирая на похмельный синдром, Санина голова сработала отменно. Просчитал психологию и действия барыги до мелочей, за версту учуял подвох! В офис Кузнецова мы заходим ровно в тринадцать ноль-ноль.

– Здравствуй, родной, – ехидно улыбается Белов. – Где отмороженные беспредельщики?

Ошарашенный коммерсила трясется словно в лихорадке.

– В-вы ж с-сказали з-завтра! – заикаясь, мямлит он.

– Правильно, – соглашается Саня. – Но ведь отморозки об этом не знают? Или знают? Ты, сука, предупредил! Под кого решил подставить?! Под ментов?!

Тут в беседу вмешиваюсь я и всаживаю кулак в потное рыло Кузнецова. Торгаш сваливается под стол и скулит оттуда:

– Ребята, не надо!!!

– Надо, Леня, надо! – копируя Шурика из фильма «Операция Ы», нравоучительно проносит Белов и оборачивается ко мне:

– Вытаскивай, Витя, засранца из-под стола. Намечается небольшой пикничок на лоне природы. Свежий воздух никому из нас не повредит. Особенно ему. Да и я, по правде сказать, не прочь проветриться. Башка гудит, во рту сто кошек насрали. Похмелье, будь оно трижды проклято!

* * *

Убедившись в виновности Кузнецова, Варлам зеленеет от бешенства.

– Вероломная мразь, – шипит он. – Пидор мокрожопый. На шашлык пуцу!

– Хорошая идея, – замечает Белов. – Я как раз обещал ему пикничок на природе, только не уточнил, из кого приготовим закуску.

Варлам от души хохочет и изъявляет желание лично поучаствовать в расправе. Запикиваем полуживого от страха коммерсину в нашу машину. Варлам с двумя пацанами едет впереди, видимо, желая сам подыскать подходящее место. Я веду машину, держась в хвосте Толикова «Мерседеса». Саня на заднем сиденье подкрепляется пивом и по ходу дела стращит Кузнецова, расписывая последнему подробности предстоящей казни. (Мы, разумеется, не собираемся валить⁸³ гаденыша, ни к чему лишняя мокруха, однако проучить коммерсину следует.)

– Лично я предпочитаю убивать гуманно, – вяло бормочет Белов, прихлебывая из бутылки. – Например, отрубить голову или повесить. Но ты, гондон, слишком сильно разозлил ребят. Они наверняка придумали для тебя нечто экстравагантное.

– Люблю закапывать живьем, – поддерживаю игру я.

– Жалкое, брат, у тебя воображение, – сокрушенно вздыхает Саня. – Есть способы гораздо интереснее.

От перетрусившего барыги воняет потом. Как бы сиденье не обоссал! Отмывать замучаешься!

«Мерседес» Варлама сворачивает с шоссе на проселочную дорогу. По обеим сторонам ее густой лес. Наконец останавливаемся. Вытаскиваю Кузнецова за шкуру из машины и веду в заросли. Метров через сто мы оказываемся на небольшой полянке. Наношу коммерсанту резкий удар ребром ладони чуть ниже затылка. Он ничком валится на землю.

⁸³ Убивать.

– Встать, падаль, – пинает его ногой в бок Варлам.

Кузнецов с трудом поднимается, но тут же новый удар, на сей раз локтем в челюсть, отправляет его в глубокий нокаут.

К избитию подключаются все, кроме Белова. Удары сыплются градом. Саня стоит немного поодаль и брезгливо морщится. Воспитательный процесс продолжается примерно минут пять. Барыга визжит, хрипит, харкает кровью... Варлам отводит нас с Беловым в сторону.

– Работать с Кузнецовым больше не стоит, – шепчет он. – Нужно вытрясти пидораса, как Бурагино, да послать к чертям собачьим. Ваше мнение, пацаны?

– Пусть прямо отсюда звякнет своему заместителю и прикажет перевести на счет фирмы «Гигант» деньги. По моим подсчетам, он потянет примерно половину ар-буза⁸⁴, – предлагает Саня. – «Гигант» через подставных лиц принадлежит Варламу – штатный юрист оформит все надлежащим образом, не подкопаешься. Главное, чтоб Кузнецов не накатал потом заявку в мусарню. С перечислением денег тянуть нельзя. Перевод нужно осуществить в кратчайшие сроки. Желательно в течение сегодняшнего дня.

– Ты, Белов, мои мысли читаешь! – умиляется Варлам. – Молодец! Чем быстрее, тем лучше. А по поводу заявки... Гм! У этого индивида душонка слабая, трусливая. Не посмеет! Только нужно окончательно дожать падлу. Сыграем в «доброе и злого дядю». Мы будем злодеями-мокрушниками, а ты, Саша,образишь добряка-гуманиста. Лицо у тебя располагает к доверию!

Белов согласно кивает головой. Экзекуция возобновляется. Двое ребят начинают копать могилу. Варлам кровожадно потирает руки. По ходу дела они нарочито громкими голосами спорят о способе убийства.

– Живьем закопаем, – говорит один из варламовских пацанов по кличке Серый.

– Не интересно, – возражает другой, темноволосый, черноглазый, по прозвищу Коршун. – Соорудим «живой факел». Обольем бензином да подожжем. Вот смеху-то будет!

– «Живой факел» – забавное зрелище, – соглашается Серый. – Ты продолжай копать, а я возьму из багажника канистру.

– Примитивно, ох примитивно! – вмешивается в беседу Варлам. – У меня идея гораздо оригинальнее. Кстати, заклейте сучонку рот скотчем. Нету?! Безобразие! Совсем нюх потеряли. Ладно, и кляп сгодится. Итак, на чем бишь я остановился? Проклятый склероз! Ах да! Видите те две молодые березки? Ну-ка напрягите извилины, вспомните историю!

Пацаны удивленно взирают на шефа.

– В десятом веке древляне привязали князя Игоря⁸⁵ за ноги к двум березам да отпустили, – блистает эрудицией Толик. – Разорвали напополам голубчика. Как вам моя идея?

– Класс! – восторженно восклицает Серый. Его активно поддерживает Коршун.

Коммерсант утробно мычит. Штаны намокают спереди. Обоссался-таки! Тут на сцене появляется «добрый дядя» в лице Саши Белова.

– Ребята, а может, не надо? – при-мирительно говорит он. – Вдруг Кузнецов по-хорошему поймет? Загладит свою вину?

– Хрена лысого он поймет! – хором возражают остальные.

Саня не сдается, вызывает к чувству сострадания корешей. Мы усердно изображаем кровожадных злодеев. Спор длится долго, не менее десяти минут. Барыга, похоже, доведен до

⁸⁴ Миллиарда.

⁸⁵ В 945 году от Рождества Христова древнерусский князь Игорь (сын Рюрика) действительно был казнен племенем древлян таким способом. В те времена князья, подобно современной братве, регулярно объезжали вместе с дружиной свои владения и собирали причитающуюся им дань. Это называлось «ездить на полюдь». Игоря сгубила жадность. Получив от древлян дань, он по дороге домой вдруг решил, что ему мало, и вернулся за добавкой. Возмущенные древляне жестоко расправились с «беспредельщиком».

кондиции. По пепельно-серому лицу струится обильный пот, глаза выпучены, обрюзгшее тело трясется.

– Му-у-у!!! – умоляет о пощаде он, подползая к Саниной ноге. Вероятно, хочет ухватиться за нее, как утопающий за соломинку, да не получается: руки крепко связаны за спиной. – Му-у-у!!!

– Ладно, так и быть, – с деланной неохотой поддается на уговоры Варлам. – Только беседуй с ним сам! Меня тошнит от этой дряни! – Толик демонстративно отворачивается. Белов вытаскивает кляп изо рта бизнесмена.

– Спасибо! Спасибо! Спасибо! – задыхаясь, хрипит тот. – Век не забуду!

– погоди, – прерывает Кузнецова Саня. – Сейчас ты позвонишь в офис, распорядишься перечислить, – тут Белов называет номер счета, – пятьсот миллионов рублей. Пусть не тянут резину. Деньги нужно перевести сегодня. Потом звякнешь домой, успокоишь жену, совершь, будто отъехал в срочную командировку. Говори ровно, спокойно, беспечно, дабы не вызывать подозрений. Никаких намеков! Как только деньги будут получены, тебя отпустят, и не вздумай жаловаться в милицию. – Белов заговорщицки понижает голос. – Иначе я за них не ручаюсь, – шепчет он. – Натуральные изверги, садисты! Вырежут всю семью...

«Чудом» избежавший мучительной смерти Кузнецов соглашается на все условия. Звонит в фирму, затем домой. Довольно натурально изображает спокойствие. Варлам отвозит его на свою загородную дачу, где барыге предстоит погостить до тех пор, пока не подтвердится факт перевода денег. На сегодня работа закончена, а завтра и послезавтра выходные. Везу Белова домой. Он почему-то не в духе, почти не разговаривает и хлещет пиво бутылку за бутылкой.

– Жалеешь торгаша? – спрашиваю я.

– Нет.

– Тогда в чем дело, чего нос повесил?

– Не знаю...

Эпилог

В воскресенье Белов с Соколовым отправились по магазинам искать подарок Вике, у которой намечался вскоре день рождения. Машину вел Виктор. Александр, полузакрыв глаза, развалился на заднем сиденье. Вопреки ожиданиям, в запой он не ушел и, слегка «поболел» в субботу, сегодня чувствовал себя нормально. С утра пораньше Белов сходил в церковь, исповедался, причастился. По правде говоря, на причастие он не надеялся – пил накануне, не постился. С утра, не удержавшись от искушения, выкурил сигарету⁸⁶. Все это он честно рассказал священнику. Старый седобородый отец Владимир пристально посмотрел на Александра и с нажимом произнес:

– Причащайся!

– Но я... – неуверенно начал Белов.

– Ничего, тебе обязательно нужно причаститься. – В глазах старика мелькнула жалость. – Иди с Богом!

«Наверное, пришла пора умирать, – неожиданно подумал Александр. – И Господь оказал мне последнюю милость⁸⁷. Впрочем, нет! Наверяд ли. Просто священник заметил угнетенное состояние моего духа. Отец Владимир – человек на редкость проницательный. Многое в жизни повидал, всю войну прошел».

Вернувшись из церкви, Белов почувствовал себя легко, спокойно. Утихла тоска, грызущая сердце на протяжении последних двух месяцев...

Друзья объехали ряд универмагов и не нашли ничего подходящего.

– Ну ее в баню! – сказал Виктор, тормозя у известного фешенебельного магазина «Парадиз»⁸⁸.

– Надоело колесить по городу. Купим что подвернется.

– Разумное решение, – согласился Александр.

Внутри толпились покупатели («Парадиз» славился широким ассортиментом и высоким качеством товаров). Было много детей. Малыши звонко щебетали, смеялись. Некоторые капризничали, норовя утянуть родителей к отделу с игрушками.

Белов печально вздохнул. Александр любил детей, но своего ребенка у него не было, так уж получилось. Внезапно он насторожился. Женщина, похожая на чеченку, с бесноватыми глазами фанатички, порывшись в хозяйственной сумке, бросила на пол небольшой металлический предмет и мгновенно скрылась в гуще народа. Посетители «Парадиза» не обратили на нее ни малейшего внимания. Белов похолодел. В центре торгового зала, на каменном полу, лежала «Ф-1» с выдернутой чекой. Самая опасная из современных осколочных гранат. Радиус поражения – двести метров. Три, четыре секунды, и... Мозг Белова заработал в убыстренном темпе. В плотной толпе эффект от взрыва будет ужасающим... Перед мысленным взором Александра возникла страшная картина: кровь повсюду... на стенах, на прилавках, на потолке... Груда трупов. Среди них – изуродованные тела детишек, которые уже никогда не станут взрослыми. До взрыва оставалось не более двух секунд...

– Господи, прими мою душу грешную! – шепнул Белов, наваливаясь грудью на гранату.

* * *

Виктор Соколов по кличке Сокол

⁸⁶ Перед причастием по правилам православной церкви нужно хотя бы день поститься, с утра не есть и не курить.

⁸⁷ Искренняя исповедь и причастие смывают с человека грехи, открывая ему путь к спасению души.

⁸⁸ Название изменено.

Подброшенную чеченской стервой «Ф-1» я замечаю одновременно с Саней, но на мгновение теряюсь и упускаю момент. Белов опережает меня, закрыв гранату собственным телом. Грохает приглушенный взрыв. Поднимается паника. Отовсюду несутся истошные вопли. Перестаньте орать, идиоты! Никто не пост-радал... кроме моего лучшего друга! Появляются менты, как всегда, с большим опозданием. Создают видимость активной деятельности. На закрытых простыней носилках уносят останки Белова. Я знаю, Саня, ты давно мечтал иметь ребенка. Отныне их у тебя множество. Для всех спасенных детей ты стал вторым отцом, а может, и первым. Ведь далеко не каждый человек решится на такое... Ноги подкашиваются. Глаза застилает мутная пелена. Я опускаюсь на колени и глухо, без слез рыдаю. Сбылись сны! Я остался один. Почему я не успел сделать этого сам?! Ну как мне теперь жить?! Ка-а-а-ак?!

* * *

«И сказал Иисусу (разбойник, распятый рядом с Христом. – *Авт.*):
Помяни меня, Господи, когда придешь во Царствие Твое.
И сказал ему Иисус: Истинно говорю тебе.
Ныне же будешь со мною в раю».
(*Евангелие от Луки, 23. 42–43*)

Замусоренные

Пролог

Нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не стало бы известным.

Евангелие от Матфея, 10–27

И судим был каждый по делам своим...

Апокалипсис, 20–14

Замусоренные, они же ссученные, они же козлы-бандиты, трудящиеся на ниве криминального бизнеса рука об руку с ментами и стучащие как дятлы на всех прочих, дабы их подельники, не нарушая своих материальных интересов, могли выполнять план и втирать очки начальству, менты же старательно покрывают любой беспредел замусоренных и в результате, опьянев от чувства полной безнаказанности, уже во много раз перецеголяли обычных бандитов по степени творимых мерзостей.

Из еще не изданного толкового словаря русского языка

Вадим Михайлов, по кличке Михай, обладал редкостной интуицией, но на сей раз она его подвела, причем самым что ни на есть паскудным образом. Рано утром он позвонил владельцу коммерческого магазина «Маргаритка» Валентину Кравцову и договорился о встрече. Год назад Кравцов упросил Вадима одолжить ему под проценты сумму долларов, однако возвращать не спешил, ссылаясь то на те, то на другие «объективные» обстоятельства, а последнее время даже выплату процентов приостановил. Обнищал, дескать! Подобное положение вещей никак не устраивало Вадима, тем паче что на днях откинулся⁸⁹ его младший брат Андрюха, мотавший срок по двести восемнадцатой.⁹⁰ Нужно было поддержать парня на первых порах, помочь обустроиться, встать на ноги...

Кравцов вопреки обыкновению от встречи не уклонился и предложил заехать к нему на квартиру ровно в двенадцать часов дня.

Утро выдалось ясное, солнечное. На ветвях деревьев искрились пушистые хлопья снега. Легкий морозец не выстуживал до мозга костей, но вместе с тем и не давал дорогам раскиснуть, превратиться в омерзительное грязно-серое месиво.

Без помех добравшись до нужного ему дома, Вадим вышел из машины, с удовольствием вдохнул свежий воздух, улыбнулся и полез в карман за сигаретами. Часы показывали без двух двенадцать. В этот момент из припаркованной поблизости белой «Волги» выскочили трое парней. Лица их скрывали вязаные лыжные шапочки с прорезями для глаз.

«Подставил, сука!!! – запоздало догадался Михай. – Эх дурак я, дурак!!!»

Первый из убийц вытащил из-за пазухи «макаров». Грохнуло подряд три выстрела. Две пули попали в живот, третья в грудь. Вадима отшвырнуло назад.

– С того света достану вас, пидоров!!! – захлебываясь кровью, прохрипел умирающий Михай.

⁸⁹ Вышел на свободу из мест заключения.

⁹⁰ По старому УК – статья за незаконное хранение оружия.

Убийца ухмыльнулся, деловито приблизился и произвел контрольный выстрел в голову. Тупоногая пуля «макарова» в буквальном смысле слова разнесла череп.

Не обращая внимания на остолбеневших от ужаса прохожих, парни в лыжных шапочках уселись в «Волгу» и укатили восвояси. Только тогда улица ожила: слышались крики, охи, ахи и женские причитания.

Спустя полчаса подъехал наряд милиции, небрежно и брезгливо оглядел убитого, а затем вызвал труповозку...

* * *

Местная милиция к убийству отнеслась равнодушно. Лишь между начальником следственной части подполковником Кудияровым и начальником отделения полковником Нееловым состоялся короткий разговор.

– Свидетелей происшествия принятыми оперативными мерами установить не удалось, – пошевеливая длинными тараканьими усами, докладывал Кудияров.

– Ну и ладно, – махнул мощной лапой с толстыми пальцами-сосисками полковник Неелов, кряжистый толстомордый барбос с коротко подстриженными седыми волосами. – Пусть прокуратура разбирается! Заказные убийства их профиль. – Неелов обнажил крупные желтоватые зубы, что по всей вероятности означало улыбку. – Ты же пошуруй для видимости, подготовь соответствующие бумажки...

Кудияров согласно кивнул...

– Разрешите идти? – спросил он.

– Да.

Оставшись в одиночестве, полковник радостно оскалился, вынул из ящика стола фляжку коньяка, набулькал полный стакан и залпом выпил.

– Одним меньше, – хрустя карамелькой, проворчал начальник отделения.

Глава 1

Без приключений выбравшись за черту города, убийцы загнали машину в лес, бесцеремонно столкнули в овраг, полили бензином и подожгли. На лицах их не отразилось ни тени сожаления. Чужое ведь! («Волгу» угнали за час до совершения преступления.) Лыжные шапочки и «мокрый ствол»⁹¹ также полетели в огонь. Затем они разыскали свою «бээмвуху», оставленную неподалеку (не новую, но и не старую, эдак «бальзаковского» возраста), спортивно погрузились вовнутрь и двинулись в сторону пансионата, располагавшегося в нескольких километрах от Москвы. В результате удачно проведенной операции физиономии парней, мягко говоря, не отмеченные печатью интеллекта, сияли от радости. Самому старшему было на вид не более двадцати пяти лет. Все трое «работали» в бригаде Коли Васильева, известного под кличкой Василек, давным-давно скурвившегося и поддерживающего тесные, взаимовыгодные контакты с подполковником Кудияровым и полковником Нееловым. Замусоренные васильковцы на пару с доблестными стражами порядка трясли коммерческие палатки, взимали дань с частных фирм и чувствовали себя превосходно. Милиция замусоренных не трогала, напротив, заботливо оберегала от всяческих неприятностей, а те в ответ стучали как дятлы и при каждом удобном случае сдавали или подставляли ребят из остатков некогда гремевшей на весь город братвы Н-ского района. Правда, в другие районы, еще не подмятые мафией в погонах, васильковцы соваться не осмеливались, совершенно обоснованно опасаясь жестокой расправы.

Покойный Михай, решительный, волевой и, главное, ни за что на свете не желавший сотрудничать с ментами человек, являлся для них «костью в горле». Подставить хитрого как лис Михая не удалось, и посему его решили просто убрать, разумеется, с согласия мундирных хозяев.

«Ликвидацию» поручили Вите Самойлову, по прозвищу Ряха, Евгению Симкину, по кличке Пятак, и Олегу Кошелкину (в кругах васильковской бригады его называли Луна). Такое погоняло Кошелкину обеспечила жирная шарообразная голова.

Луна был самым старшим из троицы свежеиспеченных киллеров. Поэтому стрелял он. Ряху с Пятаком задействовали для подстраховки, а также с целью повышения квалификации, Василек лелеял в глубине души далеко идущие планы: полное уничтожение оставшейся братвы, а затем завоевательный поход в другие, пока незамусоренные районы. Тем паче, что Кудияров твердо обещал – проблем с сотрудниками тамошних правоохранительных органов не возникнет... Вольготно развалившись на заднем сиденье, Луна набивал анашой пустую «беломорину».

– Эй, Пятак, ездай потише, – лениво бросил он сидевшему за рулем Симкину. – Травка рассыпается!

Пятак послушно сбавил скорость.

Закончив процесс набивания косяка, Луна щелкнул зажигалкой, прикурил и с наслаждением затянулся дурманящим дымом.

– Лихо ты его уделал! – завистливо сказал Ряха. – Аж мозги по асфальту разлетелись!

– Учись, студент! – самодовольно усмехнулся Луна. – Тогда будет и на твоей улице праздник.

Машина плавно вкатилась в настежь распахнутые ворота пансионата. Замусоренные приободрились. Добросовестно выполнив задание Василька, они имели полное право на отдых и развлечения...

⁹¹ «Мокрый ствол» – оружие, из которого был убит человек.

* * *

Николай Васильев, он же Василек, узнал об удачном исполнении задуманного одновременно с милицией. Да иначе и быть не могло. Соратники же!

Василек, некогда худощавый, спортивный, а теперь дряблый и обрюзгший тридцатилетний мужчина, с трудом сдерживал распиравшую его радость.

«Жадность великая сила!» – подумал он, вспомнив о Кравцове: низкорослом, грязноватом, смахивающем на злую обезьяну торгаше, благодаря которому удалось подловить ненавистного Михая. Василек прикрутил Кравцова месяц назад, и сразу же на него лавиной обрушились слезливые жалобы коммерсанта на «злодеев-кредиторов».

Валентин Кравцов, несмотря на чрезмерное самомнение, был глуп как пробка, в бизнесе разбирался как баран в высшей математике и, разумеется, по уши увяз в долгах.

Не отличавшегося альтруизмом Василька это мало заботило, и он уже собирался дать Кравцову пинка под зад, предварительно обобрав до нитки, однако, узнав, что среди кравцовских кредиторов числится Михай, решил повременить с вытрясыванием незадачливого барыги и использовать его для устранения заклятого врага...

Валентин, по распоряжению Василька назначивший встречу Михаю ровно на двенадцать дня, наблюдал сцену убийства от начала до конца из окна собственной квартиры, сучил ногами в восторге, обливался вонючим потом и гнусно хихикал.

– Все, Инночка! – спустя полчаса гордо заявил он зашедшей в комнату жене. – Одним гадом меньше! У меня надежные друзья! С ними словно за каменной стеной!!! С ними...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.